

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Э. Р. АТАЯН

ПРЕДМЕТ И ОСНОВНЫЕ
ПОНЯТИЯ СТРУКТУРАЛЬНОГО
СИНТАКСИСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИТК“
ЕРЕВАН—1968

Работа посвящена исследованию актуальных проблем современного синтаксиса. Она содержит подробный критический анализ различных направлений структурального синтаксиса. Основываясь на теоретических достижениях современной лингвистики, автор выдвигает целостную и детально аргументированную концепцию синтаксического описания, в свете которой анализируется ряд основных понятий традиционного и структурального синтаксиса, и разрабатывает вопрос исходных понятий структурно-функционального анализа синтаксического строя языка.

Книга предназначена для лингвистов, занимающихся теоретическими вопросами синтаксиса, и для всех, кто интересуется новейшими достижениями языкознания.

Редактор профессор Г. Б. ДЖАУКЯН

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Интенсивное развитие структуральной лингвистики за последние десятилетия сопровождалось заметным расширением сферы ее изысканий. Если первоначально структурные принципы и методы применялись главным образом при изучении фонологических и морфологических явлений, то в дальнейшем эти принципы и методы стали проникать также в синтаксические исследования. Их приложение к изучению синтаксического строя языка позволило, с одной стороны, внести определенное уточнение и объективизацию в описание, а с другой — выдвинуло множество новых проблем.

В разработке синтаксической проблематики между школами, а также стоящими вне школ лингвистами структурального направления наблюдаются значительные расхождения. Тем не менее, очевиден прогресс в освещении вопросов специфики и границ синтаксиса, основных синтаксических единиц, их классификации и системных взаимоотношений, способов их выявления и т. п. Если некоторые школы и отдельные лингвисты сосредоточили внимание на разработке методики анализа или синтеза высказывания (текста) или на установлении принципов описания изоморфных черт различных аспектов (уровней) языка, то другие стремятся к воссозданию общей картины языковой структуры, с учетом специфических особенностей и места каждого (в том числе, синтаксического) аспекта в языковом целом.

Рассмотрение направлений, которые воплощают те и другие тенденции, позволяет прийти к определенным заключениям относительно возможных путей дальнейшего

обновления синтаксиса и синтаксического моделирования в рамках структурализма.

В настоящей работе сделана попытка, опираясь на анализ принципов и методов ряда течений в области современного структурального синтаксиса, строже очертить некоторые основные понятия синтаксического описания, а именно, понятия элементарной синтаксической единицы и элементарной синтаксической структуры. Имея черты, сближающие их с традиционными понятиями синтаксического описания, — словом, словосочетанием, — рассматриваемые здесь понятия представляются более соответствующими синтаксическим реалиям структурно-функционального порядка; поэтому при описании синтаксического строя языка со структурной точки зрения кажется более целесообразным оперировать именно этими понятиями. Разработка подобных понятий могла бы, в частности, способствовать более последовательной классификации синтаксических единиц, чем традиционная классификация по частям речи и членам предложения.

Синтаксическое описание, исходящее из понятий элементарной синтаксической единицы и элементарной синтаксической структуры, образует статическую модель синтаксического строя, отличную как от „процессуальных“ (алгоритмических, направленных на анализ и синтез речи) моделей дескриптивной и трансформационной грамматик, так и от синтагматико-парадигматической модели глоссематиков. С другой стороны, эта модель не совпадает с традиционной, основанной на дихотомии: слово/словосочетание (или предложение). Она сближается прежде всего с моделью, элементы которой имплицитно содержались в трудах Ш. Балли, Ж. Дамуретта и Э. Пишона и которая впоследствии обрела более четкие контуры благодаря Л. Теньеру (пользуясь терминами последнего, это модель: ядро — связь — узел). Впрочем, элементы подобного моделирования можно найти также в работах некоторых других лингвистов современности, например, у Е. Куриловича

Многие страницы данной работы посвящены аргументации в пользу последнего способа моделирования, который, по-видимому, основан на весьма тщательном учете

данных языковой интуиции, что является необходимым условием достаточно адекватного отображения существенных синтаксических связей и закономерностей.

Превращение языкознания из науки, занимающейся обобщением эмпирического материала, в науку, выдвигающую гипотезы, моделирующие фундаментальные черты языка, предполагает разработку конструкторов, относящихся к разным аспектам языковой системы. Настоящая работа посвящена проблеме **установления конструкторов моделирования синтаксического уровня**, с помощью которых осмысляются эмпирические данные и фиксируются определенные синтаксические инварианты универсального характера.

Автор искренне благодарен проф. Г. Б. Джаукяну и доц. М. С. Караевой за ценные замечания.

Г л а в а I

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ СТРУКТУРАЛЬНОГО СИНТАКСИСА

Современная лингвистика, особенно лингвистика структуральная, стремится к коренному пересмотру традиционных принципов и методов описания языка.

Описательное языкознание прошлого подвергается критике во многих отношениях. Стремятся избежать таких недостатков, свойственных обычным традиционным описаниям, как неполнота и неэкономность, отсутствие целостности и последовательности.

Достигнуть более или менее **полного охвата** фактов описываемого языка возможно, очевидно, при условии, если эти факты будут отбираться не спорадически и случайно, не на основе субъективного произвола, а с помощью систематического анализа речевого материала. В принципе любое лингвистическое описание базируется в конечном счете на анализе данных речи. Однако только четкое разграничение языка как некоторой потенции и речи как ее реализации, введенное в лингвистику Ф. де Соссюром, позволило осознать, что речь является единственным источником информации о языке и, следовательно, тем **материалом**, от которого необходимо отталкивается лингвист. Оказалось, что желаемая степень полноты описания языка может быть обеспечена лишь в результате анализа достаточно большого количества речевых образований — отрезков текста. Одним из важных требований, выдвинутых описательным языкознанием XX века,

является требование возможно более полного описания языка, основанного на систематическом анализе речи (текста).

Выполнение этого принципиального требования сталкивается на практике с существенным затруднением. Количество речевых образований, или сообщений (а следовательно, заложенная в них потенциальная информация о языковом коде) не имеет ограничений, и их исчерпывающий охват находится вне пределов возможностей лингвиста. Недостаточность индуктивно-аналитического исследования, восходящего от речевых феноменов к их языковой основе, современная наука стремится восполнить построением дедуктивных моделей, позволяющих не только охватить существующие языковые факты, но и предсказывать возможные¹.

Тем не менее, для разработки моделей, в той или иной мере адекватно отображающих объективную картину языка, обращение непосредственно к анализу текста является неизбежным хотя бы на двух этапах работы: во-первых, на ступени наблюдения над речевым материалом, когда делаются предварительные допущения, выдвигаются гипотезы о явлениях языка и вырабатываются конструктивные понятия лингвистического описания—элементы построения модели²; во-вторых, на ступени конкретного применения-интерпретации модели, когда обращение к тексту позволяет уточнять, совершенствовать модель, приводя ее в возможно большее соответствие с фактическим положением вещей. Следовательно, моделирование в лингвистике само по себе не отменяет необходимости речевого анализа; хотя действительно исчерпывающий анализ здесь не осуществим, тем не менее, возможно больший охват текстуального материала является одной из важных задач языкознания.

В качестве противовеса и необходимого дополнения к принципу полноты выдвигается также принцип **ЭКОНОМНОСТИ** описания, согласно которому адекватное лингвистическое описание должно идти к цели наикратчайшим из возможных путей. Если соблюдение принципа полноты дает возможность охватить в описании **всю** необходимую инфор-

мацию об объекте, то введение принципа экономности позволяет давать **только** необходимую (=достаточную) информацию, избегая повторений, излишней детализации и т. п., чем устраняется избыточность в описании³.

Отсутствие **целостности** в традиционных описаниях было обусловлено игнорированием системного характера языка, пониманием языка как конгломерата разрозненных элементов. Описание часто имело характер каталогизации фактов, где детали заслоняли целое.

Напротив, обоснованное Ф. де Соссюром понимание языка как **целостности** взаимозависимых элементов — **системы**, пребывающей неизменной в преходящих речевых модификациях, дало возможность сознательно стремиться к обнаружению за речевым феноменом его скрытой языковой сущности, рассматривать как **объект** выделяемую из речевого материала **систему** языка, выявлять связи и отношения как существенный момент этой системы. Рассмотрение языка как **системы** — другое важное требование, выдвинутое описательным языкознанием XX века.

Уровень речи (сообщения) также характеризуется определенными особенностями и закономерностями, изучение которых входит в задачу языкознания. Именно поэтому некоторые последователи де Соссюра сочли возможным выделить наряду с „лингвистикой языка“, то есть лингвистикой в собственном смысле слова, изучающей языковой код — систему языка, также „лингвистику речи“, объектом которой является изучение речевых феноменов как таковых⁴. Особый интерес представляет изучение промежуточных ступеней преобразования языкового в речевое (кодирование сообщения) и речевого в языковое (декодирование), в связи с чем возникает вопрос создания промежуточной дисциплины между лингвистикой языка и лингвистикой речи, рассматривающей закономерности этих переходов. Характерно, что за последние годы стали разрабатываться алгоритмы порождения и распознавания, отображающие соответственно закономерности синтеза и анализа сообщения; настаивают на необходимости различения „активной“ и „пассивной“ грамматик — соответственно для говорящего и для слушающего⁵.

Непоследовательность в описании выражалась, во-первых, в перенесении закономерностей одного аспекта языка на другой, в смешении лексического и грамматического, синтаксического и морфологического аспектов, в результате чего картина языка оказывалась искаженной. Утвердившееся в XX веке понимание языка не только как системы, но и как **структуры** (принцип **структурности**), которую образуют различные его стороны, находящиеся в иерархической связи, потребовало четкого разграничения слоев, или **уровней** этой структуры, учета специфики каждого уровня. Кроме того, закономерности внеязыковых сфер (логики, психологии и т. п.) переносились на язык, что также искажало картину последнего, вносило в описание момент субъективизма и априоризма. История лингвистики есть в значительной мере история таких отклонений (ср. названия школ: логицизм, психологизм, биологизм и пр.). Весьма отрицательно сказывался на лингвистике „ментализм"-внесение в лингвистический анализ смутных и расплывчатых семантических интерпретаций. Соссюровское противопоставление языка не только речи, но и внеязыковым сферам (принцип **имманентности** языковой структуры) предполагает, что, выделив язык как объект лингвистики, необходимо также строго отграничить его от смежных явлений — объектов других наук. Тем самым создается возможность преодолеть „нелингвистичность“ лингвистики прошлого, особенно смешение языкового выражения с его логико-психологическим содержанием. Именно структурный подход дает возможность собственно лингвистического изучения явлений языка на разных уровнях, взаимоотношения этих уровней, то есть в конечном счете — возможность наиболее адекватного (осуществимого на данном этапе развития науки) отображения картины языковой системы. Рассмотрение языка как имманентной структуры — третье требование, осуществляемое, однако, далеко не всеми структуральными школами в одинаковой степени.

Описательное языкознание упрекали также, как известно, в перенесении закономерностей одного языка на другой, в смешении синхронической и диахронической точек зрения.

В практике лингвистических исследований отмеченные и аналогичные требования и поныне продолжают осуществляться отнюдь не в достаточной мере. В основной своей массе описательные грамматики все еще строятся по старым образцам, не отражая принципиальных преобразований, привнесенных научным языкознанием XX века; школьно-нормативные грамматики тем более придерживаются унаследованных (частично от античной эпохи) схем и занимают крайне пассивную позицию по отношению к новым веяниям, хотя обучение языкам — как раз одна из тех сфер, где структурная методика сулит весьма значительные практические достижения. С другой стороны, и структурализму (его крайним ответвлениям) присуща определенная прямолинейность в применении своих положений: пренебрежение явлениями, не входящими в системные связи; фетишизация принципа структурности, когда реальный язык в его конкретном многообразии сводится при описании к чистой схеме отношений, а также принципа имманентности, когда научное по сути требование отграничения языка от объекта других наук приводит к принципиальной его изоляции от внеязыковых сфер.

Крайние направления структурализма, акцентируя важность структурно-функционального подхода к изучению языковых явлений, не занимаются анализом конкретного многообразия лингвистических структур и функций, их объяснением на фоне общего понимания языка как важнейшей и, специфической семиотической системы. Они скорее ограничиваются изучением **общих типов языковых (синтагматических, парадигматических) отношений** и связанных с ними **общих типов структур и функций**.

.. Этого, видимо, достаточно для установления изоморфных черт различных уровней языка, что само по себе представляет весьма важную задачу, первый шаг строго формализованного лингвистического описания (см. ниже). Однако ограничить свою задачу установлением изоморфных черт языковых уровней значило бы схематизировать описание, лишить его значительной доли объяснительной силы. Последнее обстоятельство особенно резко бросается в глаза, когда обращаемся к применению принципов изо-

морфного анализа на конкретных уровнях. Так, для синтаксиста недостаточно констатировать, что один из существенных типов отношений языковых единиц, выступающий как на синтаксическом, так и на других уровнях, — это отношение подчинения (односторонней зависимости). Необходимо дать также конкретную семантическую интерпретацию этого отношения применительно к синтаксическому уровню, где оно может предстать как отношение объектное, определительное и т. п.; более того, необходимо объяснить существование в синтаксисе этих разновидностей подчинительного отношения, именно этих, а не других разновидностей и т. п. Такого рода проблемы не могут быть разрешены при „имманентном” подходе к языку; их изучение возможно лишь при условии выхода за пределы языкового ряда, при обращении к функционированию языка как семиотической системы в широком контексте экстралингвистических факторов. В частности, для установления специфики синтаксических элементов и комбинаций важнейшее значение имеет изучение их роли в коммуникативном механизме языка, их конкретной коммуникативной нагрузки.

Конечно, в каждом отдельном случае лингвист не может ставить перед собой такие сложные и обширные задачи, и важнейшее достижение структурализма состоит именно в том, что была произведена четкая дифференциация основных типов структурных связей в языке, были разработаны основы и намечены пути строго формального описания изоморфных признаков различных уровней языка. Подведение прочной „структуральной” базы иод изучение языка часто рассматривается как необходимый, хотя и только первый шаг к разработке формализованной лингвистической теории⁶.

Ограничиваясь констатацией наиболее общих особенностей структуры языковой системы, определенные направления структурализма остаются в рамках внешнего „описательства” и эмпиризма, хотя этот эмпиризм имеет своеобразные черты по сравнению с младограмматическим. Однако отсутствие в структурализме элементов философии языка в том смысле, в каком она выступает, например, у

В. фон Гумбольдта, сознательное самоограничение структуралистов исследованием явлений, релевантных в структурно-функциональном плане, иногда рассматривается как предпосылка для перехода к более широким обобщениям на собственно-лингвистической основе⁸.

В настоящее время очевиден прогресс, достигнутый благодаря структурализму теоретической лингвистикой в осознании границ и членения собственного предмета, в усовершенствовании приемов исследования, в уточнении многих важных лингвистических понятий и т. п.

Как и сравнительно-историческая грамматика, структурализм сосредоточил внимание прежде всего на исследовании внешнего аспекта языка. Первоначально была разработана структуральная или функциональная фонетика-**фонологии**, научная ценность которой в настоящее время является неоспоримой. Применением тех же методов была разработана структуральная **морфология** — принципы морфемного анализа.

В области **синтаксиса** непоследовательность и бессистемность, субъективизм и априоризм в науке прошлого особенно бросались в глаза. Синтаксистов давно уже критиковали за две противоположные тенденции. Они либо подменяли собственно лингвистическую характеристику синтаксических категорий логической (**логицизм** в синтаксисе, заимствующий, в частности, термины и определения предложения и его членов из анализа суждения), либо же синтаксические категории рассматривали с точки зрения способов их обозначения — с морфологической точки зрения (**морфологизм** в синтаксисе, крайним выражением которого было учение фортунатовской школы с характерной для нее интерпретацией категории словосочетания). Выражением морфологизма являлась также подмена описания синтаксического строя языка регистрацией функций частей речи и форм слов (например, употребления сослагательного наклонения в придаточных предложениях различного типа); при этом наличные в языке синтаксические единства, структурные схемы синтаксических групп и фраз не изучались. То научно ценное, что, несомненно, содержится

в описательном синтаксисе прошлого, выработалось в значительной мере стихийно.

Структурализм заново поставил основные проблемы синтаксиса: проблему его **объекта**, его соотношения с **семантикой** и **морфологией**; проблему **слова, группы, фразы** как синтаксических единиц, а также проблему основных понятий синтаксиса: **отношения (связи), функции, структуры, формальных показателей** и т. п. Особое внимание уделяется вопросу **методов** синтаксического исследования.

Благодаря интенсивной работе, проведенной в XX в. в области синтаксиса, стихийно и непоследовательно применявшиеся в прошлом методы были осознаны и стали применяться с большей систематичностью: методы субституции, анализа по непосредственно составляющим, трансформации. Интуитивные интерпретации старого синтаксиса заменились более объективным, экспериментальным подходом. Важно отметить, что методы описания у американских дескриптивистов возникали из потребностей практического описания туземных и преподавания иностранных (живых) языков, почему и чужды налета традиций латинизирующей грамматики.

Практически структуральный синтаксис копенгагенской и йельской школ не оказался, однако, чуждым крайностей и односторонности. Дело в том, что синтаксический строй языка сложен и иерархичен. Здесь можно различить ряд взаимосвязанных сторон: синтаксическое **отношение (связь)** сочетающихся единиц (например, определительное отношение в группе „старый дом”), **функция** каждой из единиц в этом отношении (определятельная функция слова „старый“ в той же группе), **структура** (иерархия единиц: один из элементов группы управляет, другой ему подчинен), **формальные показатели** (например, флексия). Эти стороны находятся в иерархической связи: отношение определяет функцию, формальные показатели являются способом обозначения отношения и функции и т. д.

Когда при описании имеется в виду лишь одна из этих сторон или когда не учитывается иерархия сторон, картина синтаксического строя языка оказывается неполной и ис-

каженной. Односторонность, например, морфологизма состояла в абсолютизации морфологической стороны — формальных показателей (так, описание сложных предложений часто сводилось к перечислению союзов и союзных слов, связывающих их части). Как будет показано ниже, расширение области морфологии за счет синтаксиса свойственно также американской дескриптивной лингвистике (хотя здесь оно имеет место на совершенно иной основе), тогда как в глоссематике реальное соотношение аспектов языка искажается вследствие дуалистического рассмотрения планов содержания и выражения как солидарных.

Необходимо, впрочем, еще раз оговориться, что сделанные здесь критические замечания относятся к „ортодоксальным“ течениям в структуральном синтаксисе, но не затрагивают, например, теорий представителей Женевской и Пражской школ, а также синтаксических систем Л. Теньера, А. В. де Гроота, Е. Куриловича и других выдающихся лингвистов, стремящихся к более глубокому проникновению в природу синтаксического аспекта языковой системы. Разрабатывая строго научные структурные принципы и методы описания, эти лингвисты вместе с тем стремятся изучать язык как семиотическую систему в ее онтологических связях и многообразном функционировании. Особо следует выделить также трансформационную грамматику, открывшую перед синтаксисом и вообще перед лингвистикой широкое поле конкретного исследования.

В самом структурализме и в структуральном синтаксисе можно наметить градацию, или внутреннее развитие с фундаментальной точки зрения, являющейся, в сущности, основой для разграничения структуральных направлений, — с точки зрения их отношения к содержательной стороне языка — значению (в данном случае — к **синтаксическому** значению). Речь идет о различном решении вопроса возможности и необходимости введения в анализ семантического момента, а также изучения природы языкового значения. Отражая в нашем изложении эту градацию, мы акцентировали также различия, существующие в понимании других фундаментальных лингвистических проблем,

связанных с указанной выше,— проблем соотношения языкового и речевого аспектов в синтаксических единицах и построениях, соотношения лингвистической теории и методов анализа.

С целью охвата наиболее актуальной проблематики здесь рассматриваются главным образом исследования, появившиеся за последние десятилетия (вплоть до 1964 года, когда настоящая работа была в основном завершена). Имея в виду многообразие публикуемой в последнее время литературы по синтаксису, а также существование многочисленных точек зрения по различным вопросам синтаксического анализа, даже поверхностный обзор которых был бы здесь невозможен, оказалось необходимым сосредоточить внимание на тех работах, где синтаксические категории рассматриваются с собственно синтаксической точки зрения⁹. Поэтому, например, лишь частично затрагиваются исследования по вопросу речевых и языко-речевых, особенностей фразы (актуальное членение, модальность, предикативность), изучение которого само по себе весьма важно как необходимое дополнение к структурному анализу фразы.

Вообще в нашу задачу входило не столько детальное изложение содержания трудов по структуральному синтаксису, сколько анализ содержащихся в них положений с точки зрения некоторых перспектив развития синтаксической теории. Особые разделы посвящены целостным концепциям структурального синтаксиса, тогда как теории, имеющие более частный характер, обсуждаются в основной части работы в связи с изложением соответствующих вопросов (это относится, в том числе, к анализу синтаксических воззрений Е. Куриловича, А. В. де Гроота, А. Мартине и некоторых других лингвистов).

Анализ различных интерпретаций в современной структуральной лингвистике проблем предмета синтаксиса, основных синтаксических единиц, их классификации и системных взаимоотношений представляется необходимым предварительным условием для перехода к непосредственному рассмотрению этих проблем, составляющему задачу настоящей работы.

П р и м е ч а н и я

1. „ • наличие бесконечного множества речевых актов, изучаемых лингвистом, едва ли дает возможность сформулировать основные понятия науки о языке обобщением по индукции.

Отсюда следует, что лингвисты нуждаются не только в индуктивных, но и в дедуктивных методах исследования, чтобы получить систему общих понятий, помогающих осмыслить те данные, которые добываются при анализе конкретных языков" (И. И. Ревзин, Модели языка, М. 1962, стр. 7—8).

Ср. E. A. Cassirer, Structuralism in modern linguistics, „Word", vol. 1, 1945; N. D. Andreyev, Models as a tool in the development of linguistic theory, „Word", vol. 18, 1932.

Дедуктивным моделям языка уделяется большое внимание в недавно опубликованном сборнике, посвященном проблеме лингвистических универсалий (Universals of language, Cambridge, Mass., 1963). „ • • мы не хотим откладывать обобщения до того времени, когда у нас будет полная информация обо всех языках мира. Нам следует формулировать обобщения в качестве гипотез, подлежащих проверке, как только новая эмпирическая информация становится доступной" (Ch. F. Hockett, The problem of universals in language, указ. сборник, стр. 2).” формулировка обобщений, полученных путем индуктивного рассмотрения, приводит на более высокой ступени к гипотезам, из которых можно, в свою очередь, дедуцировать новые обобщения. Эти последние должны быть подвергнуты испытанию с целью установления их эмпирической ценности" (там же, "Введение", стр. IX). „ • индуктивные обобщения организуются в предсказующую теорию" (Ch. E. Osgood, Language universals and psycholinguistics, там же, стр. 239). Элементы дедуктивного подхода содержались в попытках установить систему аксиом, предпосылаемых лингвистическому исследованию: см. L. Bloomfield, A set of postulates for the science of language, „Language", vol. 2, 1926; K. Bühler, Sprachtheorie, Yena, 1934 и др. Об эмпирически-дедуктивном методе, применяемом в глоссематике, см. ниже.

2. О ступени эмпирического наблюдения и ступени лингвистических конструкторов как двух последовательных стадиях гипотетико-дедуктивного моделирования языка см. С. К. Шаумян, Структурная лингвистика как имманентная теория языка, М., 1958, стр. 22; Операционные определения и их применение в фонологии, „Применение логики в науке и технике", М., 1960, стр. 150 и след.; Проблемы теоретической фонологии, М., 1962, стр. 5; 0 логическом базисе лингвистической теории, „Проблемы структурной лингвистики", М., 1963, стр. 3.

3. Принцип экономности иногда фигурирует в работах структуралистов под названием „принципа простоты" (ср. Л. Ельмслев, Прологомены к теории языка, „Новое в лингвистике", в. 1, М., 1960, стр. 272; Н. Spang-Hanssen, On the simplicity of descriptions, „Recherches structurales", TCLC, vol. 5, 1949). В практике структурализма простота не-

редко подменялась упрощенностью и схематизацией; фактическая достоверность приносилась в жертву изяществу и удобству описания (см. ниже). Поэтому кажется более целесообразным широкое понимание простоты описания как принципа, объединяющего моменты полноты и экономности.

4. Ср. работу А. **Sechehaye**, *Les trois linguistiques saussuriennes*, „*Vox Romanica*“, vol. 5, 1940. Современную постановку проблемы соотношения лингвистики языка и лингвистики речи находим в статье: **Н. Д. Андреев, Л. Р. Зиндер**, О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка, *ВЯ*, 1963, № 3.

5. **Н. Хомский**, Синтаксические структуры, „Новое в лингвистике“, в. 2, М., 1962; **И. И. Ревзин**, Модели языка, стр. 12—13; **Ch. Hockett**, *Grammar for the hearer*, „Structure of language and its mathematical aspects“ („*Proceedings of Symposia in applied mathematics*“, vol. XII, Providence, 1961); **R. Jakobson**, *Linguistics and communication theory*, там же.

6. „Материал может быть познан благодаря наличию некоторой формы и взятый отдельно от формы не имеет научного бытия“ (**Л. Ельмслев**, указ. раб., стр. 333).

Нужно оговориться, что формальный анализ единиц и комбинаций в синтаксисе не то же самое, что анализ внешней (фонетической, фонематической) формы языка. В синтаксисе формальному анализу подвергается **внутренняя**— грамматическая форма языка, т. е. нечто само по себе содержательное. Такой подход возможен в силу того, что „само содержание на определенном уровне формализации является формой“ (**И. И. Ревзин**, Формальный и семантический анализ синтаксических связей в языке, „*Применение логики в науке и технике*“, стр. 138).

7. Элементы эмпиризма наличны и в глоссематике, несмотря на сугубо теоретический и априорно-дедуктивный характер ее построений (ср. **L. Schauwecker**, *Die sprachwissenschaftliche Methode*, Tübingen, 1962).

8. В частности, глоссематика стремится отвлечься на начальной стадии анализа от субстанции языковых единиц, полагая, что таким образом подготавливается почва для более точного и объективного исследования субстанции с лингвистической точки зрения (ср. **Л. Ельмслев**, указ. раб., стр. 260).

9. В нашей лингвистической литературе существуют в настоящее время весьма обширные работы по современному структуральному синтаксису, охватывающие значительное количество проблем и школ: **Л. И. Илья**, Методы членения синтаксического целого, Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XIX, М., 1959; **О. С. Ахманова** и **Г. Б. Микаэлян**, Современные синтаксические теории, М., 1963.

„КРИПТОАНАЛИТИЧЕСКИЙ“ ПОДХОД ДИСТРИБУТИВНОГО ФОРМАЛИЗМА

В лингвистике, в частности, в синтаксисе формализм выступал в различных облициях. Ниже речь идет о формалистическом подходе к описанию языка, характерном для того направления американской дескриптивной лингвистики, которое известно под названиями „механицизм“, „аментализм“ и др. Это — линия крайних последователей •Л. Блумфилда, стремящихся исключить из лингвистического анализа значение и применяющих при анализе в основном дистрибутивный метод¹. Такой подход был метко охарактеризован как „криптоаналитический“²: язык, независимо от того, в какой мере владеет им лингвист, рассматривается „извне“ — как он выступает в речевой данности. Исследователь ставит себя в положение дешифровщика текста, составленного на полностью неизвестном ему языке, и исходит только из внешних признаков.

Здесь не место давать подробную характеристику этого направления. Отметим вкратце лишь те черты, которые обеспечили ему своеобразное место среди разновидностей структурализма и которыми объясняется весьма необычная трактовка представителями этого направления вопросов предмета синтаксиса, его единиц и методов синтаксического анализа³.

Одна из характерных черт направления — это стремление свести описание к формальному анализу речевых феноменов (звуковой формы сообщения).

С целью достижения максимально объективного анализа языка считают возможным полностью абстрагироваться от содержательной стороны (семантики) как от момента идеального и, следовательно, заключающего опасность субъективных интуитивных толкований, привнесения экстралингвистических (или по терминологии дескриптивистов мета-, экзолингвистических): логических, психологических, социально-культурных моментов⁴. Регистрируются и анализируются отрезки текста, рассматриваемые как части речевого потока, или звуковой цепи; имеется в виду,

таким образом, лишь непосредственно данное, доступное чувственному восприятию исследователя.

„Хотя и важно различать грамматические и лексические значения и при систематическом описании языка необходимо определить, по крайней мере, грамматическое значение так точно, как это только возможно, тем не менее, все наши классификации должны быть основаны исключительно на форме— на различиях и сходствах в фонетической структуре основ и аффиксов или на местонахождении слов в конкретных типах сочетаний слов и предложений. Создавая нашу классификацию, мы ни в коем случае не должны обращаться к значению, абстрактной логике и философии”⁵. Таким образом, сомнению подвергается не столько необходимость изучения семантического плана (или значимых языковых единиц), сколько целесообразность обращения к нему на первой стадии анализа. Фактически же дескриптивисты формалистического толка вообще воздерживаются от высказываний о значении лингвистических единиц, относя семасиологический анализ к компетенции „металингвистики”. Вместе с логико-психологическим содержанием из сферы изучения лингвистики как таковой („микролингвистики”) исключается также дифференциальное, собственно лингвистическое, в том числе грамматическое значение языковых единиц.

Не только на фонологическом, но и на более глубоких уровнях языка стремятся выявлять, отождествлять и классифицировать единицы, не выходя за пределы звукового ряда—с точки зрения манифестации этих единиц в звуковом ряду. Ограничиваются операционными определениями единиц и классов, отражающими способ их установления.

Стремясь разработать всестороннюю и четкую технику чисто асемантического, имманентно-лингвистического описания, крайние представители дескриптивного формализма заменяют непоследовательные, приближенные, часто неосознанные методы традиционной грамматики более эксплицитным и экспериментальным подходом. В „лингвистике без значений и без слов“ таковым оказывается **дистрибутивный** метод с его специфическими процедурами—анализом по непосредственно составляющим, экспансией,

субституцией и т. д. Лингвистические единицы отождествляются и классифицируются не на основе значения, как это имело место в традиционной грамматике, а на основе распределения—дистрибуции в речи. Дистрибуция данного элемента определяется как „совокупность всех окружений, в которых он встречается, то есть сумма всех (различных) позиций (или употреблений) элемента относительно употреблений других элементов“⁶. Констатация позиций единицы в речевой цепи относительно других встречающихся в сочетаниях с нею (со-occurrent) единиц плюс статистический анализ частоты употребления (встречаемости) призваны здесь заменить „менталистические“ процедуры и определения классической грамматики. Считают, например, что достаточно установить взаимное расположение морфем (без установления их значения) для того, чтобы их выделить. На первых порах, пока еще не выделена ни одна форма, прибегают к приему „угадывания“⁷.

Исключительная направленность на дистрибутивный анализ речевой цепи— вторая характерная черта данного течения. Само по себе применение дистрибутивного метода не является исключительным достоянием криптоаналитического формализма и даже вообще дескриптивной лингвистики. Это, в сущности, разновидность функционального подхода к описанию языка, при котором отношениям приписывается первенство сравнительно с соотносящимися элементами, что составляет характерную особенность определенных направлений структурализма⁸. Функциональный подход был присущ в значительной мере также лингвистике прошлого, хотя обычно выступал стихийно, эклектически сочетаясь с семантическим и морфологическим подходом и определениями⁹.

Таким образом, между „криптоаналитическим“ и дистрибутивными подходами к анализу языка нет внутренней связи: дистрибутивный анализ может быть непосредственно применен также к значимым языковым элементам. Особенность рассматриваемого учения как раз в том, что здесь дистрибутивный анализ направлен лишь на внешнюю языковую форму. Действительно, если исключить план содержания (в широком смысле слова, в том числе грамма-

тические категории и функции), то в поле зрения исследователя останется лишь поток звуков в речи. При этом звуки интересуют лингвиста не сами по себе, не как артикуляционно-акустические величины, а в той мере, в какой они являются носителями информации о фонемах, морфемах и об их аранжировке. А таковыми звуковые единицы могут быть только потому, что в их распределении в речевой цепи наблюдается известная закономерность (повторяемость, регулярность), на основе которой и стремятся установить единицы нефонетического порядка.

„Лингвист,— пишет Г. Глисон,— рассматривает речь как упорядоченную последовательность определенных видов звуков и их сочетаний"¹⁰. С точки зрения З. Хэрриса, значение является производным от дистрибуции элементов, причем различия в значении определяются дистрибутивными различиями¹¹.

Формально-дистрибутивный подход к описанию языка подвергался и подвергается весьма резкой критике, в том числе дескриптивистами, не примыкающими к последовательно механистическому направлению. До сих пор остается проблематичным, возможно ли без обращения к плану содержания выявлять единицы фонологического уровня (фонемы), хотя и с планом содержания они соотносятся лишь косвенно¹². Еще определеннее отрицают, что таким способом возможно устанавливать единицы морфологического уровня— морфемы. Так, Ч. Хоккет, допускающий возможность формального анализа на фонологическом уровне¹³, исключает такую на уровне морфологическом. Критикуя Хэрриса за попытку построить морфологию, не принимая во внимание значение морфем, только на основе данных фонетической структуры и статистических расчетов¹⁴, Хоккет отмечал: „... пока мы начинаем с фонем и не вводим новых критериев, мы накапливаем не что иное, как информацию... о фонологическом уровне. Для перехода от фонологического уровня к грамматическому необходимо привнесение некоторого дополнительного критерия членения и отождествления",— критерия, имеющего семан-

тическую природу¹⁵. Применяясь на уровне значимых языковых единиц, дистрибутивный анализ может, очевидно, привести к определенным результатам,— например, для установления объема значения данной лексической или грамматической единицы, для фиксирования ограничений в сочетаемости той или иной единицы (см. ниже). В этом случае дистрибутивный анализ в принципе не отличался бы от традиционного функционального анализа. Но универсализация этого метода, его самодовлеющее приложение при чисто формальном анализе языка, опирающемся на данные фонетического уровня, приводит к нанизыванию гаданий, к дурной бесконечности гипотез. Практически трудности исследования этим только увеличиваются, к тому же не дается твердой гарантии надежности его результатов. Рассмотрение конкретного применения формально-дистрибутивного анализа в области синтаксиса также обнаруживает ограниченность его возможностей и недостаточность результатов.

Если даже морфемный анализ описанного типа приводит к спорным результатам, то тем более это относится к анализу синтаксическому. Исключение значения имеет далеко идущие последствия для понимания единиц и предмета синтаксиса. Вместе со значением исключается также категория слова. Языковая структура сводится к фонемам, морфемам и правилам их комбинации в высказываниях. Поскольку слово во многих языках не поддается четкому отграничению и формальному определению, его исключение придает описанию большую последовательность; однако в той форме, в какой это имеет место в дескриптивизме, исключение категории слова приводит к обеднению и упрощению описания, в конечном счете — к его неадекватности.

В традиционном синтаксисе, объектом которого является изучение строя словосочетания и строя предложения, наименьшей синтаксической единицей считается, как правило, слово; слово же рассматривается в качестве наибольшей единицы в морфологии, предметом которой яв-

ляется изучение правил комбинаций морфем в составе слова. В связи с „ликвидацией“ слова как единицы синтаксического анализа в дескриптивной модели языка объект и соотношение двух грамматических дисциплин меняются. Элементарной синтаксической единицей считается морфема, а „синтактика“ посвящается анализу моделей аранжировки морфем в более крупных единицах, вплоть до высказывания¹⁶. Перед морфологией („морфемикой“) ставится в этом случае только задача отождествления и классификации морфем¹⁷. Отсюда замечание Трейгера и Смита: „Когда фонология полностью установлена и морфологический анализ закончен, синтаксис такого языка, как английский, может быть построен объективно“ (т. е. без обращения к значению и металингвистическим феноменам)¹⁸.

Фактически, данная точка зрения приводит к стиранию специфики синтаксиса, к его растворению в морфологии. Весьма характерной в этом отношении является попытка З. Хэрриса распространить на синтаксис применяемые в дескриптивной морфологии принципы выделения элементов на основе их дистрибуции¹⁹.

Хэррис стремился выработать формализованную процедуру для описания структуры высказываний, рассмотренных как простые последовательности (секвенции) морфем. Полный список морфем данного языка полагается известным; встречающиеся в одинаковой позиции (способные замещать друг друга в более широких окружениях— „экспансиях“) морфемы рассматриваются как принадлежащие к одному и тому же классу. Аналогичным образом устанавливаются **классы секвенций морфем**.

Операция субституции для установления классов морфем имеет следующий вид: берется форма А в окружении С—D и замещается формой В: если отмеченными являются как САD, так и СВD, то А и В принадлежат к одному к тому же морфемному классу. Между тем, точно таким же образом возможно установить также классы секвенций морфем, процедура нахождения которых соответствует, по словам Хэрриса, тому, что „обычно включается в синтаксис“. Действительно, не только отдельные

морфемы А и В могут встретиться в окружении С—D, но и целые секвенции морфем, например, АЕ, FGH и т. д. Следовательно, секвенции АЕ, FGH относятся к тому же дистрибутивному классу, что и простые морфемы А, В.

По мнению Хэрриса, различие между морфологическим и синтаксическим критериями сводится к тому, что первый необходим при рассмотрении непосредственного окружения морфем, тогда как второй применяется для установления распределения морфем по отношению к полному окружению²⁰.

Хэррис полагает, что рассмотренная процедура дает возможность компактного описания структуры любого высказывания. Однако описание структуры высказываний непосредственно в терминах классов морфем и их секвенций, минуя собственно синтаксические единицы и сочетания, не дает возможности избежать громоздкости и неэкономности, поскольку количество существующих в языках морфемных классов и их допустимых комбинаций может быть весьма значительным (в английском языке Хэррис насчитывает до тридцати таких классов).

Однако существеннее отметить то обстоятельство, что при рассмотренном способе описания синтаксические единицы, если и выделяются, то лишь косвенно— в той форме, в какой они представлены в системе морфем и правил их аранжировки. Другими словами, описывается, в сущности, не синтаксическая, а морфологическая структура высказываний. Между значимыми единицами языка усматривается различие количественное, но не качественное; языковые единицы, которые в традиционной грамматике относились к собственно синтаксическому плану,— словосочетание, предложение,— понимаются дескриптивистами как более или менее обширные комбинации морфем. И поскольку комбинации морфем естественно относить к тому же уровню, что и отдельные морфемы,²¹ возникает вопрос, правомерно ли вообще сохранять деление грамматики на морфологию и синтаксис. Говоря словами С. Чатмена, "у Хэрриса синтаксис *per se* не существует".²² Чатмен показывает, что метод экспансии, применяемый З. Хэррисом, имеет чисто „квантитативный" и даже "аддитивный" ха-

рактер и по сути не достаточен для описания синтаксической структуры высказывания, представляющей качественную иерархию, т. е. нечто большее, чем простую секвенцию. Впрочем, построение синтаксиса в данном понимании затруднено уже тем, что, как отмечалось, чисто дистрибутивно и не опираясь на значение невозможно с уверенностью отграничить также морфемы.

Нивелированное рассмотрение особенностей различных уровней языка и ограничение задачи исследования дистрибутивным анализом текста сказывается также на конкретных процедурах и приемах синтаксического описания, которые преобладают в дескриптивной лингвистике (анализ по непосредственно составляющим и др.) и о которых будет говориться ниже, в связи с рассмотрением взглядов Л. Блумфилда, Ч. Фриза и трансформационистов.

Из изложенного видно, что о наличии какой-либо развернутой синтаксической концепции в данном случае говорить не приходится. Рассматриваемое направление вообще характеризуется скептическим отношением его представителей к теоретическим построениям, к моделированию языковой системы и сосредоточивает внимание на разработке конкретных методов анализа линейно-речевого плана. Именно в разработке точных и объективных методов анализа речевого материала, в стремлении к достижению конкретных результатов на основе применения возможно более эффективных экспериментальных приемов состоит, по-видимому, важный вклад криптоаналитического дескриптивного формализма в лингвистику.

Хотя в принципе представители аменталистического крыла дескриптивизма допускают возможность полного описания строя того или иного языка криптоаналитическими способами, однако на практике они также в конечном счете выделяют языковые единицы на основе прямого или косвенного обращения к их значению, более или менее эксплицитного применения семантических критериев. Обосновывается это обычно тем, что значение привносится как некое short-cut, как способ сокращения и облегчения про-

цедуры²³; однако причина, по-видимому, в принципиальной невозможности удержаться при конкретном анализе на позициях последовательного криптоанализа, не говоря уже о том, что степень адекватности и познавательная ценность криптоаналитических описаний весьма проблематична. „Исключение значения из сферы исследования, вызванное отсутствием точных методов его анализа, тем не менее не может способствовать превращению наук о знаковых системах в точные науки, так как знак по определению обладает значением, т. е. соотносительностью с некоторым объектом за пределами данной знаковой системы“.²⁴

Крайняя точка зрения, выраженная в работах З. Хэриса, Б. Блока, Г. Л. Трейгера, может быть понята как естественная, но далеко зашедшая реакция против „ментализма“ традиционной грамматики, ее интуитивной методики и экспериментально не обоснованных процедур. Стремление достигнуть объективности, опираясь на позитивные, чувственно воспринимаемые данные, когда оно доведено до крайности, приводит к противоположным результатам (субъективистский прием „угадывания“ морфем и т. п.). Синтаксис- та область грамматики, на которой такой подход сказывается особенно отрицательно; во многих дескриптивистских работах, посвященных описанию строя тех или иных языков, раздел синтаксиса вообще отсутствует, а само исследование нередко заменяется иллюстрацией возможностей и преимуществ того или иного комплекса приемов²⁵.

Примечания

1. См. **B. Bloch** and **G. L. Trager**, *Outline of linguistic analysis*, Baltimore, 1942; **G. L. Trager** and **H. L. Smith**, *An outline of English structure*, Norman, Oklahoma, 1951; **Z. S. Harris**, *Methods in structural linguistics*, Chicago, 1951 (новое издание: *Structural linguistics*, Chicago, 1961). Последняя работа, которую часто квалифицируют как манифест дистрибутивизма, сыграла значительную роль в разработке методики дистрибутивного анализа на фонологическом и морфологическом уровнях; потенциальные возможности формально-дистрибутивного анализа выявлены и использованы здесь с достаточной полнотой.

2. **J. B. Carroll**, The study of language, Cambridge, Mass., 1961, стр. 36;
R. Jakobson, указ. раб., стр. 249.

3. Критический анализ синтаксических воззрений представителей этого направления дается в отмеченных выше работах **О. С. Ахмановой** и **Г. Б. Микаэлян** (стр. 7—22) и **Л. И. Илия**. Ср. также работу **Г. Б. Микаэлян**, Вопросы синтаксиса в американской „дескриптивной“ лингвистике, „Филологические науки“, 1958, № 3. Об общих принципах и методике дескриптивного формализма см. **О. С. Ахманова**, Основные направления лингвистического структурализма, М., 1955, стр. 3—15; **В. А. Звегинцев**, Дескриптивная лингвистика (вступительная статья к книге: **Г. Глисон**, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959); Основные направления структурализма, М., 1964, стр. 177—288. Из более общих трудов по истории языкознания см. **Г. Б. Джаукян**, История языкознания (на арм. яз.: **Գ. Զաւենկյան, Հայկաւրեանէթ լինկւիստիկո-թյուն**) т. II, Ереван, 1962, стр. 269—309.

4. „Общей чертой методологии дескриптивной лингвистики, как она применяется сегодня многими американскими лингвистами, является стремление анализировать лингвистическую структуру без обращения к значению“ (**J. B. Carroll**, указ. раб., стр. 31). В этом вопросе дескриптивисты часто ссылаются на авторитет основателя своей школы **Л. Блумфилда**. Сам Блумфилд не был последователен в трактовке места значения в языке и его роли в процессе анализа. Некоторые высказывания Блумфилда заставляют думать, что он выносит значение за пределы языка (см. **L. Bloomfield**, Language, N. Y., 1933, стр. 78, 145 и др.). Отвергая специфику лингвистического значения, Блумфилд рассматривал содержание языковых категорий как всецело экстралингвистический фактор; напрашивается естественный вывод, который и был сделан крайними формалистами: лингвистике нужны методы, которые позволят описать структуру языка в отвлечении от значения.

В других разделах той же работы Блумфилд отходит от крайне аменталистических позиций, хотя и считает необходимым, имея в виду ограниченное количество фонем в языках и легкость их регистрации, идти при описании от формы (фонематической) к значению. Блумфилд даже замечает, что „значения языка не согласуются с внелингвистической классификацией“, в частности, грамматические „формальные классы“ выделяются у Блумфилда на основе „формального значения класса“ (см. стр. 140; в другом месте за основу классификации принимается функционально-позиционный критерий, см. стр. 185). Исходя из подобных высказываний, **Ч. Фриз** решительно утверждал, что согласно Блумфилду „серьезное изучение человеческого языка не должно и не может игнорировать „значение““ (**Ч. Фриз**, Значение и лингвистический анализ, „Новое в лингвистике“, в. 2, стр. 103). Ср. **Ch. S. Fries**, The Bloomfield „school“, „Trends in European and American linguistics, 1930—1960“, Antwerp, 1961.

Однако бихейвиористско-механистическая, физикалистская концепция Блумфилда давала достаточно много пищи для крайне формалистических

заклучений (ср. **В. А. Звегинцев**, Проблема значения в современном зарубежном языкознании, „Новое в лингвистике“, в. 2).

5. **B. Bloch and G. L. Trager**, указ. раб., стр. 68.

6. **Z. S. Harris**, *Methods in structural linguistics*, стр. 15—16.

7. Как отмечает **М. Фаулер**, в этом случае возникает необходимость выделять морфемы через другие морфемы, которые также еще не выделены; поэтому сложнее всего обстоит с проблемой формально-дистрибутивного выделения **первой** морфемы (**M. Fowler**, Рецензия на „Methods ...“ 3. Хэрриса, „Language“, vol. 28, 1952; см. также **Л. Илья**, указ. раб., стр. 17).

8. Ср. **P. Diderichsen**, The importance of distribution versus other criteria in linguistic analysis, „Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists“, Oslo, 1958. Дидериксен отмечает, что дистрибутивный анализ применялся в традиционной грамматике с древних времен; однако только в новое время была осознана его важность (стр. 176—177).

9. Обращение к дистрибутивно-функциональным критериям выделения и классификации лингвистических единиц характерно также для традиционной грамматики, что весьма убедительно показано в работе **Н. Д. Арутюнова** „О структурных и традиционных методах в грамматике“, „Филологические науки“, 1963, № 4.

10. **Г. Глисон**, Введение в дескриптивную лингвистику, стр. 33.

11. **Z. S. Harris**, Distributional structure, „Word“, vol. 10, 1954, стр. 35 и след.

12. **K. L. Pike**, Grammatical prerequisites to phonemic analysis, „Word“, vol. 3, 1947; More on grammatical prerequisites, „Word“, vol. 8, 1952.

Э. Райфлер, характеризующий дескриптивно-лингвистический анализ языковой структуры безотносительно к значению как „самообман“, показывает, что сами дескриптивисты отнюдь не последовательны в исключении семантического критерия. При фонематическом анализе нужно, по крайней мере, знать, что лингвистическая форма **что-то** означает, совпадает или не совпадает по значению с другой формой (т. е. иметь в виду лишь дифференциальное значение форм). Вместе с тем, ограничиваясь только анализом звуковой системы, нельзя быть уверенным, что некоторые релевантные черты не ускользнут от внимания исследователя. По мнению Райфлера, в синтаксисе необходимо учитывать значение конструкций, позиций, формальных классов (см. **E. Reifler**, Linguistic analysis, meaning and comparative semantics, „Lingua“, vol. 3, 1953, стр. 375—378).

13. **Ch. Hockett**, A system of descriptive phonology, „Language“, vol. 18, 1942, стр. 20—21.

14. **Z. S. Harris**, From phoneme to morpheme, „Language“, vol. 31, 1955.

15. **Ch. Hockett**, Linguistic elements and their relations, „Language“, vol. 37, 1961, стр. 46.

16. Характерно определение грамматики, данное Ч. Хоккетом в его обобщающем труде; грамматика, по Хоккету, охватывает:

а) морфемы, используемые в языке, б) аранжировки, в которых эти морфемы встречаются (**Ch. Hockett**, *A course in modern linguistics*, N. Y., 1958, стр. 129).

Впрочем, в другом разделе той же работы встречаем более широкое понимание предмета грамматики, согласно которому в грамматику включается также изучение элементов более крупных, чем морфемы, в связи с чем Хоккет различает „поверхностную" и „глубинную" грамматики (там же, гл. 29).

17. Иногда отвергается целесообразность даже такого деления грамматики: см. **K. L. Pike**, *A problem in morphology-syntax division*, AL, vol. 5, 1942—49, fasc. 3, стр. 125.

Однако обычно те из дескриптивистов, которые включают в анализ значение (Ю. Найда, Ч. Хоккет и др.), выделяют также в качестве особой грамматической единицы слово; при этом сохраняется традиционное деление уровней анализа на морфологический и синтаксический, хотя оно рассматривается как факультативное. Так, Найда считает объектом морфологии морфемы и их аранжировку в составе слов (**E. Nida**, *Morphology*, Ann- Arbor, 1957, стр. 1). „Если какой-либо язык имеет относительно ясно выраженное единство, промежуточное между морфемой и высказыванием,— типа, обычно называемого „словом", то грамматическое описание языка может быть разделено (что, впрочем, не обязательно) на две части: морфологию... и синтаксис" (**Ch. Hockett**, рецензия на первое издание указанной книги Ю. Найды, „*Language*", vol. 23, 1947, стр. 274). Трейгер и Смит также придерживаются этого деления, относя к морфологии анализ сочетаний базисных (т. е. корневых) морфем с прочими (некорневыми) морфемами, а к синтаксису— анализ комбинаций двух и более базисных морфем (**G. Trager and H. Smith**, указ. раб., стр. 55).

Впрочем, различие объектов этих дисциплин воспринимается как чисто количественное; к тому же, как было справедливо замечено, даже в этом случае слово вводится в анализ лишь декларативно (см. **Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова**, *Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов*, „Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике", стр. 192).

18. **G. L. Trager and H. L. Smith**, указ. раб., стр. 68.

19. **Z. S. Harris**, *From morpheme to utterance*, „*Language*", vol. 22, 1946. См. „*Readings in linguistics*", Washington, 1957, особенно стр. 144—147.

20. **О. С. Ахманова и И. Б. Микаэлян**, указ. раб., стр. 14.

21. С. М. Лэмб замечает, что классы и комбинации языковых единиц (можно было бы добавить: классы комбинаций языковых единиц) относятся к тому же уровню, что сами единицы. Во всех языках существуют, по Лэмбу, модели аранжировки единиц каждого уровня. Тактикой он называет анализ и описание этих аранжировок, синтактикой—частный случай тактики: анализ и описание аранжировки единиц морфематического уровня. С этой точки зрения синтактика является

лишь частью морфемки, тогда как собственно синтаксические единицы и модели их аранжировок в схеме языковой иерархии, намеченной Лэмбом, отсутствуют (ср. **S. M. Lamb**, *On the mechanisation of syntactic analysis*, „1961 International Conference on MT of languages and applied linguistic analysis”, L., 1962, стр. 675-676).

22. **S. Chatman**, *Immediate constituents and expansion analysis*, „Word”, vol. 11, 1955, стр. 381.

23. “. . . значение так явно полезно в качестве способа сокращения (short-cut) исследования фонологической структуры, оно, можно сказать, так неизбежно, что всякий лингвист, отказывающийся от его применения, будет понапрасну терять массу времени” (**B. Bloch**, *A set of postulates for phonemic analysis*, „Language”, vol. 24, 1948, стр. 5). Ср. также **G. L. Trager** and **H. L. Smith**, указ. раб., стр. 54.

24. **А. А. Зализняк**, **Вяч. Вс. Иванов**, **В. Н. Топоров**, *О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем*, „Структурно-типологические исследования”, М., 1962, стр. 139.

В настоящее время аменталистический подход все чаще характеризуют как прошедший этап, обогативший лингвистику ценными результатами . . . как лингвистика, так и теория коммуникации пытались в течение определенного периода трактовать все, что относится к значению, как подобие семантического шума, и исключать семантику из изучения словесных сообщений. Однако в настоящее время лингвисты проявляют тенденцию вновь ввести значения, используя при этом чрезвычайно поучительный опыт этого временного остракизма” (**R. Jakobson**, указ. раб., стр. 250—251).

25. Ср. **A. Martinet**, *About structural sketches*, „Word”, vol. 5, 1949-

ИММАНЕНТНЫЙ СТРУКТУРАЛИЗМ ГЛОССЕМАТИКИ

В глоссематике, то есть в имманентно-структуралистском учении Л. Ельмслева и других представителей копенгагенской школы¹, содержание занимает равноправное место наряду с формальной стороной.

Синтаксические воззрения глоссематиков будут рассмотрены на основе материала книги К. Тогебю „Имманентная структура французского языка”², которая считается единственной значительной попыткой применить теорию Ельмслева к изучению строя конкретного языка, а сведения об их более общих взглядах будут почерпнуты из книги Л. Ельмслева „Пролегомены к теории языка”³.

Копенгагенская структуральная школа, сближаясь в определенном отношении с американским дистрибутивным формализмом, в другом смысле составляет его прямую

противоположность⁴. Центр внимания переносится здесь с методики анализа речи на моделирование языковой системы. Глоссематическая модель языка основана на противопоставлении, с одной стороны, планов содержания и выражения, с другой— парадигматической и синтагматической осей.

Глоссематика также считает своим объектом язык, данный исследователю в форме „бесконечного текста“, структуру которого нужно описать. Но текст здесь рассматривается не однопланово, как у дескриптивистов, не только с внешней, формально-звуковой стороны. Вслед за Ельмслевом, Тогебю рассматривает текст как развертывающийся в двух планах: в плане **выражения** (expression) и в плане **содержания** (contenu), которые характеризуются как параллельные и равноправные.

Тогебю говорит о возможности тройного анализа текста, производимого с целью описания его структуры, выделения и классификации его единиц, установления отношений этих единиц на парадигматической и синтагматической осях.

1. Планы содержания и выражения могут изучаться независимо друг от друга. Это— анализ **субстанции**, семантической или звуковой. Поскольку субстанция— звуки и значения как таковые— исключается глоссематиками из языка как из „чистой формы“, то анализ субстанции, несмотря на свою возможную научную ценность, все же выводится ими за пределы лингвистики. Звуковой анализ (по артикуляционно-акустическим признакам) производится в фонетике, семантический— в логике и психологии, то есть в нелингвистических дисциплинах.

2. Возможно изучение обоих планов в их **единстве**. Это **знаковый** анализ, выявляющий языковые знаки (единства содержания и выражения: морфема, слово). Так выделяется, например, фраза, являющаяся одновременно единицей фонетической (интонационной) и семантической. Вообще так могут быть выделены лишь те единицы, границы которых совпадают в обоих планах. Но, например, фонемы суть, как правило, единицы лишь плана выражения и при знаковом анализе не могут быть найдены, так

же, как и ряд других несоизмеримых единиц. Знаковый анализ дает, таким образом, возможность установить лишь часть единиц языка.

3. Ввиду этого прибегают к третьему типу анализа—к **функциональному** анализу, называемому Тогебю „программой глоссематики“. Он признается единственным чисто лингвистическим, „имманентным“ анализом, ибо план содержания берется здесь безотносительно к субстанции содержания, то есть к реальным значениям, план выражения—безотносительно к субстанции выражения, то есть к реальным звучаниям; оба плана берутся лишь в отношении друг к другу.

Каждый план рассматривается отдельно, как и при анализе субстанции, и это дает возможность выявить все единицы обоих планов, в том числе „знаки“; но анализ каждой стороны основывается лишь на ее соотношении с другой стороной, то есть выделяются, как и при знаковом анализе, собственно лингвистические единицы. Это, например, фонема; она „принадлежит плану выражения, но существованием своим обязана своей смысловоразличающей функции, то есть соотносительности с цепью содержания. Напротив, слог, как звуковая единица, не связанная с содержанием, из функционального анализа, а значит и вообще из лингвистики выпадает.

При функциональном анализе все неязыковое оказывается исключенным, оставляется внутриязыковое соотношение планов, определяющихся друг через друга. Описание языка исчерпывается констатацией имманентных зависимостей и обусловленных ими структурных и функциональных соотношений двух планов в отвлечении от их „субстанции“.

Для обнаружения единиц языка и установления их отношений и функций применяется метод **коммутации** (ср. метод субституции, применяемый в дескриптивной лингвистике). Посредством коммутации устанавливается наличие определенного соотношения двух планов, выявляются их единицы, уточняется функциональное содержание последних.

Процедура функционального анализа, как она изложена

у К. Тогебю, состоит, во-первых, в делении текста (**синтагматика**), членении синтагматического ряда на все меньшие единицы, вплоть до неразложимых далее элементов-**фонем** в плане выражения, **морфем** в плане содержания (по терминологии Л. Ельмслева, соответственно, „кенем" и „плерем"). Во-вторых, она состоит в классификации или **систематике** этих элементов, которые объединяются в классы в зависимости от своей функции в синтагматических единствах.

Синтагматика плана выражения именуется Тогебю просодией, систематика — фонологией; синтагматика плана содержания названа синтаксисом, систематика — морфологией.

Процедура синтаксиса (синтагматические операции в плане содержания) состоит в делении текста, начиная с высших содержательных единств (текст, линия содержания, фраза) через синтаксические группы (группы подлежащего и сказуемого, именные группы и т. д.) до слова и, далее, морфемы (корень, дериватив, флексия).

Такое понимание предмета и границ морфологии и синтаксиса резко расходится с традиционным и по существу не отличается от разграничения грамматических дисциплин, характерного для дистрибутивного формализма (см. выше).

Конечным результатом операций глоссематического синтаксиса является морфема, составляющая здесь пограничную веху синтаксиса и морфологии, — в отличие от традиционной грамматики, где элементарной синтаксической единицей считается слово. В глоссематике слово выступает как **промежуточная категория**, которая в принципе не противопоставляется категориям высшего и низшего порядка.

Метод анализа текста, направленный „сверху вниз", от целого к частям, от классов к элементам, близок к анализу по непосредственно составляющим в американской дескриптивной лингвистике. Этот метод именуется у Ельмслева „дедуктивным" или „эмпирически-дедуктивным"; он противопоставляется традиционному „индуктивному" методу, направленному от частей к целому, от элементов к классам, и предпочитается по ряду соображений⁵. Текст рассматривается как класс, который делится на минимальные

возможные сегменты; эти последние, в свою очередь, вновь рассматриваются как классы, делятся и т. д. Индуктивные исследования старой лингвистики, направленные от частей к целому, осуждаются, в частности, по той причине, что по своему морфемному составу языки отличаются друг от друга больше, чем по единицам более высокого порядка, почему и результаты анализа, исходящего из морфем, невозможно распространить на все языки. Напротив, переходя от высших единиц к низшим, тем самым постепенно переходят от общелингвистических черт к более частным и специфическим, и в итоге вырисовывается как общность языков, так и их своеобразие. Так называемый „эмпирический принцип“ глоссематики, согласно которому описание должно быть непротиворечивым, исчерпывающим и простым, в полной мере осуществляется именно при дедуктивном подходе⁶.

Дедуктивный анализ— основной метод глоссематического синтаксиса. Данное единство делится на составные элементы по ступеням: при каждой операции выделяется **минимальное** возможное число элементов, связанных с целым **непосредственно**. Для установления границ этих элементов Тоггебю прибегает к приему коммутации, к нахождению слабейшей точки цепи и т. д.

Преимущество данного метода усматривают также в том, что он дает возможность установить иерархию уровней синтаксических единств. А именно, количество уровней в данном языке необходимо соответствует количеству операций при процедуре НС (согласно Тоггебю, во французском их 15). Традиционный синтаксис выделял лишь 3—4 уровня (слово—группа—простое и сложное предложение); следовательно, функциональный анализ действительно помогает точнее определить число и последовательность уровней.

Трудность деления состоит в том, что существуют единства, принадлежащие одновременно нескольким уровням. Так, *Garçon!*— и фраза, и слово; *oui*— фраза, слово, морфема. Придаточное предложение является одновременно предложением и членом предложения. Для избежания повторов, усложнений, упрощений Тоггебю предлагает пра-

вила **переноса (transmission)** и **обратного переноса (remise)**⁷. „Oui“ констатируется как фраза содержания, но не вводится в инвентарь фраз, а проводится через все уровни, пока не инвентаризуется при последней операции как морфема. Одночленные предложения, констатируясь с начала же на уровне предложений, инвентаризуются ниже — внутри группы субъекта или предиката. Это — правило переноса. И обратно, может оказаться, что в одной из последующих операций обнаружится единство, которое было анализировано раньше. Оно не инвентаризуется, а переносится обратно на соответствующий уровень, где подвергается операции с обычным здесь инвентарем. Так при анализе группы подлежащего или сказуемого может быть обнаружено (придаточное) предложение, то есть единица структурно более высокого уровня, чем эти группы, и тогда оно переносится в рубрику предложений и вновь делится на группы подлежащего и сказуемого. Пример: „Я хочу, чтобы он пришел“: „Я/хочу, чтобы он пришел“; „хочу/чтобы он пришел; „чтобы/он пришел“; „Он пришел“ возвращается на тот же уровень (субъект + предикат, предложение), что и целое „Я хочу...“ и делится: „Он/пришел“. Таково правило обратного переноса. Применением этих двух правил инвентарь единств устанавливается более точно, исчерпывающе и экономно.

Задача синтаксиса усматривается, однако, не только в делении текста на части и выявлении уровней по операциям, но и в установлении **отношений** (по терминологии Ельмслева — „функций“) между этими частями. Последнее — основная задача глоссематического синтаксиса, ибо глоссематика рассматривает язык как систему чистых отношений, а компоненты отношений как производные.

Ельмслев выделяет три основных типа структурно-функциональных отношений (зависимостей, „функций“), которые лежат в основе универсальной глоссематической модели языка и подлежат интерпретации на уровне конкретных языков. Это — **интердепенденция** (взаимозависимость), при которой один член предполагает существование другого и наоборот (налична функция между двумя постоянными); **детерминация** (односторонняя зависимость), при которой

один член предполагает существование другого, но не наоборот (имеет место функция между постоянной и переменной); **конstellация**— более свободная зависимость, где ни один из членов не предполагает существования другого (функция между переменными).

Эти типы отношений выступают как в „процессе“ (в тексте, на синтагматической оси), так и в системе (на парадигматической оси); в первом случае они получают название „реляций“ (отношение „и—и“), во втором— „корреляций“ (отношение „или—или“). Здесь нас интересуют отношения первого типа—синтагматические реляции, отношения в процессе, поскольку именно к ним сводится глоссематический „синтаксис“. Интердепенденция в процессе представлена **солидарностью** (ср. отношение субъекта и предиката), детерминация— селекцией (что приблизительно соответствует традиционной субординации), наконец, конstellация здесь выступает как **комбинация** (традиционное сочинение)⁸.

Здесь были рассмотрены лишь некоторые положения глоссематики. Как было показано, глоссематика, в отличие от американского формализма, систематически обращается при анализе к содержанию (признание двуплановости текста, выделение значимых единиц через коммутацию и т. д.).

Четкое различие анализа субстанции и функционального (если оставить пока в стороне интерпретацию терминов „субстанция“ и „функция“ у Ельмслева) весьма важно для языкознания, ибо именно этим путем лингвистически существенное отделяется от несущественного, что была часто бессильна сделать наука прошлого. Устранить анализ экстралингвистической субстанции как таковой из сферы непосредственного изучения лингвиста значит преодолеть подмену лингвистических единиц и критериев нелингвистическими, значит создать подлинную лингвистику вместо прикладной физиологии, психологии, логики и т. д.

Старое языкознание смешивало такие понятия, как звук и фонема, ставило чисто механические (фонетические) понятия как слог или ритмическое ударение (во французском) в один ряд с функциональными понятиями— фоне-

мой, эмфатическим ударением и т. д. Тогебю отмечает путаницу в традиционных терминах („субстантив" — логический термин, относится к анализу субстанции; „претерит" — термин знакового анализа...). Последовательное разграничение типов анализа имеет целью установление собственного объекта лингвистики.

Важная заслуга глоссематики заключается также в установлении основных типов зависимостей в языке, характеризующих как план выражения, так и план содержания, выступающих как на синтагматической, так и на парадигматической оси (отношения взаимной, односторонней и свободной зависимости).

Тем не менее, глоссематическое учение содержит ряд моментов, которые отрицательно сказываются при попытках конкретного описания языков, в особенности — при изучении синтаксического строя. Отметим некоторые из этих моментов.

1) В работе К. Тогебю „систематика" охватывает только мельчайшие единицы, представляющие конечный результат синтагматического анализа (фонемы, морфемы). Разновидности единиц, устанавливаемые на промежуточных этапах анализа, — слова, словосочетания и т. д., т. е. все что составляет объект синтаксиса в традиционном смысле, — оказываются вне систематики. Между тем, они в той же мере являются единицами языка, как и, например, морфемы, и также доступны системно-парадигматическому анализу. Уже Соссюр констатировал существование системных связей слов, групп слов и т. п.⁹

В результате ограничения систематики уровнем фонем и морфем описание системы французского языка у Тогебю оказалось схематичнее и беднее, чем многие менее последовательные описания в прошлом. Так, вне систематики остались классы слов (части речи), являющиеся обычно отправным пунктом синтаксического описания; подвергнуты анализу только более частные категории — род, число, время, лицо и т. д., т. е. категории, выступающие в морфемных оппозициях. Поскольку за пределами систематики остаются также конструкции, то не устанавливаются конкретные структурные типы синтаксических групп и

фраз, т. е. **синтаксический строй языка фактически не описывается**, заменяясь синтагматическим анализом текста. По замечанию А. Мартине, „глоссематика упраздняет синтаксис, который, по существу, растворяется в изучении вариатов (обусловленных вариантов) и в учении о частях речи“.¹⁰

2) Субстанция— значения и звуки как таковые— рассматривается как нечто всецело внеязыковое, как факультативная манифестация языковой формы (соответственно, формы содержания и формы выражения). Язык исследуется как замкнутый мир чистых отношений, независимый от природы соотносящихся единиц— как самодовлеющее целое, структура „*suí generis*“.¹¹ В сущности, глоссематика смыкается здесь в определенном смысле с американским дескриптивным формализмом, пытающимся описать язык в отвлечении от значения.

Завоеванием лингвистики XX века, важность которого трудно переоценить, является та идея, что фонетическая и семантическая субстанция, взятая безотносительно к языковой форме, лингвистически иррелевантна, и поэтому ее самодовлеющее изучение не входит в круг непосредственных задач лингвиста. На этом положении зиждется, в частности, глоссематический прием коммутации. Однако последовательно лингвистический подход состоит, по-видимому, не в том, чтобы полностью отказаться от анализа субстанции в любом ее проявлении. „Экстралингвистическая“ субстанция в языке не ликвидируется, а сохраняется, своеобразно преломляясь и преобразуясь в „означаемую“ и „означающую“ стороны языкового знака. В той мере, в какой субстанция подверглась лингвистическому оформлению, она может быть подвергнута также непосредственно лингвистическому анализу. Так, помимо логико-психологического содержания, языковые элементы наделены также внутрилингвистическим, дифференциальным значением, возникающим на основе своеобразного преломления первого в призме языковой системы (точно так же фонетические элементы характеризуются не только артикуляционно и акустически, но и системой дифференциальных признаков). Между тем, такие проблемы, как разграничение

языковых и неязыковых значений, их взаимоотношение и т. п. в глоссематике не ставятся.

Теоретически допускаемая глоссематикой возможность структурно-функционального анализа в полном отвлечении от субстанции также вызвала серьезные сомнения.¹² Отмечалось, что „коммутативные испытания“ не приводят к абсурдным результатам только в той мере, в какой они основаны на имплицитном учете значения и звучания коммутируемых единиц.¹³ Более того, обращение к субстанции плана содержания в ее лингвистическом преломлении является неизбежным, когда возникает проблема конкретной семантической интерпретации лингвистических, в частности, синтаксических элементов и отношений. Напротив, при имманентном подходе конкретное семантическое содержание синтаксических элементов и отношений не выявляется.

3. Поскольку при имманентном подходе анализ субстанции выносится за пределы лингвистики и целью считается лишь описание формы планов содержания и выражения, то содержательная сторона языка рассматривается не в ее отношении к мышлению и действительности, а исключительно в отношении к плану выражения. Планы содержания и выражения представляются как взаимно детерминирующие („солидарные“).

Поэтому Ельмслев вполне последователен, замечая, что термины „содержание“ и „выражение“ (в его интерпретации) совершенно произвольны.¹⁴ Действительно, если считать, что планы в языке „определяются противопоставительно и соотносительно“ и не образуют иерархии, то ничто не мешает принимать за содержание звуковую сторону, а за выражение — семантическую. Однако отказ от априорных схем и обращение к конкретному функционированию языка обнаруживает несомненный приоритет идеального плана — содержания — по отношению к плану материального выражения, единственное назначение которого состоит в манифестации идеального. Говоря терминами глоссематики, здесь имеет место односторонняя зависимость (детерминация), где в качестве независимого фактива (инварианта) выступает содержание, а зависимого

(варианта)— выражение. Игнорирование глоссематиками иерархии языковых планов и рассмотрение планов содержания и выражения как солидарных ведет к **дуализму**, отрицательно отражающемуся на конкретном изучении языка.

Естественным представляется также присущий глоссематике нивелированный подход к языковым единствам разных типов и уровней (лексические и грамматические единства; слова, словосочетания, предложения), поскольку качественные различия в их значении обусловлены не соотношением с планом выражения, а экстралингвистическими моментами: функционированием языка как орудия изображения действительности, оформления и коммуникаций содержания сознания.

Именно пренебрежение к качественным различиям в типах лингвистического значения приводит к тому, что языковые единицы разных уровней— морфема, слово, синтаксическая группа, фраза— хотя и вводятся, но недифференцированно, без установления их специфики. Поэтому 15 уровней, которые Тогебю устанавливает своими операциями, не распределяются по уровням более высокого порядка; в этом смысле традиционный синтаксис, выделявший 4 качественно различающихся уровня, имел определенные преимущества.

Сказанное позволяет понять, почему функциональный анализ в глоссематике не обнаруживает конкретного многообразия синтаксических отношений, структур, функций. Хотя и Тогебю непоследовательно сохраняет термины старого синтаксиса (атрибут, аппозиция, предикат), тем не менее, изучает он лишь общие структурные схемы, общие **типы** отношений и функций (солидарность, селекция, комбинация)¹⁵.

Глоссематика является абстрактной теорией языковых структур и функций, которая до настоящего времени не нашла достаточно эффективного применения в практике исследования языков. По справедливому замечанию К. Боргстрёма, изучение формы независимо от субстанции „относится больше к задаче разработки набора определе-

ний, которые составляют общую теорию, чем к задаче описания какого-либо данного языка¹⁶.

Имманентная „алгебра языка“, созданная Ельмслевом, помогает обнаружить ранее скрытые языковые связи и закономерности, освещает новые пути и формы лингвистического исследования. Тем не менее, изучение формы языковых планов в отрыве от их субстанции, рассмотрение этих планов как параллельных, исключительное акцентирование изоморфистической точки зрения приводит к схематизации и искажению языковой действительности.

Подобно дескриптивистам крайнего формалистического направления, глоссематики пренебрегают изучением синтаксических фактов в их специфике и не усматривают принципиальной разницы между единицами и отношениями на синтаксическом и морфологическом уровнях. Глоссематический синтаксис растворяется в процедуре членения текста, так же как криптоаналитический синтаксис растворяется в анализе морфологической структуры высказывания.

Примечания

1. Синтаксические взгляды представителей этого направления анализируются в отмечавшейся выше работе Л. Илия, в работе О. С. Ахмановой и Г. Б. Микаэлян (стр. 37—49). Общий анализ взглядов глоссематиков дан в работах: **О. С. Ахманова**, Основные направления лингвистического структурализма, стр. 15—25; **Ю. Лекомцев**, Основные положения глоссематики, ВЯ, 1962, № 4; Основные направления структурализма, стр. 127—176. Ср. также **В. Sierstema**, A study of glossematics, The Hague, 1955 (специальная монография, посвященная анализу глоссематического учения); „Recherches structurales“, TCLC, vol. 5, 1949 (сборник статей, многие из которых принадлежат самим глоссематикам); **Н. Spang-Hanssen**, Glossematics, „Trends in European and American linguistics“.

2. **Ж. Тогебу**, Structure immanente de la langue française, Cop. > 1951; см. вводный раздел („Immanence et structure“ и раздел „Contenu“ — I часть, „Syntaxe“). Нужно, однако, учесть, что Тогебу допускает в своей концепции отклонения от ортодоксального глоссематического учения.

3. **Л. Ельмслев**, Прологомены к теории языка, „Новое в лингвистике“, М. 1960; об этом труде см. в том же сборнике: **В. Звегинцев**, Глоссематика и лингвистика. См. также статью **А. Мартине**, О книге „Основы лингвистической теории“ Луи Ельмслева (там же); в этой статье содержится острая критика учения Ельмслева.

4. Сопоставлению этих направлений посвящена известнейшая статья Э. Хаугена „Направления в современном языкознании" (см. „Новое в лингвистике", в. 1). О чертах, объединяющих различные течения структурализма, а также об их специфических особенностях см. Г. Б. Джаукян, указ. раб., т. 2, стр. 309—311; на стр. 253—268 этой же работы дается общая характеристика глоссематического учения.

5. См. Л. Ельмслев, указ. раб., стр. 272—274; К. Тогебу, указ. раб., стр. 30.

6. Метод, применяемый в глоссематике, можно было бы охарактеризовать как дедуктивный также потому, что здесь практически анализируются не реальные отрезки текста на реальном языке, а некий идеальный, умозрительно постулируемый текст, исходя из которого можно предсказать любые возможные факты в любом языке. Впрочем этот текст не является чистым домыслом; допускается возможность „нескольких лингвистических теорий в смысле „приближений" (аппроксимаций) к идеалу, построенному и сформулированному в терминах „эмпирического принципа" (см. Л. Ельмслев, там же, стр. 279). Именно поэтому не совсем точной представляется характеристика глоссематики как „башни из слоновой кости" (А. Мартине, в рецензии на работу Ельмслева); как отмечает сам Мартине, предпосылки глоссематической теории заложены в опыте, хотя раз установленная теория „образует некую замкнутую систему, которая при помощи чисто дедуктивной операции позволяет исчислить возможности, исходя из заранее заданных предпосылок" (стр. 442).

7. К. Тогебу, указ. раб., стр. 91—93.

8. См. Л. Ельмслев, указ. раб., стр. 284—299 (см., в частности, таблицу на стр. 299). Х. Ульдаль отмечал, что классификация функций по их направлениям, разработанная Ельмслевом, применима не только к различным аспектам языка, но и вне пределов лингвистики (см. Н. J. Uldall, *On equivalent relations*, „Recherches structurales", стр. 71).

9. См., напр., Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 122—223.

10. А. Мартине, указ. рецензия на работу Л. Ельмслева, стр. 451.

11. Л. Ельмслев, указ. раб., стр. 267.

12. Критики Ельмслева неоднократно указывали на то, что без учета субстанции исключается возможность отождествления и анализа распределения как фонем, так и значимых элементов. Ср., например А. Мартине, там же, стр. 457—458.

13. Произвольное обращение с языковыми фактами, обусловленное пренебрежением к реальному звучанию и значению языковых единиц, наблюдается, например, в рассмотренной работе К. Тогебу, которая вызвала резкую критику А. Мартине. „Сведение языков к „структурам", т. е. к тому, что остается от языков после устранения элементов, на которые исследователь накладывает ярлык „иррелевантности", — весьма опасное упражнение, если оно не сопровождается частым и не-

посредственным контактом с языковой реальностью в ее первоначальной (raw) форме..." (А. Мартине, рецензия на книгу Тогебу в „Word", vol. 9, стр. 81). По мнению Мартине, Тогебу не занимается описанием французского языка; последний является для него „предлогом для представления своих лингвистических взглядов" (там же, стр. 79).

14. Л. Ельмслев, указ. раб., стр. 318.

15. Характерно, что те же типы отношений устанавливаются при про-содическом членении плана выражения. Например, согласная фонема, поскольку она не появляется в слоге без гласной, есть величина несамостоятельная, зависящая от гласной так же, как прилагательное зависит от существительного или объект от глагола (отношение селекции). Слоги связаны отношением комбинации и т. д. Параллелизм в строении слога и простого предложения подвергнут подробному анализу в работе: Ю. К. Лекомцев, К принципу классификации простых предложений во Вьетнамском языке (ВЯ, 1960, № 1); ср. его же: К вопросу об аналогиях в строении схем слога и простого предложения („Проблемы структурной лингвистики", М., 1962).

Параллелизм планов языка с точки зрения их структурной организации, их **изоморфность**—одно из основных положений не только глоссематики, но и вообще структурализма. Однако не следует упускать из виду, что изоморфистический подход, позволяя схватить общность явлений разных планов и уровней, сам по себе недостаточен для изучения каждого плана и каждого уровня в отдельности. Е. Куриловичу принадлежит исследование проблемы изоморфизма, в котором устанавливаются разумные пределы применения принципа изоморфизма в лингвистике и выявляются возможности изоморфистического подхода (см. Е. Курилович, Понятие изоморфизма, „Очерки по лингвистике", М., 1962). Ср. Э. А. Макаев, К вопросу об изоморфизме, ВЯ, 1961, № 5.

16. K. Borgström, The technique of linguistic descriptions, AL, vol. 5, 1945—49, fasc. 1, стр. 9.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Помимо глоссематики из сосюрковского противопоставления парадигматической (ассоциативной) и синтагматической осей исходит также женеvская школа структурализма, одним из основных принципов которой является рассмотрение любой составной единицы языка и речи как **синтагмы**.

О синтагме как сочетании языковых элементов на линейной оси говорил еще Ф. де Соссюр. При этом он допускал, что синтагма может состоять из двух, и более

членов, а также считал возможной кристаллизацию синтагм в языковом— парадигматическом плане (ср. производные и сложные слова, модели словосочетаний и предложений и т. д.)¹.

Позже учение о синтагме разрабатывает Ш. Балли. Балли считает синтагмой любую совокупность знаков, отвечающую формуле AZ , где A может быть субъектом, Z — предикатом (тогда синтагма представляет собой предложение), либо A может быть определяющим, Z — определяемым (редуцированная синтагма, составляющая часть предложения). Элементы синтагмы находятся в отношении взаимозависимости и взаимообусловленности, ибо не может быть субъекта без предиката или предиката без субъекта, переходного глагола без дополнения или дополнения без глагола и т. д. Между членами синтагмы возможна также односторонняя зависимость (ср. отношение прилагательного и существительного в определительной синтагме), однако односторонняя зависимость наблюдается только в языке; в речи зависимость членов синтагмы имеет всегда двусторонний (взаимный) характер². Таким образом, по мнению Балли, всякая синтагма двучленна, или бинарна, по крайней мере, в своей понятийной основе. Синтагматическое отношение исключает координацию, так как несколько сочиненных элементов составляют в совокупности один член синтагмы³.

В настоящее время синтагматические принципы женеvской школы развиваются А. Фреем, в частности, в одной из его последних работ— „Комплексное лингвистическое единство“⁴. А. Фрей в качестве основных единиц языка принимает неразложимую монему (простой знак) и разложимую синтагму (комбинацию знаков, или комплексный знак, который может быть замещен монемой). Класс одинаковых синтагм образует модель, характеризуемую функциональным значением. Фрей считает невозможным деление синтагмы на непосредственно составляющие (определяемое— определение, ядро— спутник, субъект— предикат) по той причине, что синтагмы не сводятся к простой сумме своих членов, а представляют величину качественно иного, высшего порядка по сравнению с монемой.

Женеvская школа внесла значительный вклад в разра-

вотку синтаксической теории (о некоторых трудах Ш. Балли, А. Сешеэ, С. Карцевского, А. Фрея в области синтаксиса мы еще будем иметь повод говорить). В целом учение женеvской школы характеризуется более трезвым подходом к языковой реальности, чем учение глоссематиков и, вместе с тем, большей широтой интересов, чем американский дистрибутивный формализм с его узким практицизмом и техницизмом. Однако вряд ли сказанное можно отнести к синтагматическому принципу женеvской школы, по меньшей мере, в его наиболее крайних проявлениях. Синтагма, подобно конструкции непосредственно составляющих (см. ниже), представляет категорию, лишенную качественной определенности. Хотя и синтагматика намечает некоторые общие принципы изучения синтаксической структуры, однако ни в определении предмета синтаксиса, ни в выявлении конкретных его единиц и отношений существенно нового не дает.

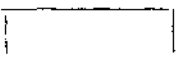
Недостаточность синтагматического принципа особенно отчетливо выступает при рассмотрении работ Ф. Микуша. В ряде статей и книг⁵, вызвавших широкий отклик у лингвистов разных стран, Микуш стремится по-новому трактовать синтагматическое учение. Свообразие синтагматики Микуша в том, что он считает синтагму фундаментальной, даже единственной структурой языка, молекулой языковой деятельности вообще. Понятие синтагмы по Микушу — база теории синтагматического единства языка. Тагмема Блумфилда, НС Пайка и Уэлза, *minor sentences* Блока и Трейгера, все это, по Микушу, — лишь несовершенные попытки подойти к понятию синтагмы. Хотя и анализ по непосредственно составляющим у Тогебю вплотную приблизился к синтагматике, ни одна школа, говорит Микуш, которая не определила типичную структуру языка, то есть синтагму (а также соответствующие ей типичные синтагматические функцию и отношение), не является подлинно структуральной. Вся досинтагматическая лингвистика была „примитивной эмпирической синтагматикой“.

Со времени де Соссюра, различавшего мотивированные и немотивированные знаки, принято считать, что простой немотивированный знак, обозначаемый А. Мартине, Р. Якоб-

соном, А. Фреем, а также Микушем и некоторыми другими лингвистами термином „монема“, разложим только на фонемы и, следовательно, с функционально-семиологической точки зрения членению не подлежит. Элементарная синтагма должна представлять сочетание минимум двух монем.

С другой стороны, вне синтагматического разложения остается также координация. Синтагма—единица, функционально и структурно разложимая на члены, между тем как сочинение—соединение элементов, синтагматически (функционально) тождественных: это сцепление гомофункциональных знаков, расщепленная монема. Для Микуша сочинение—примитивное, первоначальное явление, на нынешней стадии развития языка занимающее периферийное положение и всецело подчиненное синтагматическому принципу.

За исключением неразложимой монемы и иллюзорно разложимой координации, все остальное в языке—область синтагматики. В синтагме осуществляется связь **гетерофункциональных** знаков. Ср.:



 Pierre bat Paul,

или:

Pierre : (bat - Paul).


Но гетерофункциональность не означает здесь структурно-функциональной иерархии (подчинения). В этом вопросе Микуш расходится как с традиционным языкознанием, так и с синтагматикой женеvской школы. С точки зрения Микуша, подчинения вообще не существует: по его мнению, члены синтагмы функционально взаимозависимы и равноправны. Иерархия наблюдается между синтагмами в высказывании, но не внутри данной синтагмы. Различие между членами синтагмы в том, что между ними распределяются две равно важные функции лингвистического знака—функции отождествления и различения. Простой знак выполняет обе эти функции одновременно: rouge, это и „красный“ (функция отождествления), и „не-синий, не-


желтый...“ (функция различения). В сложном знаке— синтагме— эти функции распределяются между его компонентами: в *une petite roue* слово *petite* выполняет функцию отождествления, слово *roue*— функцию различения.

Именно таким распределением функций Микуш объясняет постоянную бинарность синтагмы, которую рассматривает как ее характерную черту. Таким образом, Микуш объясняет бинарность синтагмы не в синтаксическом плане, а спецификой языкового выражения мысли (распределением семиологической знаковой функции между двумя знаками),


Бинарность синтагмы обосновывается также генетически. Речь, как это показал Соссюр, по природе линейна, однопланова. Окружающий же мир, отражающийся в языке, многозначен, многомерен. Чтобы преодолеть плоскостный характер линейности речи и координации, адекватно воспроизвести действительность, создаются гетерофункциональные знаки— синтагмы. Два координированных знака (одночленные высказывания, моноремы, напр., *Canis! Latfat!*) объединяются в одно двучленное высказывание— гетерофункциональный знак, дирему (*Canis latrat*).

Наконец, бинарность синтагмы обосновывается диалектически. Синтагма рассматривается как синтез конститuentов (тезиса и антитезиса), причем синтез в языке, а также в мысли—не простая сумма, которую можно было бы без остатка разложить на составные части, а единство высшего порядка, где части одновременно сняты и сохранены. Благодаря своему диалектическому характеру синтагма синтезирует то, что анализировали мысль и язык. Образуется триада, например:

jardin — petit

 jardinet

mer — vaste

 océan

фраза (диктомодальная синтагма)— наиболее важный тип такого синтеза в языке:

субъект — предикат

 фраза

Синтагма — лингвистический род, видами которого являются, с одной стороны, „макросинтагма“ (предикативная или диктотомодальная синтагма, фраза), а с другой — генетически производные от нее (образованные в результате ее конденсации) „микросинтагмы“: синтагмы актуализации, квантификации, характеристики, синтагмы субстантивная, вербальная и т. д., а также части речи, сложные/и производные слова, вплоть до изменяемых слов, где синтагма образуется из основы и флексии.

Интерес представляет трактовка именной и глагольной микросинтагм как синтагм актуализации, в которых виртуальная основа соединяется с актуализатором (термин Ш. Балли) — артиклем, детерминативом, глагольной морфемой, а также исследование механизма транспозиции (также термин Балли), при которой происходит не простая актуализация, а изменение синтагматической функции знака с помощью транспозиторов (например, изменение части речи).

Таким образом, вслед за Соссюром и Балли Микуш вводит в синтагматику семиологический элемент (элемент знакового анализа); тем самым устанавливается, что язык состоит из разнокачественных структурных ярусов — обстоятельство, недооцениваемое в американском и датском структурализме.

Здесь нет возможности подробнее остановиться на взглядах Микуша, которые подвергались уже обстоятельному критическому анализу в статьях Е. А. Седельникова⁶.

Стметим лишь следующее:

1. Синтагма, синтагматическое отношение — сами по себе абстрактные категории. Микуша упрекали в том, что, вводя понятие синтагмы, он пропускает реальность „через слишком широкие петли“, ⁷ не замечает особенностей языков и языковых единиц. Однако это возражение вряд ли можно признать справедливым, поскольку, в отличие от представителей канонизированных структуральных школ (копенгагенской, дескриптивной), Микуш не ограничивается констатацией общих типов синтагматических структур, функций, отношений; выдвинув всеохватывающее понятие синтагмы, он далее конкретизирует его, основываясь главным образом на учении Ш. Балли, и дает весьма интерес-

ную классификацию синтагм. Точно так же понятие общесинтагматического отношения конкретизируется в понятиях определенных грамматических отношений.

И тем не менее, иерархия структурных слоев выпадает у Микуша как нечто относительное и случайное сравнительно с синтагматическим членением. Качественное различие типов синтагм для него второстепенно по сравнению с их внешней формальной общностью. Деление на морфологию, синтаксис, лексикологию отступает на второй план; классический синтаксис растворяется, по его словам, в синтагматике.

Традиционные синтаксические единицы Микуш заменяет универсальным понятием синтагмы. Хотя он допускает существование синтагм различного типа, в том числе слова, которое он квалифицирует как автоматизированный знак, однако соответствующего разграничения лингвистических дисциплин не предлагает.

2. Синтагматика превращается в абсолютный, единственно возможный принцип исследования. Внимание сосредоточено на изучении линейного плана — реализации языка в речи (*parole*). Самый же язык (*langue*) с его ассоциативными рядами представляется Микушу построением ученых, лишенным реальной основы. Однако такое понимание природы языка равносильно отказу от изучения языковой сущности явлений, выступающих на синтагматической оси. Между тем, представители женеvской школы, на синтагматическую теорию которых опирается Микуш, не только уделяли значительное внимание изучению парадигматических рядов; (языковой системы в сознании говорящих), но и считали, что к языку относятся структурные схемы синтагм (см. выше).

3. Микуш отвергает существование синтаксической иерархии (подчинения) внутри синтагм (управляющий — подчиненный элементы). Он настаивает на идее распределения функций различения и отождествления между взаимодополняющими элементами синтагмы. Однако это различие — семантически-семиологического, а не синтаксического порядка; для синтаксиса оно важно, но не достаточно: нужно описать также **структуру** синтагмы (группы, фра-

зы), то есть синтаксическую иерархию в ней, основанную на субординации.

4. Микуш универсализует понятие бинарной синтагмы, рассматривает его как ключ к любой темной проблеме в структуре языка и его истории, что приводит к упрощенному пониманию сложной языковой действительности.

Утверждая, что существует лишь линейный синтагматический план, Микуш априорно исключает из поля зрения альтернатива нелинейный план (языковые категории к структуре), наиболее существенный. Язык, а также мысль сводятся к форме их реализации— дискурсивной, текстуальной, к потоку речи. В свое время Анри Фрей подверг резкой критике теорию Микуша именно за представление о языке как о линейном образовании. Фрей подчеркивал, что линейный характер присущ не языковому знаку в целом, а только одной его стороне— означающему; в синтагме число и комбинации означаемых не находятся в естественной связи с числом и комбинациями означающих.⁸

В работах Микуша наблюдается иногда отход от прямолинейного утверждения синтагматических принципов; так, он вводит понятие автоматизированного знака (слова, или лексикализованной микросинтагмы, которое вряд ли можно признать явлением чисто линейного речевого характера).

Бросается в глаза сходство синтагматического анализа с анализом по непосредственно составляющим у дескриптивистов и с делением текста у глоссематиков, на что указывал сам Микуш. Хотя Микуш акцентирует качественные различия типов синтагм, дает онтологические и семиологические интерпретации, однако и у него в центре внимания находятся „последовательные бинарные деления“, основанные на линейном характере речевого выражения. Попарные сцепления синтагм на линейной оси, которые Микуш рассматривает как основу языковой и мыслительной деятельности,— не что иное, как объединения непосредственно составляющих во все более крупные единства, начиная от монемы и кончая фразой.

Примечания

1. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 121.
2. Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 115.
3. Впоследствии Н. Трубецкой к двум отмечавшимся ранее видам синтагмы -- предикативной и субординативной -- предложил присоединить третий вид: социативную (координативную) синтагму (см. N. Trubetzkoy, Les rapports entre le déterminé, le déterminant et le défini, „Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally", Genève, 1939, стр. 77).
4. Н. Frei, L'unité linguistique complexe, „Lingua", vol. 11, 1962.
5. Р. Ф. Микуш, Обсуждение вопросов структурализма и синтагматическая теория, ВЯ, 1957, № 1; R. F. Mikuš, Le syntagme est-il biraire? „Word", vol. 3, 1947; A propos de la syntagmatique du professeur Belič, Ljubljana, 1952; Quelle est en fin de compte la structure-type du langage? „Lingua", vol. 3, 1953; En marge du Sixième Congrès International des linguistes, „Miscelanea homenaje a A. Martinet", vol. 1, La Laguna, 1957, etc.
6. Е. А. Седельников, Несколько слов о синтагматической теории, ВЯ, 1958, № 4; Еще раз о синтагматической теории, ВЯ, 1961, № 1.
- 7. Р. Ф. Микуш, Письмо в редакцию, ВЯ, 1959, № 5, стр. 130.
8. Н. Frei, Note sur l'analyse des syntagmes, „Word", vol. 4, 1948, стр. 69.

ДЕСКРИПТИВНЫЙ СИНТАКСИС Ч. ФРИЗА

Криптоаналитический формализм составляет лишь одно из ответвлений американской дескриптивной лингвистики — ответвление, доведшее до крайности формалистические моменты в концепции Л. Блумфилда. Из дескриптивистов, не разделяющих крайних воззрений, можно выделить К. Пайка и Ч. Фриза. Синтаксических взглядов Пайка попутно коснемся ниже, здесь же будут рассмотрены взгляды Фриза, синтаксическая система которого представляет большой интерес¹.

Основной труд Фриза — „Структура английского языка" ² — является оригинальной попыткой описать строй этого языка, минуя традиционные схемы.

Фриз указывает на необходимость разграничения в языке значений двух типов: приводимых в словарях (лексических) и структурных (грамматических)³. Последние играют определенную роль в структурной организации языка

и могут обозначаться структурными сигналами, (флексия, расположение слов, интонация).

В основе построения моделей высказываний (utterances) лежат классы слов, то есть их структурные типы, отчасти соответствующие традиционным частям речи. Описать синтаксический строй языка значит, согласно Фризу, описать **модели сочетания и расположения классов слов в высказываниях**. Синтаксический анализ начинается у Фриза не с выявления инвентаря морфем, как, например, в работе Хэрриса, а с установления классов слов. Тем самым Фриз преодолевает „морфологический” подход к синтаксису, свойственный дескриптивизму, и становится на специфически синтаксическую точку зрения.

Фриз выделяет классы слов с помощью субститутивно-дистрибутивного анализа, с учетом их позиций в высказывании. Позиция понимается не в узком смысле — как расположение слов, а как их функция, место, занимаемое в структуре. Берется, например, фраза: *The concert was good*; выясняется с помощью подстановки, какие слова могут занимать в ней ту же позицию, что и „Concert”, без изменения структурного значения (напр., *The coffee was good*, *The food was good...*), причем осмысленность высказывания в плане лексического содержания не является необходимой. Все эти слова принадлежат, следовательно, тому же классу, что и „concert”. Эти же слова могут занимать во фразе и другие позиции (напр., *The clerk remembered the concert*, *the food...*).

Совокупность позиций этих слов составляет их функции. Функциональная общность, обусловленная общностью структурного значения, позволяет объединить их в один класс (первый класс, включающий в основном традиционные существительные). Тем же путем выделяются слова других классов (II — IV), соответствующие в целом глаголам, прилагательным и наречиям. Хотя и результаты анализа кажутся на первый взгляд близкими к схемам нормативных грамматик, однако есть существенное различие в методе работы. Приемы, применяемые Фризом, обеспечивают большую объективность описания, более широкий охват явлений (при таком подходе не могут быть при-

52

внесены посторонние экстралингвистические, в частности, логические критерии; от внимания наблюдателя не ускользают многие позиции, которые для традиционного анализа могли остаться незамеченными). Общность структурного значения устанавливается не интуитивно, а экспериментально, с помощью применения техники субституции. Однако субституция в свою очередь подлежит контролю на основе учета некоторых аспектов значения (в виде реакции информанта или в какой-либо другой форме); согласно Фризу, такой контроль необходим для уточнения того, изменяется или не изменяется модель после операции субституции. Таким образом, для проведения анализа необходимо знать если не лексические, то по крайней мере грамматические значения: утверждение, которым Фриз противопоставляет себя формалистическому крылу дескриптивизма. Дистрибутивный анализ сознательно связывается у него с учетом данных семантического порядка.

Только составив исчерпывающий каталог классов слов по позициям, Фриз обращается к описанию их дополнительных формальных показателей (сигналов классов слов и их классификационных характеристик — числа, времени и т. д.).

Группы служебных слов (*function-words*) также устанавливаются по позиционному признаку. Метод анализа, применяемый Фризом, позволяет выделить такие группы служебных слов, которые обычно смешивают с другими⁴.

Установив классы самостоятельных и служебных слов, Фриз приступает к характеристике их соединений: глагольного центра с относящимися к нему субъектом и объектом; „структур модификации“ (именных групп), состоящих из главного члена (*head*) и модификатора (*modifier*) и входящих в структуру высказывания с функцией, тождественной функции главного члена. Структурные модели высказываний описаны с помощью знаков: цифр 1—4 (классы самостоятельных слов) и букв (группы функциональных слов). Например, схема [D (детерминатив) 1 2d 4] характеризует высказывания: *The pupils ran away*; *The husband went out* и т. д.

Последняя ступень анализа у Фриза — анализ по НС,

выявляющий структурную иерархию компонентов высказывания в английском языке. Поскольку слово, структура модификации, высказывание как **синтаксические** единства уже разграничены, метод анализа по НС становится из нивелирующего механизма деления синтаксических образований орудием установления взаимоотношений конкретных структур. Анализ по НС завершается не на морфемах, как это имеет место у других дескриптивистов, а на синтаксически неделимых элементах — самостоятельных словах или их сочетаниях со служебным; словами⁵; те и другие выступают таким образом в качестве минимальных синтаксических единиц (ср. ниже понятие „ядра” в системе Л. Теньера). Практически именно эти единицы представляют в системе Фриза водораздел между синтаксисом и морфологией.

Дальнейшее уточнение положений Фриза содержится в менее оригинальных, но более систематичных трудах В. Фрэнсиса, П. Робертса и др.⁶ Так, Фрэнсис обособляет внутри каждой самостоятельной части речи группу местоименных слов — субститутов, коррелирующих с целыми классами или подклассами слов; отмечает четыре типа элементарных моделей: структуры модификации, предикации, комплементации и координации, на основе которых можно описать любое высказывание.

Благодаря ряду особенностей работа Фриза занимает своеобразное положение в структуральном синтаксисе. Строгое разграничение типов языкового значения, рассмотрение категорий структуры модификации и высказывания как единств, различающихся по их синтаксическому значению, дополняющие друг друга описания структурных моделей синтаксических групп и высказываний и, в заключение, анализ по слоям (layers) НС, отображающий иерархическое построение высказываний, — таковы черты, характеризующие синтаксическую систему Ч. Фриза⁷. Хотя Фриз и не рассматривает проблему семантических корней синтаксических связей и ограничивает свою задачу простым описанием, тем не менее, в некоторых главах своей работы он прибегает как раз к **семантической** характеристике синтаксических категорий. Он говорит, например,

о различных значениях субъекта. Субъект—это: 1) вершитель действия (The car turned the corner); 2) идентифицируемый (Her husband is director); 3) описываемый (He is afraid); 4) претерпевающий воздействие (The order is given)⁸. Значение субъекта анализируется здесь с точки зрения содержания высказывания в целом. В таком же плане рассматривается значение объекта и структур модификации. Это— пример характеристики собственно лингвистического— „структурного"— значения субъекта (в противоположность традиционному логическому определению субъекта в связи с его ролью в суждении).

В отличие от рассматривавшихся выше направлений, течение в американском дескриптивизме, представленное Фризом и некоторыми другими лингвистами, акцентирует специфику синтаксического уровня языка и, в частности, специфику структурно-синтаксического значения по сравнению с лексическим значением. В работе Фриза синтаксический строй английского языка изучается как таковой, не растворяясь в морфологии и в анализе по непосредственно составляющим.

Работа Фриза представляет интерес прежде всего как попытка разработать процедуры дистрибутивного анализа текста с собственно синтаксической точки зрения; результаты такого анализа могут определенным образом ориентировать лингвиста, приступающего к построению синтаксической модели. Методика Фриза может быть использована также на этапе проверки и уточнения модели. Вместе с тем, работа Фриза не выходит за рамки „чистого" описания и индуктивизма; вопросы теории языка и моделирования языковой системы в ней не разрабатываются. Анализ синтаксического строя английского языка, тщательно и эффективно проделанный Ч. Фризом, имеет в основном эвристическое значение и представляет интерес именно с этой точки зрения⁹.

П р и м е ч а н и я

1. Ср. В. Г. Адмони, Развитие синтаксической теории на Западе в XX веке и структурализм, ВЯ, 1956, № 6; В. И. Ярцева, Проблема формы и содержания синтаксических единиц в трактовке дескриптивистов и „менталистов", „Вопросы теории языка в современной зару-

бежной лингвистике"; С. И. Шендельс, О грамматических значениях в плане содержания, „Принципы научного анализа языка", М., 1959.

В дескриптивном синтаксисе существует также — хотя и выступает менее отчетливо — более традиционное течение, стремящееся проводить анализ на основе систематизации данных интуиции лингвиста; см. напр. работу А. G. Hatcher, *Syntax and the sentence*, „Word", vol. 12, 1956, в которой критикуется аменталистическая направленность дистрибутивного формализма в синтаксисе и дается набросок классификации синтаксических конструкций, основанный на учете значения предложения и его членов.

2. Ch. Fries, *The structure of English*, N. Y., 1952.

3. См. указ. работу, стр. 55, а также Ч. Фриз, Значение и лингвистический анализ, „Новое в лингвистике", в. 2, стр. 113 и след.

4. Между прочим в особую группу объединены Фризом „интенсификаторы", т. е. слова, обозначающие степень признака прилагательных и играющие при них роль своеобразных детерминативов. Обычно эти слова (*quite, rather, too, very* и др.) смешиваются с наречиями — полноточными словами, зависящими от глагола.

5. См. там же, стр. 257.

6. W. N. Francis, *The structure of American English*, N. Y., 1958, P. Roberts, *Patterns of English*, N. Y., 1956; *Understanding English*, N. Y., 1958.

7. Интересно отметить параллелизм между методами и приемами синтаксического описания, применяемыми Фризом и вообще дескриптивистами с одной стороны, Г. Глинцем — с другой (см. H. Glinz, *Die innere Form des Deutschen*, Bern, 1952). Параллелизм этот особенно интересен потому, что Глинц, по-видимому, разработал свою методику независимо от дескриптивистов; ср. W. G. Moulton, Рецензия на указ. книгу Глинца в „Language", vol. 29, 1953, стр. 179—180.

8. Ch. Fries, указ. раб., стр. 178—180.

9. „... несмотря на то, что метод подстановки может являться (и в ряде случаев является) хорошим отправным пунктом для формулирования полезных гипотез о грамматической структуре, подстановка не может быть использована в качестве процедуры проверки, является ли объект членом данного множества. Процедуру подстановки нельзя использовать для определения грамматических понятий* (Р. Б. Лиз, О возможностях проверки лингвистических положений, ВЯ, 1962, № 4, стр. 52). Считая метод субституции (подстановки в диагностические окружения: *substitution-in-frame*) приемлемым в определенных рамках, Лиз, вместе с тем, резко критикует попытки его применения в качестве основы грамматического описания (см. указ. раб., а также R. B. Lees, *A multiply ambiguous adjectival construction in English*, „Language", vol. 36, 1960, стр. 209—210).

Книга Л. Теньера „Элементы структурального синтаксиса“¹ содержит весьма стройную и целостную концепцию структуры языка вообще, структуры фразы в особенности.

В целом Теньер независим от современных ему течений; хотя он и использует в значительной мере их достижения,— у него иная проблематика, иной подход. Его синтаксис именуется „структуральным“ не потому, что возник на почве структуральной лингвистики, а просто потому, что посвящен изучению структуры фразы². В частности, Теньер своеобразно применяет в области синтаксиса гумбольдтовское учение о внутренней форме языка³.

Ниже сделана попытка резюмировать те моменты теории Теньера, которые связаны с затрагиваемой в настоящей работе проблематикой.

а) Языковые планы или порядки (*ordres*)

Теньер не абсолютизирует какую-либо одну сторону языка (например, структурно-функциональную сторону в противоположность семантической и фонетической, как глоссематика; синтагматику в противоположность парадигматике, как Микуш); напротив, он стремится охватить в их иерархии все стороны языка. Он четко отграничивает один слой от другого, изучает природу каждого слоя в его специфике, исследует его функциональные связи и переплетения с другими слоями... Природа внешних слоев находит свое объяснение и обоснование в глубинных слоях. Эту часть учения Теньера можно было бы назвать **теорией языковых планов** или порядков (под „порядками“ Теньер подразумевает приблизительно то же, что структуральные школы под уровнями).

1. Семантический план— область мысли как таковой, в отвлечении от ее лингвистического выражения. Он составляет предмет не грамматики (последняя изучает как раз форму выражения мысли в языке), а логики и психо-

логии (ср. 20, 6).^{*} Синтаксис автономен, независим от логики и психологии. Неправомерны как логицизм рациональной грамматики, так и психологизм Вундта и Брюно (20, 18-20).

Но игнорировать семантический план нельзя; смысл составляет конечную основу структуры фразы и поэтому косвенно должен интересовать также синтаксис (20, 3); ведь цель существования структурного плана лишь в том, чтобы сделать возможным выражение мысли, то есть семантического плана (21, 1). В основе структурных связей лежат семантические связи (ср. 21, 2)¹.

Таким образом, Теньер не только считает необходимым включить семантику в лингвистический анализ, но и рассматривает семантическое как подспудный слой языка, как фундамент синтаксической структуры, объяснение и обоснование последней. Синтаксис не смешивается с семантикой, но и не изучается в отрыве от нее.

Впрочем, вряд ли правомерно относить семантический план всецело к области логики и психологии, как это делает Теньер. В другом месте (24, 17) он замечает, что это план „бесчисленной пыли частных идей”, то есть, очевидно, значений слов, которые составляют предмет семантики как определенного раздела лексикологии. Напомним, что Фриз, например, относил к компетенции языковеда не только структурные, но и лексические значения (семантику слов), хотя строго разграничивал те и другие. Быть может, вернее было бы сказать, что семантический план занимает промежуточное положение между логическим и психологическим с одной стороны, грамматическим — с другой.

Сказанное можно проиллюстрировать следующим образом: во фразе *Alfred frappe Bernard* („Альфред ударяет Бернара“) семантическому плану принадлежит, по Теньеру, во-первых, конкретное лексическое значение каждого слова, взятого в отдельности, вне фразы (*Alfred, Bernard* суть имена определенных лиц; *frappe* обозначает определенное действие). Во-вторых, семантическому плану принадлежат

^{*} Первая цифра в скобках обозначает главу „Элементов структурального синтаксиса”, вторая — параграф.

конкретные семантические связи этих слов (**Alfred-frappe, frappe-Bernard**), устанавливающиеся во фразе. Конкретные слова объединяются в соответствии со своим значением в категории, а их конкретные связи лежат в основе структурных отношений (см. ниже); об этом у Теньера ясно не сказано, но это вытекает из его изложения в целом.

Постановка проблемы организующей роли значения в структуре языка, несмотря на некоторую неясность в деталях, выгодно отличает теорию Теньера от рассмотренных выше, придает ей большую глубину.

2. Категориальный план или порядок. Мысль схватывает действительность, набрасывая на нее сеть логических категорий; точно так же язык может схватить мысль, лишь набросив на нее сеть общих понятий— грамматических категорий (24, 4). Категории мысли принадлежат логико-психологическому плану, грамматические—плану лингвистическому (24, 6). Тогда как семантический план— область „бесчисленной пыли частных идей“, категориальный план (грамматические категории)— это план общих идей-классификаторов (24, 17). Здесь опять остается неясным, надстраиваются ли по Теньеру категории над семантикой слов или непосредственно над логическими понятиями.

Категориальный план можно назвать также категориальным **порядком** (*ordre catégorique*), ибо это порядок, в соответствии с которым классифицируются, выстраиваются в ряд элементы языка в сознании говорящих (ср. ассоциативные ряды Соссюра, парадигматику Ельмслева).

Его можно называть также **статическим** порядком, так как эти элементы объединяются в категории, как они существуют вне фразы. Категории инертны, пассивны, статичны, лишены жизни и движения (ср. 25, 2 и 26, 3).

В приведенном выше примере слова могут рассматриваться как представители категорий с общим категориальным значением (**Alfred, Bernard**— не только имена конкретных лиц, но вместе с тем слова со значением лица вообще, то есть существительные; **frappe** можно рассмотреть как название действия вообще, т. е. как глагол).

Категории изучаются в **категориальном синтаксисе** (см. ниже).

3. Структурный план или порядок. Во фразе слова связываются друг с другом. **Понятие связи** (connection) — **база структурального синтаксиса** (ср. 1, 11). Связь устанавливает отношение зависимости между двумя терминами: управляющим и подчиненным (2, 1—2). Объектом изучения **структурального синтаксиса** (см. ниже), в отличие от синтаксиса категориального, является фраза (1, 1), точнее, структура фразы, образуемая иерархией слов (или ядер, см. ниже) и их связей (ср. 2, 6).

Структурный план — это план лингвистического выражения связной мысли (ср. 20, 5). Его можно охарактеризовать также как структурный **порядок**, то есть порядок, в соответствии с которым слова во фразе вступают в связи, образуют иерархию.

В структуральном синтаксисе связи рассматриваются, очевидно, уже не с точки зрения их конкретной семантики, а с точки зрения общего синтаксического содержания. Это связи слов не как семантических единиц, а как единиц категориального плана (как „частей речи“; ср. сказанное выше о „классах слов“ в системе Фриза).

Структурный порядок является также **динамическим** — в противоположность статическому, ибо разрозненные элементы объединяются здесь для выражения мысли, образуют фразу. В инертную массу слов вводится жизнь, движение, динамическое начало (26, 4).

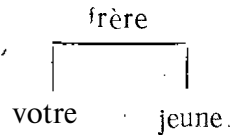
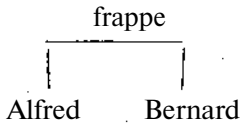
Это, наконец, также **функциональный** порядок — в противоположность категориальному, ибо во фразе, в связях слова начинают играть какую-то роль, выполнять какую-то функцию (выступают как „члены предложения“).

В нашей фразе Alfred является с этой точки зрения субъектом, Bernard объектом, а Garre имеет связующую функцию (19, 5), образует глагольный узел, лежащий в центре фразы. В группе votre jeune frère „ваш юный брат“ votre и jeune являются определениями, frère имеет связующую функцию.

Наглядное графическое изображение структуры фразы

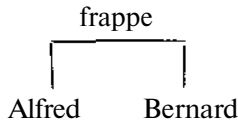
или группы („узла" -- см. ниже) Теньер называет **стеммой** (гл. 2).

Управляющий термин помещается в верхней части стеммы, а подчиненные — в нижней; связи (connexions) обозначены линиями. Ср.:

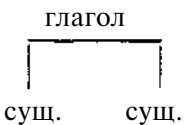


Стемму каждой фразы или группы можно составить с разных точек зрения:

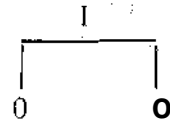
1) семантического плана:



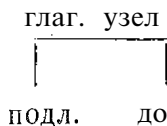
2) категориального плана:



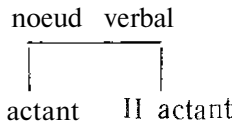
или, пользуясь символами Теньера*:



3) Функционального плана:



или в терминах Теньера (см. ниже):



Первая стемма изображает данную фразу как речевую единицу (с конкретным лексическим материалом), две другие представляют ее только с точки зрения языковой структуры, фиксируют лишь общую схему, под которую подводимо неограниченное число конкретных фраз (напр., обратные по смыслу фразы: Alfred caresse Bernard, Bernard frappe Alfred). Теньер говорит в связи с этим о различии

* Символы классов слов у Теньера: 0= существительное, I=глагол, A=прилагательное, E=наречие; j=jonctif, t=translatif (о последних терминах см. ниже).

„реальной“ и „виртуальной“ фразы (гл. 33); последняя и есть „структурная“ фраза. Метод стемматического анализа и символической репрезентации, вскрывающий за многообразием конкретных фраз их глубинную структурную идентичность, имеет фундаментальное значение в структуральном синтаксисе и в педагогике при обучении языкам (33, 19-20).

Четкое разграничение категориального и структурного планов— важная особенность концепции Теньера. У Фриза, например, этой четкости нет (его термин „структурное значение“ относится как к собственно структурной сфере так и к категориям).

Категориальный и структурный планы в целом образуют **внутреннюю форму языка** — предмет синтаксиса, в противоположность внешней форме, которая изучается в морфологии. В одном месте замечено, что во внутреннюю форму включается также семантический план (15, 3); это явно противоречит пониманию самого Теньера, много раз говорящего о семантике как о сфере не формы, а именно языкового содержания.

4. **Линейный план или порядок**— порядок, по которому слова выстраиваются в ряд на речевой цепи (5, 8). В отличие от структурно-функционального порядка, имеющего, как правило, общие черты во всех языках, здесь, так же, как в сфере частных грамматических категорий и внешних форм, языки существенно отличаются друг от друга. На основе этого различия Теньер разработал оригинальную классификацию языков⁵.

Цель синтаксиса заключается в том, чтобы обнаружить за одномерностью линейного порядка синтаксическую перспективу: структуру фразы, ее архитектонику, внутреннюю форму, передаваемую стеммой; за речевой данностью фразы нужно уловить ее тип, за последовательностью слов— их иерархические связи.

Линейный план Теньера— единственная область, реальность которой допускает Микуш (см. выше); у Соссюра это— план речевых синтагматических отношений.

5. Внешняя форма: сфера морфологического обозначения категорий и функций — предмет изучения морфологии (15, 5). Сюда же должен быть, по-видимому, включен звуковой ряд — сфера материального воплощения смысла.

В традиционной лингвистике языковые планы нередко изучались изолированно друг от друга, поэтому не постигались с достаточной адекватностью ни природа каждого из них, ни языковое целое. С другой стороны, абстрактная глоссематическая модель языка отображает существование только двух планов, причем эти планы неправоммерно рассматриваются как параллельные. Напротив, Теньер стремится выявить конкретное многообразие языковых уровней, рассматривает последние в их реальной иерархии, в перспективе.

Теньер противопоставляет структурный порядок категориальному с одной стороны, линейному — с другой, отграничивает его как от парадигматики, так и от синтагматики⁶. Из вышеизложенного можно было видеть, что причиной неудач при построении синтаксиса часто являлось именно смешение или даже отождествление структурно-функционального плана с линейным. Структурный порядок является **посредующим** звеном между категориальным и линейным порядками: такова, по-видимому, мысль Теньера.

Теньер строит свое изложение в основном по синтетическому принципу. Оно направлено не извне во внутрь (анализ речевой данности, переход от явления к сущности), а обратно — изнутри во вне, от сущности к явлению (смысл — категории — структура — линейный порядок — звуковая цепь). Теньер как бы становится этим на точку зрения говорящего; таким путем ярче воспроизводится в ее генезисе живая языковая деятельность, схватывается *epigēia*. Таким образом, Теньер сосредоточивает внимание не на методике анализа текста, а непосредственно на моделировании языковой системы.

б) Синтаксис и морфология. Основные понятия категориального и структурального синтаксиса

Теньер рассматривает синтаксис как науку о внутренней форме, в противоположность морфологии, изучающей внешнюю форму— формальные показатели (способы связи или выражения, по терминологии Э. Сепира— грамматические „процессы“), которые он называет „морфологическими отмечающими“ (*marquants morphologiques*). Во внутреннюю форму включаются, как отмечено выше, категориальный и структурный порядки; соответственно, синтаксис делится на: **1) категориальный (статический)**, изучающий категории (виды слов, классифицируемые по их категориальному значению, то есть части речи с присущими им частными категориями— род, число и т. д.), **2) структуральный (динамический, функциональный)**, изучающий структуру фразы, функционирование в ней слов того или иного класса.

К синтаксису относится все грамматически значимое, к морфологии— формальное. От близких делений (например, Есперсена) теньеровское отличается тем, что здесь внутри синтаксиса различаются две дисциплины. В категориальный синтаксис включается все, что имеет отношение к грамматическому содержанию данного слова, независимо от того, выражено это синтетически или аналитически (так, категория степени определенности существительного, хотя обозначается во французском особым словом-артиклем,— должна быть рассмотрена с этой точки зрения в категориальном синтаксисе, в разделе существительных) В структуральный синтаксис входит все, имеющее отношение к грамматическому содержанию связи слов, фразы в целом (например, падежные отношения, даже когда они выражены синтетически).

Синтаксис в понимании Теньера автономен, независим от морфологии (15, 6), первичен по отношению к ней. Синтаксис предшествует морфологии (16, 4). Морфологические показатели, конечно, используются при построении

синтаксиса, но именно синтаксическое— категории и функции— служит базой описания и классификации.

Каждое явление рассматривается сначала с синтаксической, затем с морфологической точки зрения. От категории к ее обозначению (род—его показатели, синтетические или аналитические: суффикс, артикль), от функций к ее обозначению (дополнение— падежные окончания, предлоги и т. д.) — таков путь описания, адекватно отражающий природу грамматических явлений.

Этот путь избирает в своих „Элементах“ Теньер⁸.

Теньер считает необходимым изложение синтаксиса до и независимо от морфологии также по другой причине. Идя при описании от формальных показателей к категориям и функциям, от внешнего к внутреннему, невозможно охватить все факты, всю систему синтаксиса; описание остается неизбежно фрагментарным. Дело в том, что далеко не всегда синтаксические явления морфологически обозначены, не всегда факты внутренней формы отражены внешней формой (ср. *verr, vidi, vici*— необозначенное сочинение; *Tour Eiffel*— необозначенное подчинение). При морфологическом подходе подобные явления не могут быть охвачены; между тем, их распространенность в языках неоспорима⁹.

Поэтому во всех тех случаях, когда нет внешних знаков, необходимо обращаться прямо к внутренней форме, прибегать, по термину Теньера, к интроспективному методу (см. гл. 18), как бы ставя себя на место слушателя, стремящегося понять чужую речь (ср. 1, 10). Синтаксическое описание, опирающееся на внешние формальные критерии, является, по мнению Теньера, невозможным в силу специфики синтаксиса, его отличия от фонологического и морфологического аспектов языка.

Категориальный синтаксис устанавливает прежде всего виды слов. Слова делятся на полные, выражающие „идеи“, и пустые, не выражающие таковых (23, 2—3). Есть два вида полных слов: 1) **частные** (*particuliers*), имеющие одновременно семантическое и категориальное содержание, то есть обозначающие и конкретную идею, и общую категорию (например, в слове *cheval* выражена и идея „коня“,

и категория предмета (31, 4); 2) **общие**, выражающие только общую категорию, имеющие категориальное, но не семантическое содержание (quelque chose: здесь выражена категория предмета, и только: ср. 31, 5).

Таким образом, „общие слова“ — это, в основном, традиционные **местоимения**. Они не составляют, по Теньеру, отдельного класса слов, а образуют особые группы внутри классов полных слов. Действительно, „местоимения“ типа „кто“, „что“ и т. п. на деле суть существительные по преимуществу — носители значения предметности без конкретизации, в чистой форме. То же следует сказать о других местоименных существительных, а также о местоименных прилагательных и др. В силу этого общие местоименные слова выступают во фразе в тех же функциях, что и соответствующие виды полных слов; именно поэтому при позиционно-функциональном анализе (Фриз, Фрэнсис и др.) местоимения также не выделяются в особый класс.

Полные слова, в соответствии с их категориальным содержанием, делятся на 4 вида: существительные, глаголы, прилагательные, наречия (гл. 32, а также 34--37). Эти 4 вида полных слов являются в представлении Теньера как бы разнокачественными атомами, комбинации которых создают разнокачественные молекулы — синтаксические структуры. Весь структуральный синтаксис зиждется на различии этих категорий и был бы невозможен без их предварительного установления.

В классификации **пустых** слов Теньер резко расходится с грамматической традицией. В зависимости от функционального содержания, пустые слова он делит на два типа: юнктивы (jonctifs) и транслятивы. Первые являются морфологическим знаком **юнкции** (jonction), то есть сочинительной связи, и соответствуют традиционным сочинительным союзам; их функция состоит в количественной модификации структуры фразы (увеличение количества ее терминов). Возможна юнкция без юнктива (бессоюзное сочинение: *veni, vidi, vici*). Вторые представляют морфологический знак **трансляции**, то есть преобразования категории полного слова (подробно о трансляции см. ниже). Транслятивы включают все традиционные виды пустых слов за исклю-

чением сочинительных союзов (юнктивов); их функция заключается в качественной модификации структуры фразы (изменение категории терминов без количественных преобразований)

Транслятивом является, например, предлог. В *le livre de Pierre* предлог *de* служит для преобразования существительного *Pierre* в прилагательное; в *aller à Paris* предлог *à* превращает существительное *Paris* в наречие места¹⁰; в *Alfred donne le livre à Charles* тот же предлог, не изменяя категорию (*Charles* остается существительным), меняет функцию (обозначает косвенное дополнение: явление „функциональной трансляции“, см. гл. 172). Артикль служит для перевода в существительное других классов слов; подчинительные союзы и относительные местоимения переводят в какую-либо категорию целые фразы и т. д.

Транслятивами являются не только автономные пустые слова, но и агглютинированные частицы: аффиксы (так, в *chanteur* суффикс *-eur* превращает глагол *chanter* в существительное-имя деятеля) и флексии (ср. падежные окончания в русском языке, соответствующие французским предлогам): см. 176, 10—11.

С другой стороны, возможна трансляция без транслятива (*Tour Eiffel*: существительное *Eiffel* стало здесь прилагательным без морфологического обозначения).

К транслятивам примыкают показатели, индексы (*indices*) которые не преобразуют, а только указывают категорию полного слова. Их отграничение от транслятивов весьма трудно (напр. артикль *le* является показателем в *le livre* > но транслятивом в *le bleu* „голубое“)¹¹.

Изменение категории слова влечет за собой, естественно, изменение его функций (115, 7).

В **структуральном синтаксисе** Теньера важнейшими являются понятия ядра, узла и фразы.

Ядро (*nucléus*)— элементарное синтаксическое единство, основной материал структурного костяка фразы, ее конститутивная ячейка (22, 14).

Теньеровская характеристика ядра несколько неясна. Однако несомненно одно: понятие ядра не упраздняет понятия слова как элементарной единицы синтаксиса, а вводит

в него необходимую коррективу. А именно, ядро у Теньера — это то же (полное) слово, но слово **грамматически оформленное**, категория которого уже определена и которое поэтому готово к функционированию во фразе.

Определение категории может происходить в самом же слове: так, слова Alfred, Bernard сами по себе определены как существительные, frappe — как глагол. В этом и только в этом случае понятия слова и ядра совпадают. Во фразе Alfred frappe Bernard есть три слова, каждое из которых образует отдельное ядро.

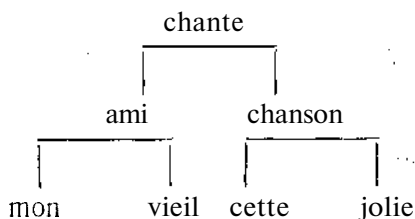
Однако категория полного слова может определяться вне его, с помощью пустых слов: показателей, транслятивов (le livre d'Alfred: le оформляет слово livre как существительное; de переводит существительное Alfred в категорию прилагательных). В этом случае ядро образуется из соединения полного слова, имеющего семантическое содержание (livre, Alfred), и пустого слова, определяющего или изменяющего категорию полного слова (le, de). Ядро, в котором семантическая и грамматическая нагрузка распределены между разными словами, называется у Теньера **диссоциированным** (гл. 24). Диссоциированное ядро — сцепление слов, функционирующее как неделимая синтаксическая единица, как „аналитическая форма“.

В отличие от ядра, слово является, по мнению Теньера, единицей не структурного или категориального, а линейного плана; оно представляет лишь сегмент фразы (10, 3), никогда не изолировано четко от соседних слов (10, 6). Это понятие неопределенное и неопределимое, границы которого варьируют в зависимости от окружения, почему и дефиниция слова как лингвистической единицы является столь трудной (10, 1). Согласно Теньеру, понятие ядра дает синтаксису более прочную базу, чем относительное, расплывчатое понятие слова. Понятие слова трудно схватить именно потому, что у него нет синтаксической реальности (23, 18), присущей понятию ядра¹².

Узел (poecid) — целое, образованное управляющим термином (ядром) и его подчиненными, которые он связывает (poce) в единый пучок (3,3). Во фразе узлы образуют

иерархию (3,5), во главе которой стоит узел узлов, находящийся в центре фразы, совпадающей с фразой (3, 6).

Ср. фразу: *mon vieil ami chante cette jolie chanson*; ее стемма такова:



Здесь два субстантивных узла (*mon vieil ami*; *cette jolie chanson*), один вербальный, образуемый глаголом *chante* и совпадающий с фразой в целом.

Узел у Теньера — замкнутый синтаксический мирок. Изменение функции управляющего слова не влечет за собой каких-либо изменений в функции подчиненных слов (ср. 3,4). Ср. фразы: „Мой старый друг поет песню” и „Песня очаровывает моего старого друга”: в первой из фраз существительное „друг” является подлежащим, во второй дополнением, но образованный им узел („мой старый друг”) структурно не изменяется; относящиеся к существительному прилагательные („мой”, „старый”) сохраняют определительную функцию.

Узлы образуются полными словами. В зависимости от категории полного слова, находящегося в центре, имеем узлы вербальные (*Alfred frappe Bernard*), субстантивные (*six forts chevaux* „шесть сильных коней”), адъективные (*extrêmement jeune* „крайне юный”), адвербиальные (*relativement vite* „относительно быстро”): см. 47, 1—5.

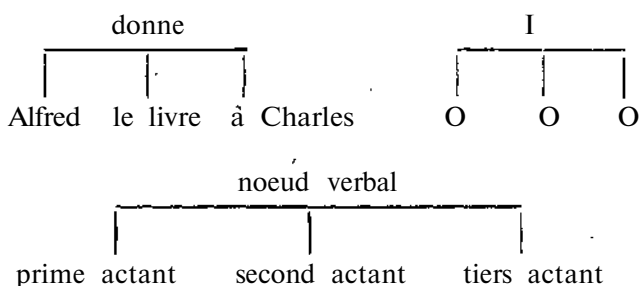
Каждый тип узла может образовать центр фразы; соответственно, различаются четыре типа фраз (47,7—12). Если есть во фразе глагольный узел, то в центре фразы находится именно он.

Описание структурных типов фраз сводится фактически, с этой точки зрения, к описанию структуры узлов 4 типов» которому посвящена значительная часть книги Теньера.

Глагольный узел (см. гл. 48 и след.) состоит из глагола, находящегося в центре, с подчиненными ему „ас-

tants“— субстантивными участниками глагольного действия. В зависимости от функции различаются 3 вида actants: первый (традиционное подлежащее), второй, третий (прямое и косвенное дополнения). Фраза: Alfred donne le livre à Charles— „Альфред дает книгу Шарлю“ имеет все эти виды actants.

Ср. стемму этой фразы:



Подлежащее по Теньеру подчинено глаголу. Логически подлежащее является выражением субъекта как члена суждения и находится на том же уровне, что сказуемое, обозначающее предикат. Но если подходить с лингвистической точки зрения, то „ни в одном языке ни один собственно лингвистический факт не дает основания для противопоставления субъекта предикату“ (49,6), то есть для рассмотрения субъекта как „главного члена предложения“— в отличие от объекта. **Структурно** подлежащее подчинено глагольному центру так же, как и дополнение. Это свое положение Теньер обосновывает множеством аргументов, в том числе взаимозаменяемостью субъекта и объекта при переводе активной конструкции в пассивную (гл. 49). Потому он и объединяет их под общим весьма выразительным термином „actants“— „деятели, участники действия“¹³.

Далее Теньер переходит к морфологии actants: к описанию способов обозначения подлежащего и дополнения в разных языках (падежи, предлоги, расположение слов).

Эта последовательность в изложении соблюдается и далее— при изучении других явлений.

Субстантивный узел (гл. 63 и след.). Подчиненное существительному прилагательное— **определение** (épithète). В группе *voire jeune frère* определениями являются слова

vous и jeune. **Приложение** (apposition) представляет, напротив, „connexion horizontale”— горизонтальную связь существительного, то есть не подчинено ему, а как бы его повторяет; ср. Atticus, orateur célèbre („Аттик, знаменитый оратор“):

Atticus _____ orateur
 |
 célèbre

Обстоятельство (circonstant) может входить в состав глагольного узла, а также является единственным возможным подчиненным членом адъективного (гл. 74) и адverbиального (гл. 76) узлов.

Остановиться подробнее на теньеровской теории фразы нет возможности; отметим лишь, что в системе Теньера категории и функции (традиционные части речи и члены предложения) однозначно соответствуют друг другу.

Категория	Функция
существительное	= actant
прилагательное	= épithète
наречие	= circonstant

Кроме того, каждый из этих трех видов слов, а также глагол могут выполнять функцию центра узла— связующую.

В случае, если необходимо употребить какое-либо слово в чуждой ему функции, изменяют его категорию, то есть прибегают к трансляции¹⁴.

При продуктивной, живой трансляции изменяются верхние стемматические связи слова, то есть его функции в узле и фразе, но не нижние, где слово сохраняет начальную категорию. Так, в le livre de petit Pierre— „книга маленького Петра”, слово Pierre преобразовано в прилагательное, функционирующее в качестве определения к существительному le livre. Однако это преобразование остановилось на полпути, ибо то же слово в свою очередь имеет при себе прилагательное- определение petit— осо-

бенность, присущая существительным. Ср. стемму этого сочетания:

le livre.
|
de Pierre
|
petit

Таким образом, одно и то же слово в приведенном примере стало прилагательным в качестве подчиненного, но остается существительным в качестве подчиняющего элемента.

В каждом случае следует тщательно устанавливать степень „транслированное™". Так, инфинитив во французском — это глагол, преобразованный в существительное, но он еще сохраняет глагольные признаки (нижние глагольные связи, то есть способность управлять actants и circonstants). Поэтому инфинитив субстантивирован в меньшей степени, чем настоящие отглагольные существительные — имена действия, деятеля и т. д., оторванные от системы глагола, потерявшие даже нижние глагольные связи, принимающие артикль и определения (ср. *dîner bien* — „хорошо пообедать“ и *un bon dîner* — „хороший обед“).

Трансляция может совершаться лишь в данном контексте (*le livre noir et le rouge*: прил. >сущ.) или прочно войти в язык (*la capitale* из *la ville capitale*: прил. >сущ.), вплоть до забвения истоков трансляции (*translation figée*, где переход может быть установлен лишь путем этимологических изысканий). Словообразование является видом именно такой трансляции, суффиксы — окаменевшими транслятивами.

Теория трансляции позволяет объяснить как создание, так и изменение слов, вскрыть многие процессы развития языка.

Хотя лингвисты (Балли, Жюре, Курилович и другие) подчеркивали важность явления трансляции (или, по терминологии Балли, транспозиции) в механизме языка, изучали некоторые аспекты этого явления, заслуга всесторонней разработки и систематического изложения теории

трансляции принадлежит именно Теньеру (см. „Eléments...“, стр. 361—626).

Здесь была кратко изложена лишь часть идей Теньера; не были затронуты такие важные и интересные моменты, как его учение о вопросе и отрицании, о валентности, метатаксе и „раздвоении“, о природе именной части сказуемого (*attribut*), рассматриваемой как прилагательное, транслированное в глагол (с помощью связки или без нее).

Подобно Ч. Фризу, Теньер разрабатывает синтаксическую проблематику в собственном смысле слова, рассматривает вопросы описания и классификации собственно синтаксических единиц и комбинаций, по его терминологии, — **ядер** и узлов. Однако, в отличие от Фриза и других дескриптивистов, а также от европейских синтагматиков, Теньер не занимается вопросами методики анализа текста (синтагматического анализа); в центре внимания стоит у него вопрос моделирования синтаксической системы, воссоздания объективной картины синтаксического строя (впрочем, термины „модель“, „моделирование“ у Теньера не встречаются).

Хотя изложение у Теньера недостаточно формализовано по сравнению с требованиями современного структурализма, хотя в его основном труде есть неясные детали, спорные положения¹⁵, однако труд этот содержит продуманную и целостную концепцию языка в единстве и дифференцированности его планов, синтаксическую концепцию, основанную на обобщении большого количества фактов самых различных языков и в свою очередь подлежащую конкретизации на материале фактов отдельных языков. При построении своей синтаксической теории Теньер успешно синтезировал ряд плодотворных положений как лингвистики прошлого, так и современной лингвистики, почему и его концепция оказалась чуждой односторонности традиционного синтаксиса с его логицизмом, психологизмом и морфологизмом и „синтаксиса“ дескриптивистов и глоссематиков с его схематическим функционализмом.

П р и м е ч а н и я

1. L. Tesnière, *Eléments de syntaxe structurale*, P., 1959. Краткое предварительное изложение своей теории Теньер дает в работе *Esquisse d'une syntaxe structurale*, P., 1953.

2. Даже традиционный синтаксис является структуральным в той мере, в какой он рассматривает фразу с точки зрения ее структуры, а не значения или внешней формы (см. об этом Ф. Микуш, Структуральный синтаксис Л. Теньера и синтагматический структурализм, В.Я. 1960, № 5). /

3. Известно, что в наиболее синтетической форме проблемы языка разработаны в идеалистически-диалектическом плане именно Гумбольдтом; после него наблюдалось несомненное измельчание лингвистической мысли; философия языка была оттеснена на второй план, уступив место эмпирическим изысканиям. Следует отметить, что „соссюровские" антиномии, на которых зиждется структуральная лингвистика (язык и речь • состояние и эволюция и т. д.), открыты на деле Гумбольдтом, притом понимались им глубже, диалектичнее, чем Соссюром.

Теньер обращается к фундаментальным проблемам, обобщая многие достижения лингвистики в послегумбольдтовский период в применении к одной из ее областей — к структуральному синтаксису.

4. Ср. в этой связи интересную интерпретацию Теньером анафоры как особой „добавочной синтаксической связи", над которой не надстраиваются структурные связи (гл. 42—43).

5. Структурно-функциональная общность языков проявляется в тождестве стемм; ср.:



Формы, однако, различаются (ср. аналитическое построение армянского глагола в сравнении с французским и русским; наличие падежных окончаний в русском и армянском и их отсутствие во французском, где ту же роль обозначения функции существительных выполняет расположение слов). Различны и категории (род есть в русском и французском, его нет в армянском). Ср. также *un chien blanc* и *a white dog*; здесь различный линейный порядок при тождестве структуры, стеммы:



6. В данном случае синтагматические отношения понимаются в духе Ф. де Соссюра — как отношения чисто линейного характера. Однако существует и другое понимание синтагматики — как системы внутренних (структурных) отношений, аналогичной структурному порядку в системе

Л. Теньера. О необходимости различать „отношения в цепи” (линейные) и отношения терминов модели (структурные) см. С. Е. Bazell, *On the neutralisation of syntactic oppositions*, „Recherches structurales”, стр. 77. Наряду с фонетическим и морфологическим уровнями Бэйзел относит к плану выражения также порядок элементов (там же, стр. 80). Функциональные отношения, отмечает он в другой работе, „не подлежат прямому наблюдению в какой-либо данной цепи; их можно лишь дедуцировать из общей модели системы” (С. Е. Bazell, *Syntactic relations and linguistic typology*, CFS, vol. 8, 1949, стр. 11). Ч. Хоккет говорит об „эмпирической очевидности, свидетельствующей в пользу отсутствия соотносительности между грамматической организацией предложения и линейным временным порядком, в котором производятся и воспринимаются его фонемы” (Ch. Hockett, *Linguistic elements and their relations*, стр. 46). Аналогичное разграничение проводится С. К. Шаумяном, различающим линейную и метрическую дистрибуцию, причем вторая, в отличие от первой, не связана с пространственными представлениями. Линейная дистрибуция относится к ступени наблюдения (фенотипической): это дистрибуция фонемоидов, морфемоидов, синтагмоидов. Метрическая дистрибуция относится к ступени конструков (генотипической), это — дистрибуция фонем, морфем, синтагм (ср. С. К. Шаумян, *О логическом базисе лингвистической теории*, „Проблемы структурной лингвистики”, М., 1963, стр. 5—6).

Учение Ш. Балли о дистанции (см. Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, стр. 161 и след.) является блестящей конкретной иллюстрацией несоответствия внешних связей грамматических элементов на линейной оси их внутренним структурно-функциональным связям.

7. О. Есперсен, *Философия грамматики*, М., 1958, стр. 46 и след.

8. Фактически так строит свое изложение, как было отмечено выше, и Фриз. Подобным же образом отделяют морфологию от синтаксиса Дамуретт и Пишон в монументальной монографии, посвященной описанию грамматического строя французского языка (см. J. Damourette et E. Pichon, *Des mots à la pensée. Essai de grammaire française*, vol. 1, § 98).

9. Данная мысль — простая констатация существования синтаксических связей без морфемного обозначения, выражаемых и осознаваемых без непосредственного обозначения, на основе сопоставления значения соотносящихся слов, т. е. констатация существования „нулевого отмечающего” (*marquant zéro*). Из сказанного вытекает также, что с этой точки зрения приемлема вторая часть есперсеновского деления грамматики (значение — форма), но не первая (форма — значение); см. О. Есперсен, указ. раб., стр. 39—40. Даже если, идя от формы к значению, учитывать наличие необозначенных явлений, как того требует Есперсен (там же, стр. 41), этот последний путь дает немного, т. к. формы в грамматике соответствуют смысловым единицам далеко не однозначно.

10. Нужно иметь в виду, что речь идет не о семантическом, а о грамматическом (категориально-функциональном) преобразовании.

11. Учение Теньера о трансляции и индикации является дополнением и дальнейшим развитием учения Ш. Балли о транспозиции и актуализации (см. Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, стр. 87—102, 130—143). В частности, транслятивы в системе Теньера соответствуют „транспозиторам” в системе Балли, а показатели— „актуализаторам”. Балли рассматривает также явления имплицитной актуализации и транспозиции (ср. замечания Теньера о явлениях индикации и трансляции без внешнего обозначения).

С другой стороны, в интерпретации всех этих явлений у Балли и Теньера есть определенные расхождения. Балли обращает внимание прежде всего на логико-психологический аспект явлений, во всяком случае, нечетко отделяет его от аспекта грамматического; он понимает актуализацию в широком смысле, включая сюда актуализацию с помощью интонации, жестов, ситуации. Теньер выдвигает на первый план лингвистический, грамматический аспект индикации и трансляции, рассматривает языковые модели, лежащие в основе этих процессов. Его подход менее широк, но, вместе с тем, более дифференцирован и систематичен. Другое важное расхождение состоит в том, что актуализация и транспозиция в понимании Балли— процессы, **служащие для перевода из языка в речь**, тогда как Теньер изучает **языковые закономерности**, дающие основание для такого перевода. Очевидно, что эти учения не противоречат друг другу, а взаимно друг друга дополняют.

Категориально-функциональные преобразования слов изучаются также Е. Куриловичем в работе, являющейся важным вкладом в теорию этих преобразований (см.: Е. Курилович, *Деривация лексическая и деривация синтаксическая*, „Очерки по лингвистике”).

12. Характерно, что и Фриз при анализе по НС не отделяет на последней ступени пустых слов от полных, к которым они относятся, рассматривая их сцепление как неделимую синтаксическую единицу (ср. Ch. Fries, *The structure of English*, стр. 257).

13. Ср. работы Р. Галише, рассматривающего глагол как „центральный актуализирующий элемент” предложения (см. R. Galichet, *Physiologie de la langue française*, P., 1949, стр. 106), как стержень (pivot) фразы (R. Galichet, *Essai de grammaire psychologique*, P., 1947, стр. 152).

14. Возможна трансляция **простая** („Красное и черное”: здесь прилагательные „красное” и „черное” транслированы в существительные) и **многократная** (существительное „ученый” возникает в результате ряда переходов: „учить” > „ученый (человек)” > „ученый”, т. е. глагол—прилагательное—существительное). Трансляции могут подвергнуться не только ядра, но и фразы („**трансляция второй степени**”, дающая придаточные предложения; „человек, который смеется”; „который смеется” → фраза, транслированная в прилагательное-определение). Особенно подробно

Теньер говорит о видах **простой трансляции первой степени**. Эту классификацию можно было бы резюмировать следующим образом:

Субстантивация	Адъективация	Адвербиализация
прил. > сущ. (le beau)	сущ. > прил. (le train de Paris)	сущ. > нареч. (à Paris)
нареч. > сущ. (le peu)	нареч. > прил. (un homme bien)	прил. > нареч. (extrêmement)
глагол. > сущ. (инфинитив, отглагол. существит.)	глагол. > прил. (причастие)	глагол. > нареч. (деепричастие)

15. В частности, остается невыясненным важный вопрос: считает ли Теньер сопpeхиoнс (подчинительные связи, которые, по его же словам, надстраиваются над связями семантическими) содержательными, надежными тем, что Фриз называет „структурным значением“. Во всяком случае, Теньер нигде не упоминает о конкретных разновидностях сопpeхиoнс (связи определительные, дополнительные и др.), не различает даже, в отличие от глоссематиков, отношений взаимной и односторонней зависимости, не говорит о семантических оттенках транслятивов данного типа и т. д. Однако конкретное содержание синтаксических связей фактически учитывается при тщательном анализе обусловленных этими связями многообразных **функций** слов в узлах и фразах. Почти не затронуты у Теньера также проблема различий в степени взаимосвязи слов во фразе и проблема семантических ограничений в сочетаемости слов.

Ряд положений Теньера (преобладание в языке необозначенных связей, подчиненность подлежащего глагольному центру фразы, интерпретация некоторых из субстантивных форм как транслированных прилагательных или наречий и т. д.) мог бы вызвать возражения с точки зрения весьма распространенных синтаксических концепций; однако независимо от того, принимают или нет эти положения, нельзя не признать тонкости аргументации Теньера и его умения четко дифференцировать различные структурные слои языка.

Приведем характерный пример. Понимание сцепления типа d'Alfred как прилагательного вызвало критику П. Гарвина (P. Garvin, рецензия на Esquisse Теньера, „Word“, vol. 11, 1955), который считает, что здесь имеется лишь субститутивный **эквивалент** прилагательного. Однако следовало бы обратить внимание на то, что d'Alfred отличается от истинного существительного типа Alfred не только по функции, но и по грамматическому значению. Именно потому трансляцию в понимании Теньера нельзя отождествлять, как это делает Гарвин, с субституцией в системе дескриптивистов; скорее теория трансляции сближается с трансформационной грамматикой, а именно, с той ее частью, которая трактует о преобразованиях классов элементарных синтаксических единиц (см. ниже).

ЗАМЕЧАНИЯ О ТРАНСФОРМАЦИОННОМ СИНТАКСИСЕ

Возникновение трансформационной грамматики является фактом симптоматичным. Оно свидетельствует о неудовлетворенности формалистическими крайностями дескриптивизма, о повышении в американской лингвистике интереса к теоретическим проблемам языка; благодаря изысканиям трансформационистов центр внимания был перенесен от формального анализа изолированных актов речи, от более или менее атомистических исследований внешнего (фонологического-морфологического) аспекта языка на более целостные изыскания в области синтаксиса, охватывающие разные структурные слои в их единстве. Применение теории трансформаций, разработанной Н. Хомским, „показало, что морфема, в сущности, непригодна в качестве основной единицы синтаксического анализа, так как она мешает сведению всего многообразия синтаксических типов к основным моделям”¹. Таким образом, фонетико-морфологический подход к синтаксису, принципы и методы синтаксического анализа на чисто дистрибутивной основе потерпели неудачу, в чем немалая роль также трансформационной грамматики.

Метод трансформаций был введен в американской лингвистике З. Хэррисом, Н. Хомским и другими в качестве дополнения к методу НС. Трансформационные правила вступают в силу там, где правила порождения предложений по НС исчерпывают свои возможности. Трансформационный метод призван преодолеть, по мысли его создателей, некоторые существенные недостатки метода НС².

Поэтому изложение основ трансформационного синтаксиса целесообразно предварить краткой характеристикой особенностей метода НС. Выше уже говорилось о его своеобразном применении в глоссематике, где он обозначается термином „дедуктивный метод”. Здесь мы остановимся на особенностях применения метода НС в дескриптивной лингвистике.

Основные понятия и термины анализа по НС введены в дескриптивную лингвистику еще Л. Блумфилдом. Впервые именно Блумфилд говорит о составляющих, конечных

составляющих, непосредственно составляющих, разрабатывает метод анализа высказывания путем его деления на составные части. Хотя впоследствии техника анализа по НС уточнялась и совершенствовалась, однако уже у Блумфилда сильные и слабые стороны этого метода выступают весьма отчетливо.

Общая предпосылка, из которой исходит Блумфилд— это частичное сходство **лингвистических форм** в семантическом и фонетическом отношении³. Так, высказывания John ran и John fell имеют общий звуко-смысловой фрагмент: John. Это, согласно определению Блумфилда, одна и та же лингвистическая единица (в данном случае— слово-морфема John). Сравнение высказываний позволяет, таким образом, отождествлять и выделять лингвистические единицы. Исследовательским экспериментальным приемом является при этом подстановка (John ran—John fell); впоследствии этот прием получил название **субституции** (у Блумфилда последний термин употребляется в другом значении— в смысле местоименного замещения) и стал одним из важнейших в арсенале методики дескриптивизма.

Высказывание John ran состоит из двух звуко-смысловых единиц (сегментов), что доказывается возможностью замещать каждую из них другими единицами. Части высказывания суть его **составляющие** (constituents). За исключением элементарных, неразложимых высказываний, состоящих из одного корневого слова (ср. John), все прочие, более сложные высказывания разлагаются на составляющие. Так, высказывание: Poor John ran away расчленяется с помощью подстановок на следующие составляющие: 1) Poor; 2) John; 3) ran; 4) a-; 5) -way. Полученные единицы на звуко-смысловые фрагменты далее не разлагаются; это морфемы, или **конечные составляющие** (ultimate constituents). Морфемы определяются как простые лингвистические формы, не имеющие звуко-смыслового сходства с другими формами⁴.

Однако „структура составных высказываний далеко не так проста; мы не сможем понять формы языка, если будем сводить все составные формы исключительно к их конечным составляющим“. Действительно, прямо устанавли-

вая с помощью подстановок конечные составляющие как в приведенном примере (Poor John ran away), мы лишаем себя возможности понять синтаксическую структуру ЕЫ-сказывания. С целью более адекватного воспроизведения последней высказывание делится сначала на свои непосредственно составляющие (immediate constituents), которые в свою очередь также расчленяются на НС и т. д. — вплоть до обнаружения конечных составляющих: 1) Poor John ran away; 2) Poor John/ran away; 3) Poor/John; 4) ran/away; 5) a-/way⁵. „Каждая сложная форма, — пишет Блумфилд, — может быть полностью описана в терминах непосредственно составляющих форм и грамматических признаков (таксем), с помощью которых аранжируются составляющие формы“⁶.

Данная мысль весьма важна: подчеркивается, что рядоположенные на линейной оси „конечные составляющие“ элементы организуются со структурной точки зрения во все более крупные единства вплоть до высказывания, образуя структурную иерархию. Введение анализа по НС является попыткой найти объективный метод для установления этой иерархии.

Известную классификацию конструкций на экзо- и эндоцентрические Блумфилд проводит именно с учетом их реагирования на анализ по составляющим⁷. Экзоцентрические конструкции принадлежат к формальному классу, отличному от формальных классов их составляющих (характерный пример — конструкция „деятель-действие“, то есть предикативная, которая с точки зрения Блумфилда не может быть сведена ни к субъекту, ни к предикату в отдельности). Эндоцентрические конструкции в свою очередь подразделяются на две разновидности: 1) подчинительные эндоцентрические конструкции (атрибутивные), которые относятся к тому же формальному классу, что и одно из НС (например, определительная конструкция: прилагательное + существительное, которая входит как целое в тот же класс, что и главный ее член — существительное); 2) сочинительные конструкции (серийные), в которых как НС, так и конструкция в целом принадлежат к одному и тому же формальному классу. Нетрудно заметить,

что данное деление конструкций имеет много общего с приведенной выше классификацией Ельмслева. Экзоцентрические конструкции могут быть сопоставлены с „солидарностью“, эндоцентрические подчинительные — с „селекцией“, а сочинительные — с „комбинацией“⁸.

Подразделяя синтаксические конструкции на экзо- и эндоцентрические, Блумфилд попутно отмечает **иерархические ранги** субординации, которые можно обнаружить при анализе на НС (так, сочетание *very fresh milk* характеризуется наличием трех рангов: *very//fresh/milk*)⁹.

Высказывания Блумфилда по вопросам синтаксического анализа содержат определенные неясности. В частности, он не рассматривает ближайшим образом вопрос критериев разграничения НС в каждом данном случае, а также вопрос количества НС, получающихся при каждом делении. Впрочем, некоторые замечания Блумфилда позволяют думать, что он считает структуру экзоцентрических и подчинительно-эндоцентрических конструкций бинарной; об этом свидетельствует, в частности, анализ группы *this fresh milk* на два конститuenta: *fresh milk* (head, главный член), *this* (атрибутивный член). Здесь слово *this* рассмотрено как непосредственное определение не к *milk* (в таком случае конструкция понималась бы как трехчленная), а ко всей группе *fresh milk*¹⁰.

Блумфилд различает ряд функциональных единиц языка (**связанная форма** — морфема, **минимальная свободная форма** — слово, **сочетание свободных форм** — фраза, максимальная, независимая или невключенная **свободная форма** — предложение, высказывание)¹¹. По Блумфилду, морфология изучает сочетания связанных форм (морфем в слове), синтаксис — сочетания свободных форм (слов во „фразе“, то есть в словосочетании). Синтаксическая конструкция определяется как такая, в которой ни одно из НС не является связанной формой. Однако эта качественная дифференциация грамматических единиц внутренне не связывается с их членением на НС, имеющим сугубо количественный характер и в равной мере приложимым к конструкциям, образованным как связанными, так и сво-

бодными формами, в сфере как морфологии, так и синтаксиса.

Долгое время— вплоть до появления работ по трансформационному анализу— разработка синтаксиса сводилась у американских структуралистов, за некоторыми исключениями, к дальнейшему усовершенствованию приемов анализа по НС и к распределению конструкций по формальным классам, установленным Блумфилдом. Конкретные изыскания в области синтаксиса отдельных языков также часто выливались в установление рангов НС в высказываниях.

Теория анализа по НС находит свое дальнейшее развитие в работах К. Пайка, Ю. Найды, С. Питмена, особенно Р. Уэлза¹².

Р. Уэлз, тщательно исследовавший принципы и методику анализа по НС, опирается на введенное З. Хэррисом понятие **экспансии**. Согласно Уэлзу, каждое развернутое высказывание может быть рассмотрено как экспансия (расширение, распространение) высказывания более компактного, представляющего первичную модель. Так, *The king of England opened the Parliament* может рассматриваться как экспансия модели *John ran* (здесь развернутая группа подлежащего первого высказывания замещена простым подлежащим второго, группа сказуемого— простым сказуемым). Аналогичным образом можно манипулировать с составными частями высказываний: так, эндоцентрическая подчинительная конструкция трактуется как экспансия главного члена или ядра с помощью атрибута (скажем, конструкция *the king of England* рассматривается как экспансия от *the king*). Поэтому каждое высказывание следует делить на части, являющиеся экспансиями.

В работе Уэлза (а также в более ранней работе Хэрриса)¹³ используется, таким образом, разновидность дистрибутивного метода— прием экспансии, являющийся, в сущности, дальнейшим развитием приема субституции. Если при субституции обычного типа в данном окружении замещаются тождественные величины (ср. *John worked—Bill worked*), то при экспансии производятся известные структурные преобразования. При свертывании подчинительно-эндоцентрических конструкций сохраняется лишь ядро,

главный член, между тем, как атрибут (спутник) отбрасывается. При свертывании экзоцентрических конструкций сохраняются оба компонента ядра (например, подлежащее и сказуемое), сокращению подвергаются экспансии этих компонентов (например, подчиненные элементы при подлежащем и сказуемом). Как видно из примеров, экспансия вовсе не предполагает морфологического тождества, а также смежности НС на линейной оси; абстрагируясь от этих моментов, анализ по НС в той форме, в какой он предстает у Уэлза, относится непосредственно к языковой-синтаксической структуре. Хотя дихотомическое деление признается предпочтительным во всех случаях, где оно только возможно, все же для сочинительных конструкций, имеющих более двух компонентов, делается исключение. Наконец, Уэлз не считает аналитическую процедуру единственно возможной; наряду со свертыванием от экспансии к модели он допускает возможность также обратного пути — развертывания, когда к ядерным членам присоединяются атрибуты, причем предполагается, что результаты в обоих случаях будут одинаковы.

Вопрос критериев выбора НС (то есть критериев нахождения точки деления на НС, отграничения ядра от спутника, фокуса — замещаемой части высказывания — от окружения, сохраняемого неизменным) вызывал, пожалуй, наибольший интерес. С появлением каждой новой работы по методу НС количество предлагаемых критериев увеличивалось. С. Питмен довел число критериев до десяти, причем бросается в глаза их разнородность¹⁴. В частности, применяют критерии значения, делимости на слова¹⁵. Требуется также найти слабую точку в цепи¹⁶, то есть точку, где связь конститuentов представляется наименее прочной, деление — наиболее целесообразным. Естественно, что подобные критерии создают почву для весьма субъективных толкований, неприемлемых для дескриптивистов формалистического толка. Ч. Хоккет указывает на возможность использования при нахождении слабого звена некоторых данных теории информации¹⁷, а Ю. Найда считает необходимым обращаться при определении класса грамматических единиц к строю языка в целом¹⁸.

Хотя анализ по НС явился попыткой формализовать традиционные синтаксические методы¹⁹, однако эта формализация оказалась недостаточно последовательной. Анализ по НС обладает существенными ограничениями, делающими его недостаточным для адекватного описания синтаксического строя, ограничениями, которые не могли быть устранены попытками его усовершенствования.

Некоторые из недостатков анализа по НС, обусловленные его применением к конкретным речевым образованиям (трудность анализа при наличии несмежных—*discontinuous*—конституентов, множества—*multiple*—конституентов, одновременных, то есть наслаивающихся друг на друга—*simultaneous*—конституентов, двусмысленных—*ambiguous*—конструкций), оказалось возможным в той или иной мере преодолеть. С этой целью прибегали к использованию дополнительных приемов (субституция, экспансия), к введению дополнительных критериев членения; в результате оказалось возможным направить анализ, вместо конкретных линейно-речевых манифестаций, непосредственно на языковую структуру данных в тексте высказываний. Однако даже в этом случае, то есть когда анализ осуществляется не в терминах конкретных слов и морфем, а классов слов, классов составляющих, он остается в зависимости от конкретного речевого материала, теряется в многообразии синтаксических структур и сам по себе не дает оснований для каких-либо обобщений²⁰. В качестве метода индуктивного, анализ по НС позволяет обнаружить уровни, единицы и отношения в данном высказывании, и только. Отсюда громоздкость этого метода, его незначительная объяснительная сила.

При сохранении аналитического метода описание может оказаться исчерпывающим и экономным, если расчленять не данные высказывания, а некую априорно постулируемую языковую структуру, которой присущи идеальная полнота (наличие всех возможных единиц и отношений, классов единиц и отношений) и простота (каждая единица, отношение и т. д. встречается лишь единожды) Но в этом случае метод анализа по НС отождествится с дедуктивно-аналитическим методом глоссематиков. Разница в подходе

у дескриптивистов и глоссематиков как раз в том, что первые оказываются не в силах преодолеть индуктивизм и ограниченность эмпирическим материалом, тогда как вторые строят дедуктивные схемы при известном пренебрежении к фактам.

Нетрудно заметить также, что метод анализа по НС не включает, в сущности, ничего специфически синтаксического. Понятие конструкции НС характеризуется полной неопределенностью: в качестве таковой могут выступить образования самые разнотипные.

Характерно, что анализ по НС в трудах дескриптивистов — черта, сближающая его с дедуктивным анализом у Ельмслева, а также с синтагматическим анализом, — в одинаковой мере приложим к фразе и ее компонентам, к слову и компонентам слова. Он применим как на синтаксическом, так и на морфологическом уровне; его можно применить даже вне сферы грамматики — на фонологическом уровне (примером может явиться „просодический“ анализ у К. Тогебю).

Анализ, осуществляемый с помощью деления речевого потока на составные части, имеет внешне-описательный, количественный характер. Это один из тех приемов, которые позволяют находить общие изоморфные черты различных структурных уровней, но не применимы для обнаружения специфических черт каждого уровня в отдельности. Действительно, анализ по НС не дает информации относительно конкретных характеристик, выявляемых при делении уровней составляющих, получаемых единиц, их классов и отношений. Такие качественно дифференцированные категории, как связанная и свободная форма, отнюдь не resultируют из анализа, а привносятся в него извне. Распределение НС по формальным классам на каждой ступени членения также производится на основе других методов.

Итак, метод анализа по НС не дает возможности дифференцированного исследования разных аспектов языка. Это вполне гармонирует с нивелирующим подходом крайне формалистического ответвления дескриптивизма к различ-

ным языковым уровням, с отрицанием специфики синтаксического уровня.

В качестве наиболее существенного, внутреннего недостатка анализа по НС, который, по-видимому, невозможно устранить никакими попытками усовершенствования, отмечали его круговой или „циркулярный" характер. Дело в том, что обнаружение составляющих данного единства путем его деления на части является процедурой иллюзорной. Деление ничего нового не способно обнаружить, ибо НС заранее интуитивно известны исследователю именно в качестве отдельных языковых единиц. Даже простейшее высказывание типа John ran можно делить определенным образом (John/ran) потому, что части уже до членения присутствуют в сознании как отдельные единицы. Фактически анализ по НС вращается в заколдованном кругу, на что указывал С. Чатмен, который справедливо отмечал, что, с одной стороны, деление на НС предполагает знание слабых звеньев в цепи — границ НС, а с другой стороны — нахождение этих слабых звеньев, их иерархии и является целью анализа по НС. По мнению Чатмена, если анализ по НС вообще имеет какую-либо ценность для установления иерархии уровней в высказываниях, то только в случае, когда формальные классы и функциональные классы морфем уже определены²¹.

Положение не меняется от того, что при делении высказывания прибегают к экспериментальным приемам: замещению (субституция), свертыванию (редукция), развертыванию (экспансия). Все это — приемы дистрибутивного анализа, на который в конечном счете опирается анализ по НС. Однако и „чисто" дистрибутивный анализ также не выводит за пределы порочного круга²², а только усложняет процедуру. Полагают, что John и ran являются в приведенном примере отдельными единицами, так как вместо John • можно подставить, скажем, BY, Jack..., а вместо ran—fell, went и т. д. Однако здесь также возникает возражение, аналогичное приведенному выше: не потому John и ran суть отдельные единицы, что их можно замещать другими, а наоборот, замещение возможно в силу того, что это — отдельные единицы.

Для того, чтобы анализ по НС явился действительно эффективным, его необходимо, по-видимому, применять с учетом значения анализируемых структур, притом проводить его лишь после того, как языковые единицы и отношения уже установлены и классифицированы. В этом случае анализ по НС действительно может помочь установлению структуры конкретных высказываний, их отнесению к тому или иному структурному типу²³.

Поскольку анализ по НС часто вступает в противоречие с интуитивной очевидностью и оказывается не в состоянии выявить структуры определенного типа, стали искать другие возможные пути синтаксического описания. Так, •3. Хэррис при установлении правил комбинации морфем прибегал не к анализу по НС, а к сопоставлению отрезков текста²⁴. В другой своей работе („От морфемы к высказыванию“) Хэррис избирает процедуру, параллельную анализу по НС, но противоположно направленную, которую можно было бы охарактеризовать как синтез по НС. „Неясно,— пишет Хэррис,— существует ли какой-либо общий метод для последовательного определения НС, когда мы начинаем от целого высказывания и переходим к частям (work down);... образование субститутивных классов представляет меньше теоретических трудностей, если мы начинаем от морфем и идем снизу вверх (work up)“²⁵. •

По мнению Хэрриса, структуру высказывания можно выявить проще и увереннее, если предварительно известны классы элементов, из которых это высказывание складывается. Подобным образом строил описание и А. Хилл²⁶, который, впрочем, был подвергнут за это резкой критике²⁷.

Однако синтетический путь описания структуры высказывания предпочтительнее не только в силу меньшей громоздкости, но и потому, что, как было отмечено выше, при анализе базируются, хотя бы подсознательно, на заранее известных фактах, между тем как синтетические процедуры действительно дают новую информацию.

Недостаток синтезирования высказывания у Хэрриса в том, что синтез понимается не как переход от синтаксического уровня к внешним слоям, а как простое присоединение морфем. Сведение синтаксического описания к

нанизыванию морфем опять-таки приводит к его неэкономности и громоздкости. Н. Хомский, подвергший методику синтеза по НС дальнейшей формализации, сделал это на основе более четкого разграничения уровней, с учетом специфики синтаксического уровня, синтаксической иерархии элементов в высказываниях.

В работах, посвященных разработке трансформационной теории и трансформационной, или порождающей (генеративной) грамматики (ТГ), Хомский последовательно рассматривает три концепции структуры языка и соответствующие им порождающие (синтетические) модели²⁸.

Простейшая из трех— модель языка с конечным числом состояний— имеет, как замечает И. И. Ревзин, следующие недостатки: 1) эта модель строится для конкретных фраз, а не для каких-нибудь структур, то есть она не допускает какие-нибудь метаобозначения; 2) эта модель исследует связи лишь между рядом стоящими словами²⁹. Модель языка с конечным числом состояний имеет в виду лишь линейное следование речи слева направо, при котором порождаются определенные цепочки символов, например, цепочки фонем. Для упрощения задачи в качестве таких символов могут быть взяты не фонемы, а готовые морфемы и слова. Тем не менее описание останется слишком сложным и громоздким и в качестве такового должно быть отвергнуто. Нужно поэтому искать какую-то более сильную грамматику.

Вторая модель— *phrase-structure grammar*, синтетический аналог анализа по НС. Формализация этой модели показала ее большую объяснительную силу по сравнению с первой моделью, но, вместе с тем, обнаружила ее органические недостатки. При анализе по НС исходят из данной фразы и разбивают ее на части; при синтезе деривационное дерево строится, исходя из языковой модели, и на ее основе порождается конкретное высказывание. Переход от глобального целого к терминальным цепочкам совершается согласно определенным правилам. Терминальные цепочки— грамматически правильные предложения данного языка.

Однако порождение по НС сталкивается с определенными трудностями. Некоторые типы конструкций, в силу

их формальной тождественности, не поддаются здесь однозначному описанию. Данная модель позволяет описать язык лишь громоздким, неизящным способом.

В качестве исправления и дополнения phrase-structure grammar Хомский выдвигает третью — трансформационную — модель. На трансформационном уровне происходит разграничение тех конструкций, которые с точки зрения грамматики НС являются тождественными, хотя и интуитивно воспринимаются как различные.

Трансформационный анализ (ТА), основанный на применении трансформационного метода (ТМ), вводится с целью устранения недостатков грамматики НС и нахождения способов более адекватного описания.

Интересно, что первым начал применять метод трансформаций Э. Хэррис³⁰ — с целью описания отрезков речи, больших, чем отдельное предложение. У него трансформации совершаются для облегчения дистрибутивного анализа при возникновении специфических затруднений. Трансформации производятся в терминах классов морфем (слов); так, трансформация: $N_1VN_2 \rightarrow N_2V\text{-en by } N_1$ соответствует, например, следующему переходу:

Casals plays the cello \rightarrow The cello is played by Casals. Трансформации могут также дать представление об ограничениях в сочетаемости морфем, ибо не все морфемы в конструкции данного типа могут быть подвергнуты данной трансформации. Хэррис прибегает к трансформации в случае, если остались какие-то отрезки текста, не идентифицируемые с помощью дистрибутивного анализа; в этом случае возникает необходимость „информации извне“, то есть выхода посредством трансформаций за пределы данного текста. При трансформации изменяется грамматическая форма конструкции, но сохраняется ее морфемный состав. Таким образом, более редкие (исключительные) формы текста сводятся к более обычным, простым, и эти последние уже подвергаются дистрибутивному анализу.

Другая работа Хэрриса³¹ посвящена в основном вопросам трансформационного анализа. Хэррис здесь показывает, что есть определенные формальные отношения предложений, позволяющие рассматривать структуру одних из них

в качестве трансформов структуры других. Отмечается, что при трансформациях значение является важнейшим фактором, так как между трансформами существует определенное семантическое отношение.

В дальнейшем теория трансформаций находит широкое применение в конкретных исследованиях, трансформации используются для решения вопроса конструкционной омонимии, для расчленения грамматического значения падежных конструкций³².

Синтаксическое ядро языка— это его костяк, совокупность элементарных конструкций, по отношению к которым все прочие (неядерные) конструкции можно рассматривать как производные. Ядерные конструкции обнаруживаются на второй ступени анализа (phrase-structure grammar); конструкции производные выявляются на собственно трансформационной ступени. Они представляют собой видоизменения, или трансформы ядерных конструкций и занимают периферийное положение сравнительно с центральными конструкциями ядра.

Н. Хомский включает в ядро активные утвердительные простые предложения, порождение которых не представляет трудностей для phrase-structure grammar. Все прочие типы предложений, при описании которых метод НС является по тем или иным причинам неадекватным (отрицание, вопрос, пассивная форма, сложные предложения и т. п.), рассматриваются как дериваты, которые можно легко описать на фоне ядра и отталкиваясь от ядра. Явления, при установлении которых грамматика НС оказывается бессильной (конструкционная омонимия, небинарные и прерывистые конструкции), однозначно идентифицируются на уровне трансформационных правил.

Наконец, в последней части ТГ— на уровне морфонологических правил— синтаксические конструкции перекодируются в терминальные цепочки морфем, морфофонем. Набор правил трех типов (НС, трансформационных и морфонологических) образует алгоритм, который необходим и достаточен, по Хомскому, для порождения всех грамматически правильных (отмеченных) предложений языка³³.

Можно спорить о том, насколько целесообразно включать в ядро именно эти, а не другие конструкции, скажем, предложения, но не словосочетания. Однако необходимость выделения какой-то центральной зоны в многообразии синтаксических построений очевидна.

Стремясь к упрощению и углублению описания по сравнению с грамматикой НС, ТГ представляет, вместе с тем, шаг вперед от констатации явлений речи (текста) к изучению единств языка (системы). Метод НС, несмотря на все попытки его усовершенствовать, все же продолжает оставаться лишь методом членения или — при синтетическом пути описания — конституирования данных в речи конкретных фраз или соответствующих структур. Напротив, при ТА исходят из определенных фразовых структур, взятых вне текста, выступающих как элементы системы языка.

Дело в том, что трансформационные приемы, в отличие от приемов анализа по НС, опираются не на речевые — синтагматические, а на языковые — **парадигматические** связи, а именно, на существующие в сознании говорящих **системные связи** между конструкциями. Парадигматические отношения являются базой, дающей возможность трансформировать одни конструкции в другие. Реальная ценность трансформационного метода определяется, на наш взгляд, именно наличием этой объективной базы (таких конструкционных оппозиций, как, скажем, утверждение-отрицание, актив — пассив и т. д.).

Хотя ТГ находится пока в процессе бурного развития, перспективы которого до конца не выяснены, тем не менее, наличные практические результаты свидетельствуют о том, что ее возникновение составило важный шаг именно в сфере методики изучения языковой иерархии конструкций, их системных связей, объяснимости друг через друга, сводимости друг к другу, выводимости друг из друга; а это и есть сфера синтаксической парадигматики³⁴. Конкретные достижения ТГ в области изучения конструкционной омонимии путем сопоставления данной конструкции с производными от нее синтаксическими эквивалентами (синонимами

ческими конструкциями) — подтверждение тому, что в арсенале лингвистики появился новый важный метод исследования.

Однако важно отметить, что этот метод **не является универсальным**. Трансформации отнюдь не могут способствовать обнаружению и первоначальному описанию синтаксических единств; скорее они представляют способ **сопоставления и сравнения конструкций, которые полагаются известными** (заранее данными исследователю)³⁵. Конструкции ядра, так же, как и конструкции-трансформы, не обнаруживаются в ходе преобразований, они заданы интуитивно, либо отыскиваются с помощью других процедур, внутренне с ТА не связанных (напр., с помощью анализа по НС)³⁶.

ТА может вступить в силу лишь после того, как существующие в языке типы Структур уже описаны. Но прежде чем сравнивать конструкции, сводить одну к другой, выводить одну из другой, необходимо установить, классифицировать и описать самые эти конструкции. Вне сферы сопоставления готовых данных ТА не применим. Понятия ядра и трансформации являются конструктивными не на первой ступени анализа — выявления существующих структур, а только на ступени, где исследуются взаимосвязи этих структур. Первейшая задача синтаксиса — нахождение конструктивных понятий, способствующих обнаружению и описанию самих структурных единств — отнюдь не решается созданием ТГ.

Впрочем, методика трансформаций в той форме, в какой она представлена в ТГ, является недостаточной даже в собственно трансформационной сфере сопоставления готовых данных.

Преже всего в ТГ при трансформациях в центре внимания находится не столько синтаксический, сколько семантико-морфологический аспект изучаемых явлений. Любая трансформация связана с допущением какой-то **семантической** соотнесенности двух конструкций, коррелирующей с соотнесенностью их морфологического состава. Это либо отношение конструкционной омонимии, либо какой-то другой случай семантической инвариантности³⁷. Очевидно, что обращение к семантическому (так же, как и к язы-

ковому) уровню придает ТГ большую теоретическую глубину („объяснительную силу“); но этот же момент заключает опасность удаления ТГ в сторону от специфически синтаксической проблематики.

Конструкции типа „лес рубят“ и „рубка леса“ могут рассматриваться как трансформы друг друга именно благодаря эквивалентности их значения. Однако семантическая эквивалентность отнюдь не предполагает здесь эквивалентности в синтаксическом отношении; синтаксически эти конструкции как раз существенно разнятся и даже противопологаются друг другу: „лес рубят“ — глагольная группа, обычно составляющая фразу; „рубка леса“ — субстантивная группа, могущая быть фразой в условиях преобладания глагольного строя только в виде исключения (как, например, в заглавии рассказа Л. Толстого).

Акцентируя смысловую соотнесенность конструкций, не обращают, однако, внимания на их синтаксическое своеобразие. Между тем, без предварительного установления синтаксической природы каждой конструкции, вместо стройной картины синтаксической системы может получиться лишь хаос трансформаций. И действительно, в ТГ трансформации совершаются зачастую на основе весьма разнородных связей: то это синонимия, как в приведенном примере, то смысловое отношение конструкций весьма специфично. В одном ряду даются самые различные преобразования: здесь можно встретить трансформации, имеющие место между разнотипными структурами — **межструктурные** (ср. „лес рубят“ > „рубка леса“); трансформации, происходящие в рамках структуры данного типа — **внутриструктурные** (например, залоговые: „его любят“ > „он любим“); наконец, трансформации **неструктурного** характера, обусловленные, в частности, применением к фразе как целому того или иного оператора модальности (ср. „это животное“ > „это животное?“, либо: „это животное“ > „это не животное“).

Если с одной стороны трансформации совершаются с учетом семантических связей, то с другой здесь имеем дело, как отмечено, с единицами, выделенными на основе **формально-морфологического** принципа. Так, ищут функциональные разновидности **формы** творительного падежа

в русском языке (Уорс)³⁸. И хотя достигнутые результаты во многом превосходят по своей точности и экспериментальной обоснованности то, что имеется в традиционной грамматике, тем не менее, общий подход к синтаксическим явлениям остается „морфологизированным“. В грамматике должна также решаться задача прямо противоположная: найти способы формального выражения данной **функциональной** категории (напр., различные способы морфологического обозначения агента пассивной конструкции).

В случае, когда трансформационные исследования совершаются без четкого предварительного установления содержания и цели синтаксиса и синтаксического (структурно-функционального) своеобразия изучаемых явлений, возникает угроза смещения уровней, семантизации, либо морфологизации синтаксиса, в конечном счете — искажения реальной картины синтаксических связей.

Характерным примером может послужить трактовка Н. Хомским понятия грамматической правильности („отмеченности“)³⁹. Так, Хомский противопоставляет предложения типа *John admires sincerity* — „Джон восхищается искренностью“ „непредложениям“ (то есть недопустимым предложениям) типа *Sincerity admires John* — „Искренность восхищается Джоном“, причем вторые рассматриваются как грамматически менее правильные, чем первые⁴⁰. Однако здесь имеет место несомненное смещение уровней: предложение *Sincerity admires John*, будучи недопустимым семантически (по конкретному лексическому значению), грамматически столь же правильно, сколь и предложение *John admires sincerity*, поскольку построено в точности по той же модели. Трансформационные ограничения также налагаются здесь не на самую модель, а на конкретные примеры: это, пользуясь терминами Х. Б. Карри, ограничения не „тектограмматического“ (структурного), а „фенограмматического“ (репрезентативного) характера⁴¹. Даже когда структурные трансформации представляются в виде конкретных примеров, следует иметь в виду прежде всего их внутренний — синтаксический аспект. Между тем, колебания при установлении „грамматичности“ или „неграмматичности“, либо степени „грамматичности“ того или иного

конкретного предложения возможны лишь на линейно-речевом уровне (на уровне репрезентации). Как справедливо замечает Х. Хиж, грамматика, производящая все предложения языка, не обязательно должна отвечать на вопрос, является ли предложением та или иная цепочка слов⁴².

Подмена анализа системных связей структур анализом их конкретных воплощений со всеми проистекающими отсюда последствиями — результат того, что ТГ не до конца преодолела свойственный дескриптивизму гипертрофированный интерес к речевым образованиям и, вместе с тем, не до конца выявила природу и возможности трансформационного подхода.

Далее, ТГ не выработала, как кажется, четкого понятия **элементарной синтаксической трансформации**, простейшей процедуры, к которой можно было бы свести всевозможные синтаксические преобразования. Сравнение примеров „лес рубят“ и „рубка леса“ показывает, что здесь имеется на деле не одно, а два преобразования. 1) „лес“ > „леса“ (сущ. > прил.), 2) „рубят“ > „рубка“ (глагол > сущ.). Данную трансформацию можно свести к более элементарному типу — к преобразованию категорий и функций отдельных слов. В других случаях аналогичное преобразование может охватить целую группу слов, комбинацию групп, даже законченную фразу, причем все эти единства претерпевают здесь видоизменения, аналогичные имеющим место с отдельными словами. Так, можно трансформировать независимое высказывание „город будет“ в придаточное предложение: „Я знаю, **город будет**“ — здесь изменяют категорию целой фразы, преобразуя ее в категориально-функциональный эквивалент существительного-дополнения.

Видимо, достаточно исследовать закономерности подобных переходов для того, чтобы охватить содержание синтаксической части ТГ, притом в более простой форме. Будучи существенно проще, чем грамматика НС, ТГ все же не достигает, очевидно, максимальной возможной простоты, притом именно в силу **отсутствия четкого понятия элементарной трансформации**.

Европейской лингвистике это последнее понятие отнюдь не чуждо. Переходы между классами слов и функциональ-

ных эквивалентов слов известны в европейском структурализме и фигурируют там под названием транспозиции, или трансляции (категориальные и функциональные преобразования синтаксических единиц)⁴³.

Теория трансляции, в наиболее развернутой форме разработанная и систематически изложенная Л. Теньером (см. выше), охватывает лишь переходы между классами слов и их эквивалентов. Однако поскольку конструкционные преобразования опираются на преобразования классов слов и, возможно, безостаточно сводятся к последним, учение о трансляции может быть использовано также при объяснении трансформаций синтаксических структур различной сложности (ср., например, анализ трансформации „рубка леса" >• „лес рубят").

В настоящее время теория трансформации не дает достаточно четких критериев для разграничения ядра и трансформов. Выбор здесь в известной степени обусловлен интуицией лингвиста. Остается, например, необъясненным, почему тип „лес рубят" имеет привилегию являться конструкцией ядра, тогда как „рубка леса" отбрасывается на периферию неядерных построений. Вопрос проясняется, когда прибегаем к понятию элементарной трансформации, или трансляции. Очевидно, что „леса" (десубстантивное • прилагательное) является производной формой от существительного „лес", „рубка" (девербальное существительное) произведено от глагола „рубят", почему и целое „рубка леса" может быть с достаточным основанием рассмотрено как трансформ от „лес рубят".

Подобно тому, как различные фразовые структуры могут быть сведены к своим составным элементам — синтаксическим группам, так же и всевозможные синтаксические трансформации сводимы к более элементарным заменам — к преобразованию категорий и функций тех или иных единиц. Любые конструкционные переходы можно объяснить исчерпывающе и экономно, если известны переходы между элементами, из которых эти конструкции образуются, то есть если изучены возможные простейшие трансформации.

Неадекватность анализа по НС, синтагматики и ТГ в значительной мере обусловлена специфическим пониманием целей синтаксического описания. Известно, что американские лингвисты концентрируют внимание прежде всего на разработке методов анализа речи; в результате из поля зрения выпадает основная цель синтаксиса: воссоздание объективной функционально-структурной картины синтаксической системы. Здесь уместно вспомнить меткую характеристику, данную А. Мартине структурализму вообще: „Для большого числа современных языковедов структуральная лингвистика практически означает анализ и описание, но вряд ли изучение различных отношений (ties), связывающих воедино все элементы данной лингвистической структуры”^{4*}.

В американском дескриптивизме, а также в некоторых ответвлениях европейского структурализма (синтагматика) налична исключительная тенденция выработать приемы описания синтетического или — чаще — аналитического характера, являющиеся аналогом процессов созидания фразы говорящим (синтез) или ее восприятия слушающим (анализ), — другими словами, аналогом определенных **речевых** процессов. Пренебрегая системными связями, лежащими в основе речевых реализаций, а также игнорируя высказывания крупнейших лингвистов (В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр) в этом плане, дескриптивисты занимаются, главным образом, именно проблематикой реализации системы в тексте (речи). Более того, язык часто сводится к потоку речи, и фиксация речевых феноменов рассматривается как основная задача исследования. Анализ по НС, в определенной степени также анализ трансформационный, несут отпечаток этого смещения уровней. Стала обычной характеристикой языка как „множества предложений”⁴⁵, то есть его фактическое отождествление с речевой данностью. Между тем, „множество предложений конечной длины” относится именно к области речи, тогда как в языковой системе не имеется **ни одного** такого предложения (за исключением „лексикализованных”), а только виртуальные элементы, из которых предложения слагаются, и простейшие структурные модели. Есть статические структуры»

сосуществующие в синхронной плоскости, соотносящиеся в силу наличия между ними определенных системных связей. И есть речевой поток, где эти структуры актуализуются, в одиночку или вступая в комбинации с помощью линейных, морфологических, фонологических правил; где, с другой стороны, эти структуры подвергаются постепенным преобразованиям диахронического порядка. Природа моделей не затрагивается случайностями употребления: говорящий мог бы идти против нормального узуса и как угодно исказить их, сами структуры и их связи пребывают однако в предданном виде. Необходимо строго отличать структурные типы, дающие возможность строить речь, от функционирования этих типов в речи. Синтаксист выявляет именно пребывающие в речевых модификациях конструкции, адекватное описание которых с помощью развертывающихся во времени аналитико-синтетических процедур-рассмотренного типа, отражающих линейный характер речевых построений, затруднительно или невозможно.

Крупнейшие европейские синтаксисты XX века— Балли, Сешез и Теньер, Дамуретт и Пишон, де Гроот и Курилович— обращали значительное внимание именно на языковые элементы и их системные связи, на воссоздание облика языкового сознания говорящих. Напротив, в изысканиях дескриптивистов непосредственное исследование системы находится на втором плане, причем последняя чаще всего отражается опосредованно, как она преломлена в речевой цели⁴⁶; ограничиваются констатацией речевых феноменов, не извлекая в должной мере содержащуюся в них информацию о языковой системе; более того, вместо интерпретации сообщения через код имеем здесь обратное: интерпретацию кода через сообщение.

Ни процедуры анализа по НС, ни трансформации с содержанием языкового сознания говорящих непосредственно не коррелируют, а представляют более или менее условные способы изложения („описания“) материала, лишь косвенно отображающие объективную природу языкового кода. Методы анализа и синтеза по НС создают иллюзию существования во фразе промежуточных (во временном смысле) звеньев— ступеней членения или конституирования фразы.

Но с языковой точки зрения фраза не представляет развертывания от частей к целому или свертывания от целого к частям, а вневременную категорию, где в синхронно-иерархической форме даны и целое, и элементы. Говорящий не создает схему фразы через сцепление НС, он просто выбирает некоторые структуры, или комбинации структур, заполняет их конкретной лексикой... Точно так же говорящий, строя фразу в пассиве, вовсе не отталкивается (хотя бы бессознательно) от активной формы, не трансформирует одну конструкцию в другую, не обращается к „derivационной истории“ конструкции. Наличие системных синхронических и диахронических связей между конструкциями — трансформами одна другой — несомненно, однако реального образования одной конструкции из другой в сознании не происходит; трансформации представляют лишь „метафорический“ способ репрезентации статических отношений между конструкциями, что отмечают сами трансформационисты⁴⁷. Это относится также к преобразованиям элементарных единиц: так, прилагательное как языковая величина (класс слов) не преобразуется в существительное но в системе языка существует некое статическое отношение, дающее **возможность** субстантивации конкретных прилагательных...

Сугубо практическая направленность американского структурализма привела к тому, что в основу его работы был положен процесс, методика описания: приемы заслонили теорию. Вместо познания синтаксической системы задачей часто становилась идентификация конструкций в речи. Это позволило дескриптивистам разработать достаточно изощренную технику наблюдения и экспериментирования над речевым потоком, что представляет само по себе весьма важное достижение — особенно для прикладного языкознания. Однако подобные наблюдения сделались из отправного пункта работы самоцелью.

Что касается ТГ, то в ней статические феномены как бы представляются в динамическом преломлении. Подлинный динамизм, действительно, присущ сфере преобразований, переводящих фразу из языка в речь (см. ниже). Эта сфера весьма обоснованно представлена в ТГ в виде

части алгоритма, регулирующего переход между языковыми уровнями (третья часть ТГ). В других системах (Ч. Фриза, Л. Теньера), где уровни языка также представлены в их иерархии, динамизм этих преобразований, их **необходимый**, закономерный характер выступает менее отчетливо.

Картина меняется, коль скоро обращаются к положению вещей **внутри** того или иного языкового (и в том числе синтаксического) уровня. Синтаксический уровень характеризуется не столько правилами и операциями, сколько системой абстрактных структурных схем и их отношений. Тем не менее, синтаксические структуры и отношения иногда оказывается практически целесообразным представить соответственно в виде набора правил **образования** (формации) и **преобразования** (трансформации).

В трансформационной грамматике статические языковые структуры и отношения рассматриваются динамически — не в актуальном состоянии, а с точки зрения их становления⁴⁸. Видимо, отчасти этим обусловлена значительная объяснительная сила трансформационного подхода к языку, сочетающего статический анализ явлений с их причинным обоснованием. Так, например, хотя синхронически активная конструкция не преобразуется в пассивную, а сосуществует с ней, тем не менее, первая из них осознается как исходная в конструкционной иерархии (ср. противопоставление Н. Трубецким немаркированных и маркированных членов фонологической оппозиции). Поэтому „сведение“ пассива к активу воспринимается как некое логико-психологическое „объяснение“ пассивной конструкции, интуитивно вполне приемлемое.

В своем стремлении „описание“ заменить „предписанием“ ТГ несколько напоминает традиционную нормативную грамматику, представляющую свод правил канонизированного узуса. Кажется, что в обоих случаях термин „правило“ следует понимать метафорически, как и термин „порождение“ в ТГ. И все же система трансформационных правил, относящихся к языковой структуре, изоморфна самой структуре; она обладает рядом преимуществ и способствует более полному освещению природы объекта, чем обычная статическая „таксономическая“ модель, в том же смысле.

в каком диахронический анализ способствует более полному освещению и лучшему пониманию данного синхронного статуса языка. Поэтому, хотя и трансформационная **грамматика** еще во многом неудовлетворительна, введенный благодаря ей в лингвистику трансформационный **метод** исследования оказывается в определенной сфере весьма эффективным. Нужно только иметь в виду принципиальную неадекватность трансформационного подхода характеру языковой системы⁴⁹, а также необходимость предварить — в случае „динамического“ подхода — трансформационную грамматику грамматикой „формационной“ — правилами конституирования структурных единиц.

В аппликативной порождающей модели, предложенной С. К. Шаумяном⁵⁰, трансформации выполняют совершенно иную функцию. Поскольку в отличие от модели НС аппликативная модель не связана с пространственными представлениями, не возникает необходимости преодолеть ее ограниченность посредством введения уровня трансформационных правил. С помощью операции аппликации могут быть порождены синтаксические структуры любой сложности без обращения к трансформациям. „В рамках аппликативной порождающей модели трансформации представляют собой не средство порождения предложений, а определенные инвариантные отношения между синтаксическими структурами, порожденными операцией аппликации“⁵¹.

Таким образом, задача адекватного воссоздания картины синтаксического строя — в виде статической модели — требует иных категорий и иного подхода, чем наличные в ТГ. Научный теоретический синтаксис нуждается также в ином понимании структуры предложения, в ее рассмотрении не с динамической (процессуальной), а со статической точки зрения — как чего-то готового, „данного“.

* * *

Выше были рассмотрены более или менее целостные синтаксические концепции, которые прямо или косвенно, позитивно или негативно представляют интерес для разработки структурального синтаксиса. Обнаружилось исключительное многообразие точек зрения в области синтаксической теории и методов анализа.

Впечатление многообразия станет еще сильнее, если включить в рассмотрение синтаксические работы, не содержащие целостных учений, если учесть конструктивные теории и отдельные идеи по вопросам синтаксиса, выдвигаемые в трудах Куриловича, Мартине, де Гроота, Бэйзела и многих других современных лингвистов. Мы не говорим уже о том, какие важные последствия может иметь для развития структурального синтаксиса разработка синтаксических проблем в математической лингвистике⁵², которая переживает процесс весьма интенсивного развития, в частности, в связи с изысканиями в области машинного перевода.

Однако с другой стороны, структурально-синтаксическим учениям присущи некоторые общие черты, а различия между ними отражают известные закономерности. Поэтому можно выделить определенный круг проблем, в разработке которых структуральный синтаксис достиг особенно большого прогресса. Вместе с тем, изложенное позволяет сделать некоторые заключения общего характера относительно тех условий, соблюдение которых необходимо для построения структурального синтаксиса.

1. В целях исследования синтаксического строя языка со структурной точки зрения необходимо, прежде всего, строгое отграничение синтаксического уровня языка, установление его специфики по сравнению с морфологическим, а также лексическим уровнями, без чего описание в синтаксисе оказывается либо вообще невозможным, либо приводит к искаженному представлению о фактах.

Первый шаг при построении синтаксиса— это точное установление его объекта и границ.

2. Необходимо заменить расплывчатые понятия традиционного синтаксиса (слово, часть речи, член предложения, словосочетание, предложение), не поддающиеся строго формальному определению, структурно (грамматически) более определенными понятиями, отражающими соответствующие синтаксические реалии и дающими возможность более адекватного описания. Вместе с тем, необходимо строже определить принципы классификации синтаксических единиц, установить их системные взаимоотношения.

- 3. Наконец, необходимо создать на основе строго очерченных понятий общесинтаксическую панхроническую модель языка, которая, строясь на данных, не противоречащих языковой интуиции, может, вместе с тем, интерпретироваться и уточняться, конкретизируясь по отношению к отдельным языкам. Такая модель, в разработке которой европейские структуралисты достигли заметных успехов, должна для полноты сочетаться с алгоритмами распознавания и порождения высказываний, подобными тем, над которыми столь плодотворно работают структуралисты американские.

Нижеследующие страницы посвящены задаче— по мере возможности способствовать дальнейшему развитию исследований в области разработки **основных понятий синтаксического описания (моделирования) языка** (см. выше, пункт 2). Условно полагая ступень наблюдения над текстуальным материалом пройденным этапом, обращаемся непосредственно к проблеме **синтаксических конструкторов**, которые было бы, по-видимому, целесообразно постулировать с целью адекватного описания синтаксического строя. Поэтому вопросы методики выделения синтаксических единиц и комбинаций здесь непосредственно не рассматриваются; в центре внимания находятся вопросы моделирования синтаксического уровня.

П р и м е ч а н и я

1. **Н. Д. Арутюнова** и **Е. С. Кубрякова**, Морфология в трудах американских дескриптивистов, „Теории языка...“, стр. 237. Напротив. 3. Хэррис пытается построить теорию трансформаций на основе дескриптивной морфологии (см. там же, примечание).

2. См. **С. К. Шаумян**, Теоретические основы трансформационной грамматики, „Новое в лингвистике“, в. 2.

3. **L. Bloomfield**, Language, стр. 159.

4. Там же, стр. 160—161.

5. Там же. Ср. **Г. Глисон**, указ. раб., стр. 190—191.

6. **L. Bloomfield**, указ. раб., стр. 167; „таксемы“, по Блумфилду, это порядок составляющих, модуляция, фонетические модификации, а также „селекция“, т. е. выбор составляющих, то, что позднее получило название дистрибуции. Нетрудно заметить, что таксемы сгруппированы у Блумфилда без определенной последовательности: наряду с морфоло-

гическими процессами (первые три таксемы) упоминается функциональная характеристика (селекция).

7. См. **L. Bloomfield**, там же, стр. 194.

8. П. Гарвин, один из тех американских лингвистов, которые стремятся использовать в своих изысканиях положения европейского структурализма, принимает классификацию отношений, разработанную Ельмслевом, вводя сюда известные модификации. Типы синтаксических отношений различаются у него по признаку „зависимости“ („селекции“ в блумфилдовском понимании) и „терпимости“ (двусторонней, односторонней и взаимной); см. **P. Garvin**, *Delimitation of syntactic units*, „Language“, vol. 30, 1954, стр. 347.

9. Ср. известную „теорию рангов“ О. Есперсена (**О. Есперсен** — указ. раб., стр. 107 и след.; ср. также **A. W. de Groot**, *Structural linguistics and syntactic laws*, „Word“, vol. 5, 1949, стр. 10).

10. **L. Bloomfield**, указ. раб., стр. 195—196.

11. Там же, *passim*.

12. **K. L. Pike**, *Taxemes and immediate constituents*, „Language“, vol. 19, 1943; **R. S. Wells**, *Immediate constituents*, „Language“, vol. 23, 1947; **E. A. Nida**, *The analysis of grammatical constituents*, „Language“ vol. 24, 1948; **S. Pittman**, *Nuclear structures in linguistics*, „Language“, vol. 24, 1948; **Ch. Hockett**, *A course in modern linguistics*, ch. 17: „Immediate constituents“.

13. **Z. S. Harris**, *From morpheme to utterance*.

14. Группировку этих критериев дает **И. И. Ревзин** (Модели языка, стр. 129).

15. Учет значения оказался необходимым, например, для правильного членения двусмысленных конструкций типа *old men and women* (в зависимости от значения возможно двоякое деление: *old/men and women*; *old men/and women*). Ср. **R. S. Wells**, указ. раб. (см. „Readings in linguistics“, стр. 193).

16. **K. L. Pike**, указ. раб., стр. 77. Пайк, как и другие представители менталистического крыла, отнюдь не отрицает важности интуиции и здравого смысла при лингвистическом анализе.

17. **Ch. Hockett**, рецензия на книгу **C. L. Shannon and W. Weaver**, *The mathematical theory of communication*, „Language“, vol. 29, 1953, стр. 87 - 88.

18. **E. A. Nida**, *The analysis of grammatical constituents*, стр. 169.

19. См. **Ю. Д. Апресян**, *Метод непосредственно составляющих и трансформационный метод в структурной лингвистике*, „Русский язык в национальной школе“, 1962, № 4, стр. 77.

20. Отмечая, что количество систем НС, возможных в каждом языке, очень велико, Уэлз считает допустимым пренебречь на практике большей частью возможностей (см. „Readings in linguistics“, стр. 193). Однако основания, по которым должны были бы производиться такие сокращения, он не уточняет.

21. **S. Chatman**, Immediate constituents and expansion analysis, стр. 378. Ср. **Э. Хагрен**, Направления в современном языкознании, стр. 261.

22. См. выше. Характерно, что некоторые американские синтаксисты обходятся без анализа по НС, а дистрибутивный анализ стремятся дополнить другими процедурами. Так, **П. Гарвин** в одной из последних работ замечает, что „чисто дистрибутивный анализ не подходит для всех интуитивно наблюдаемых синтаксических отношений” и вводит в качестве дополнения к дистрибутивному анализу анализ на основе соотношения формы и содержания (**P. L. Garvin**, A study of inductive method in syntax, „Word”, vol. 18, 1962, стр. 120).

23. Круговой характер дистрибутивного анализа, производимого в отвлечении от значения, подвергнут остроумной критике **А. Фреем**. См. **H. Frei**, Critères de délimitation, „Word”, vol. 10, 1954. Ср. также **E. Reifler**, Linguistic analysis, meaning and comparative semantics; **P. Naert**, Limites de la méthode distributionnelle, „Studia Linguistica”, 1961, № 1.

А. Функе в докладе на VII конгрессе лингвистов указывал, что такие операции, как субституция, коммутация, редукция являются операциями **семантического** характера, хотя это иногда и не осознается (Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists, London, 1956, стр. 263 и след.).

24. **Z. S. Harris**, Methods in structural linguistics.

25. **Z. S. Harris**, From morpheme to utterance, „Readings...”, стр. 150.

26. **A. Hill**, Introduction to linguistic structures, N. Y., 1958.

27. **W. Haas**, Linguistic structures, „Word”, vol. 16, 1960.

28. **Н. Хомский**, Синтаксические структуры, „Новое в лингвистике”, в. 2, стр. 422 и сл.; Три модели описания языка, „Кибернетический сборник”, в. 2, М., 1961; **N. Chomsky**, On the notion „rule of grammar”, „Structure of language and its mathematical aspects”. Ср. **R. B. Lees**, рецензия на книгу **Н. Хомского** Syntactic structures, „Language”, vol. 33, 1957; **М. Халле**, Фонологическая система русского языка, „Новое в лингвистике”, в. 2, стр. 308—310; ср. „Основные направления структурализма”, стр. 288—306.

О различии в применении трансформаций у Хэрриса и Хомского см. **Р. Б. Лиз**, Что такое трансформация? ВЯ, 1961, № 3; О переформулировании трансформационных грамматик, ВЯ, 1961, № 6, стр. 41; Лиз, как и другие адепты ТГ, показывает недостаточность метода НС для синтаксиса: деривация предложений, отмечает он, основана не только на простом развертывании НС, но и на других процессах. Анализ по НС оказывается бессильным, сталкиваясь с таким явлением, как синтаксически двусмысленные (омонимичные) конструкции (ВЯ, 1961, № 3, стр. 72—74).

Хэррис, видимо, не считает анализ по НС необходимой предварительной ступенью трансформационного анализа; по его мнению, достаточно установить путем дистрибутивного анализа структуру данного типа (представить последнюю как цепь классов морфем и их секвенций) для того, чтобы можно было подвергнуть ее дальнейшим преобразова-

ниям; деривационную историю конструкции, выясняемую с помощью анализа по НС, можно при этом игнорировать. Действительно, существуют работы по трансформационному анализу, которые были выполнены без обращения к грамматике НС (напр., работы Д. С. Уорс по трансформационному анализу падежных конструкций в русском языке). Поэтому представляется, что нет органической связи между анализом по НС и анализом трансформационным. Однако нужно вместе с тем учесть, что Хэррис в работах по теории трансформаций продолжает придерживаться своего прежнего понимания объекта синтаксиса и применяет трансформации в связи с изучением совместной встречаемости морфем и их секвенций.

29. И. И. **Ревзин**, Модели языка, стр. 122. Ср. рецензию **Б. В. Падучевой** на книгу Хомского „Синтаксические структуры“, ВЯ, 1959, № 1.

30. **Z. S. Harris**, Discourse analysis, „Language“, vol. 28, 1952.

31. **З. С. Хэррис**, Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, „Новое в лингвистике“, в. 2.

32. **Д. С. Уорс**, Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке, там же.

33. Отмечалось, что необходимо включить в ТГ в качестве четвертой части фонологические правила (**С. К. Шаумян**, Теоретические основы трансформационной грамматики, стр. 410).

С другой стороны, имея в виду специфический характер линейных („тактических“) правил—правил расположения морфемом в речевой цепи (см. выше), можно было бы выделить особо также эти последние.

34. Трансформации спорадически применялись также в синтаксисе прошлого (ср. Р. Лиз, рецензия на книгу Н. Хомского в „Language“, vol. 33, стр. 387). Их эффективность предчувствовала также практическая школьная грамматика, когда при научении обращению с более сложными конструкциями опиралась на менее сложные. Но систематически и осознанно, теоретически обоснованно этот метод начал применяться именно в ТГ.

35. Как отмечает Д. Болинджер, ТГ берет заранее идентифицированные структуры а, b, с. п и определяет этапы перехода одной структуры в другую: **D. Bolinger**, Linguistic science and linguistic engineering, „Word“, vol. 16, 1960, стр. 375.

36. Естественнее рассматривать ТА как дополнение не к анализу по НС, как это делает Хомский, а как дополнение к дистрибутивному анализу (напр., в форме, в какой последний фигурирует у Ч. Фриза). Трансформационный анализ, посредством которого устанавливаются парадигматические связи конструкций, является как бы продолжением дистрибутивного анализа, служащего для установления **синтагматических** связей. В этом смысле более приемлемо понимание З. Хэрриса (см. выше).

37. Ср. **В. В. Иванов**, Некоторые соображения о трансформационной грамматике, „Тезисы докладов на конференции по структурной

лингвистике, посвященной проблемам трансформационного метода", М., 1961.

38. См. **Д. С. Уорс**, Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке, „Новое в лингвистике", в. 2.

39. Ср. дискуссионные статьи по этому вопросу в „Word", перепечатанные в „Вопросах языкознания": **А. Хилл**, О грамматической отмеченности предложений, ВЯ, 1962, № 4; **Н. Хомский**, Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике, там же.

40. **Н. Хомский**, Синтаксические структуры, стр. 449 и 489.

41. Ср. **Н. В. Curry**, Some logical aspects of grammatical structure, „Structure of language and its mathematical aspects", стр. 65. Керри замечает, что предложение Sincerity admires John вполне грамматическое, хотя и абсурдное (там же, стр. 60). Ср. Также **А. Reichling**, Principles and methods of syntax, Cryptanalytical formalism, „Lingua", vol. 10, 1961, стр. 16. **С. К. Шаумян**, Преобразование информации в процессе познания и двухступенчатая теория структурной лингвистики, „Проблемы структурной лингвистики", М., 1962, стр. 11—12.

42. **Н. Ніž**, Goals of a grammatical analysis, „Information retrieval and machine translation", part II, 1961, стр. 8.1.

43. Ср. **R. H. Robins**, Syntactic analysis, „Archivum Linguisticum", vol. 13, 1961, fasc. 1, стр. 89.

44. **А. Martinet**, Structural linguistics, „Anthropology today", Chicago, 1953, стр. 576.

45. Ср., напр., **Н. Хомский**, Синтаксические структуры, стр. 416.

46. „Показательно, что при подобном (типичном для американской лингвистики— Э. А.) подходе к моделированию языка не остается места для всего того, что было накоплено новейшим европейским языкознанием, начиная с работ Бодуэна де Куртене и де Соссюра через пражский лингвистический кружок и вплоть до современных школ европейского структурализма" (**И. И. Ревзин**, Модели языка, стр. 162; ср. также стр. 166).

47. **Р. Б. Лиз**, О возможностях проверки лингвистических положений, ВЯ, 1962, № 4, стр. 54. Ср. также **Ch. Hockett**, Linguistic elements and their relations, „Language", vol. 37, 1961, стр. 51, **D. Bolinger**, указ раб., стр. 375.

48. В одной из своих работ **Ч. Хоккет**, сравнивая две модели грамматического описания: „единица (item)—процесс" (модель Э. Сепира) и „единица-аранжировка", отдаст предпочтение второй модели, которая ограничивается простой инвентаризацией морфем и их комбинаций, являясь таким образом чисто „дескриптивной", адекватной языковым фактам. Первая же модель прибегает к таким понятиям, как „образование" одной формы из другой, „употребление" форм языком и т. п. и поэтому имеет, по мнению Хоккета, телеологический привкус (ср. **Ch. Hockett**, Two models of grammatical description, „Word", vol. 10, 1954: „Readings in linguistics", стр. 387). Между тем, аналогичная „телеологизация" и „персонализация" языковых феноменов имеет место при транс-

формационном подходе, что было подмечено рядом лингвистов; так, М. Джуз говорит о „мистическом” характере трансформаций, о „таинственной” фазе генерации (М. Joos, Linguistic prospects in the United States, „Trends in European and American linguistics”, стр. 18).

49. **D. Bolinger**, Syntactic blends and other matters, „Language”, vol. 37, 1961, стр. 381.

50. **С. К. Шаумян**, Порождающая лингвистическая модель на базе принципа двухступенчатости, ВЯ, 1963, № 2.

51. **С. К. Шаумян и П. А. Соболева**, Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке, М., 1963. Аппликативная модель преодолевает ряд существенных недостатков ТГ. В частности, здесь учитываются не только синтагматические, но и парадигматические отношения синтаксических элементов, а именно, отношения классов слов, устанавливаемые с помощью операции аппликации, и отношения их комбинаций (комплексов), устанавливаемые с помощью трансформаций. В работе С. К. Шаумяна и П. А. Соболевой содержится исчисление трансформаций, дающее возможность исчерпывающим образом предсказать возможные структурные преобразования словосочетаний и предложений различного типа. Интерпретация модели на материале русского языка показывает, что она позволяет вскрывать многообразные отношения между конструкциями конкретных языков, в том числе такие, которые раньше ускользали от внимания исследователей. Это важное подтверждение адекватности постулатов, на которых основывается модель, и в частности, устанавливаемых в ней отношений доминанции между классами слов.

52. См. Structure of language and its mathematical aspects, Providence, 1961; **J. whatmough**, Mathematical linguistics, „Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists”; **W. Plath**, Mathematical linguistics, „Trends in the European and American linguistics, 1930—1960”. **И. И. Ревзин**, Модели языка; он же: О некоторых понятиях так называемой теоретико-множественной концепции языка, ВЯ, 1960, № 6; **М. В. Мачавариани**, О взаимоотношении математики и лингвистики, ВЯ, 1963, № 3; **О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина**, О точных методах исследования языка, М., 1961; из математико-лингвистических работ по синтаксису см., напр.: **J. Bar-Hillel**, A quasi-arithmetical notation for syntactic description, „Language”, vol. 29, 1953; **F. Harwood**, Axiomatic syntax, „Language”, vol. 31, 1955, **М. Н. Белецкий, В. М. Григорян и Д. И. Заславский**, Аксиоматическое описание порядка и управления слов в некоторых типах предложений, „Труды вычислительного центра...”, 1, Ереван, 1963.

ПОНЯТИЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И ЭЛЕМЕНТАРНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СИНТАКСИСА И МОРФОЛОГИИ

Как выяснилось из обозрения различных структурально-синтаксических учений современности, в определении предмета синтаксиса и границ, отделяющих его от морфологии, не наблюдается единодушия.

Разграничение морфологии и синтаксиса— не просто методический прием, облегчающий описание грамматического строя, и не терминологическая условность. В этом разграничении отражается, с одной стороны, понимание лингвистом структурной иерархии уровней языка, а с другой— природы основных лингвистических категорий.

Определенные направления (глоссематика, дистрибутивный формализм, частично— синтагматика) разрабатывают некоторые общие принципы и методы изоморфного описания разных уровней языка, которые могут найти применение также в синтаксическом описании. Понимание представителями этих направлений предмета синтаксиса равносильно игнорированию синтаксического уровня и синтаксической проблематики в собственном смысле слова.

В остальных рассмотренных системах на первый план действительно выдвигаются вопросы описания синтаксического строя. Так, Ч. Фриз разрабатывает методику синтаксического анализа, Л. Теньер набрасывает развернутую картину синтаксического строя, трансформационная грамматика содержит исчисление конструкционных преобразо-

ваний и алгоритм преобразования синтаксических структур в конкретные высказывания.

В трех последних системах понимание предмета и границ грамматических дисциплин в целом совпадает. Во всех случаях синтаксический уровень понимается как внутренняя форма языка (сфера грамматических значений и функций), тогда как линейный, морфологический и морфонологический уровни рассматриваются как уровни внешней репрезентации синтаксического. Во всех случаях допускается возможность и необходимость описания синтаксического уровня до и независимо от морфологического.

Данное понимание предмета и границ синтаксиса (синтаксис—наука о грамматическом значении и функции, в противоположность морфологии, объектом изучения которой считается грамматическая форма) возникло еще в прошлом веке. Этого понимания придерживался Миклошич, а еще раньше— Фр. Диц. В его основе лежит гумбольдтовская концепция членения языка, впоследствии выступающая в несколько преобразованной форме у А. Марти¹. Сходное подразделение грамматических дисциплин предложено также О. Есперсеном².

Эта концепция резко расходится с другой, более пространственной, согласно которой предметом морфологии является изучение слов, предметом синтаксиса— изучение комбинаций слов (словосочетаний, предложений)³. Так, А. Мартине относит к области морфологии изучение комбинаций знаков в пределах слова, к синтаксису— изучение комбинаций слов⁴. В первом случае основанием деления является градация уровней языка (противопоставление значимого и формального уровней), во втором— наличие в языке качественно дифференцированных категорий, прежде всего категории слова.

Одно из возражений, которое можно было бы сделать сторонникам последней концепции,— это несоответствие применяемых ими терминов обозначаемым понятиям. Действительно, термин „морфология" этимологически должен обозначать именно „учение о форме", а не учение о слове; было бы уместнее применить здесь термин „лексикология", если бы он уже не употреблялся для обозначения

дисциплины, изучающей слово не как грамматическую единицу, а как единицу словарного состава. Термин „синтаксис“, то есть „расположение в ряд“, может быть с известным основанием применен к учению о комбинациях слов; однако этот же термин в переносном смысле „упорядочения“ приложим — и, возможно, с большей точностью — к учению о грамматических значениях (категориях), поскольку последние являются своеобразными классификаторами, служащими для „упорядочения“, организации конкретных лексических единиц и комбинаций в классы. Как мы видели, есть случаи именно такой интерпретации терминов.

Применение термина „морфология“ в значении „грамматического учения о слове“ объясняется также другим обстоятельством: под „морфологией“ действительно часто понимают исключительно изучение **форм слов, их морфемного состава** (флексия, словообразование). В этом случае данный подход оказывается чрезвычайно узким и непоследовательным; остается неясным, где именно должны изучаться грамматические значения и функции слов. Здесь имеем дело с традиционной моделью, которую Ч. Хоккет характеризует как модель слово-парадигма⁵. Точно так же задачу синтаксиса часто сводят к изучению функционирования слов в словосочетаниях и предложениях, либо даже к изучению порядка слов на линейной оси, исключая из него тем самым изучение структурного значения и формы синтаксических комбинаций.

Данная концепция членения грамматики имеет и другие варианты. Так, в синтаксис включают иногда как учение о словосочетании, так и учение о предложении⁶; иногда только учение о предложении, либо только учение о словосочетании. Особенно типичным является ограничение области синтаксиса За счет морфологии; понимая морфологию весьма широко — как изучение не только форм слов, но и их грамматического значения и роли (то есть изучение слова во всех его грамматических аспектах — как части речи и члена предложения), отводят синтаксису скромное место приложения к морфологии, регистрирующего такие явления, как согласование, управление и т. п.

Расширенное понимание морфологии возникло, видимо, в области сравнительной грамматики индоевропейских языков, на древних стадиях развития которых слово являлось носителем не только морфологических, но и синтаксических значений и функций. Однако уже в применении к новым индоевропейским языкам аналитического строя этот подход не выдерживает критики, не говоря уже о „чисто“ аналитических языках типа китайского.

Некоторые лингвисты— сторонники деления грамматики по дихотомии: слово/комбинация слов— стремились к устранению непоследовательности этого подхода. И. Рис расчленяет область грамматики на учение о слове (Einzelworte), рассматривающее как значение, так и форму слова, и синтаксис, рассматривающий значение и форму комбинации слов (Wortgefüge). Тем самым дихотомия: слово/комбинация слов дополняется дихотомией: значение/форма, причем второе деление подчиняется первому делению⁷.

При данной интерпретации расчленение грамматики на учение о слове и учение о словосочетании не вызвало бы возражений, если б не одно обстоятельство, обрекающее все, даже самые продуманные деления такого рода на органическую противоречивость. Дело в том, что у категории слова нет четко очерченных грамматических границ, почему и невозможно положить эту категорию в основу дифференциации разделов грамматики.

То, что относится к грамматическим значениям, характеризующим отдельное слово, может быть выражено вне его пределов— служебными словами и другими аналитическими средствами. Например, во французском языке род, число, степень определенности существительного в подавляющем большинстве случаев обозначаются отдельным словом— артиклем. С другой стороны, то, что относится к функционированию слова в словосочетании, может обозначаться в пределах этого же слова— с помощью модификаций синтетического порядка. Так, падежные окончания обозначают не признак данного существительного как такового, а его связь с другими словами в словосочетании, его синтаксические функции.

Если морфология изучает значение и форму отдельного слова, то она неизбежно должна рассматривать также некоторые сочетания слов (а именно, сцепления полного слова с пустым — так называемые аналитические формы); между прочим, при этом исчезает необходимость специального изучения в качестве отдельных частей речи тех классов служебных слов, которые уже изучались как компоненты аналитических форм (например, артикля). Если, с другой стороны, синтаксис изучает комбинации слов, то он в определенных случаях неизбежно вторгается в сферу отдельного слова; другими словами, изучение реляционных морфем в слове, в частности, падежных окончаний, приходится отнести к синтаксису.

Благодаря всему этому на практике возникают запутанные проблемы, одни разделы дублируются, другие — вовсе отсутствуют, что само по себе уже свидетельствует о неприемлемости такого распределения материала.

Разграничение грамматики на учение о слове и учение о комбинации слов привело к таким затруднениям, что многие лингвисты, начиная с Ф. де Соссюра, объявляли это деление произвольным, иногда приписывая ему лишь эвристическую значимость⁸. Тем не менее, вопрос разграничения грамматических дисциплин продолжал представляться, видимо, столь важным, что его обсуждение стало одной из основных тем Парижского конгресса лингвистов⁹. Характерно разочарование части делегатов конгресса в общелингвистической ценности понятий морфологии и синтаксиса. Многие требуют разрабатывать морфологию и синтаксис для каждого языка в отдельности, с учетом его структурных особенностей, либо считают это деление чисто методическим, вводимым ради удобства описания. К последней точке зрения примыкает и автор монографии о „структуризации грамматики“ Льоренте Мальдонадо, обосновывающий свое понимание „неделимостью грамматического факта“, его неразложимостью на какие-либо уровни¹⁰. Однако подобные заявления основаны на известном недоразумении: ведь если единство лингвистического факта очевидно, то столь же очевидна его многоаспектность; синтетическое исследование лингвистического факта в единстве его сторон необходимо предполагает его пред-

варительное разложение, обособленное изучение каждой из сторон в отдельности.

Представляется, что не субъективная целесообразность, а самая природа грамматических явлений, многоаспектно-иерархическая природа языкового кода предполагает необходимость определенных разграничений внутри грамматики. При этом от второго из двух указанных выше разграничений (морфология: синтаксис = слово: комбинация слов) приходится отказаться ввиду грамматической неопределенности понятия слова. Более приемлемым кажется первое разграничение, отражающее дифференциацию грамматических уровней (морфология: синтаксис=форма: содержание), которое и принимается за основу в настоящей работе.

Необходимо, впрочем, сделать следующие оговорки:

1) Содержание, являющееся предметом изучения синтаксиса, следует понимать в узком смысле слова, как содержание только грамматическое, но не лексическое.

2) В свою очередь грамматическое содержание включает в себя аспекты грамматического значения и грамматической функции¹¹. В соответствии с этим синтаксис может быть подразделен на учение о грамматических значениях (ср. категориальный синтаксис в системе Л. Теньера) и учение о грамматических функциях (ср. функциональный синтаксис у Л. Теньера).

Имея в виду, что категориальный синтаксис изучает грамматически значимые единицы, а функциональный — функционирование этих единиц в синтаксических структурах (комбинациях), можем квалифицировать первый как учение **о синтаксических единицах**, второй — как **учение о синтаксических структурах**. Таким образом, разграничение грамматических дисциплин на базе дифференциации языковых категорий здесь сохраняется, хотя и подчиняется более общей дихотомии по уровням формы и содержания, дается внутри последнего уровня.

3) Синтаксическая единица в данном понимании — это не слово, а структурно более четко очерченная величина, которая может совпадать или не совпадать со словом и которую можно квалифицировать как „элементарную синтаксическую единицу“.

4) Точно так же синтаксическая структура (комбинация) здесь понимается не как словосочетание в традиционном смысле, а как величина несколько модифицированная, которую можно обозначить как „элементарную синтаксическую структуру“.

Дальнейшее уточнение понятий элементарной синтаксической единицы и элементарной синтаксической структуры поможет уяснить намеченное расчленение синтаксиса.

Такое распределение грамматического материала представляется не только удобным для его изложения, но и необходимым в случае, когда целью является адекватное постижение языковой структуры в ее целостности и расчлененности.

Дело в том, что синтаксический уровень образует наиболее глубинный, внутренний пласт грамматической иерархии, который репрезентируется прямо или косвенно всеми остальными уровнями. Так, морфологический уровень, который сам по себе также относится к языковому коду и подлежит структурному анализу в „лингвистике языка“, по отношению к синтаксическому оказывается уровнем его непосредственной репрезентации. В таком же положении, находится, очевидно, фонологический уровень по отношению к морфологическому; фонетический уровень — сфера чувственного воплощения языковых категорий — всецело относится, в отличие от предыдущих, к речевому плану.

Первичность синтаксической структуры особенно ошутима при рассмотрении **конкретных** фраз, где все синтаксические уровни выступают как последовательные уровни преобразования языкового в речевое (см. ниже). С другой стороны, к сфере репрезентации относятся также особенности расположения слов на линейной оси¹².

Не только языковые уровни в целом, но и единицы каждого уровня образуют иерархию, соответствующую иерархии самих уровней¹³. Так, звуки служат для репрезентации фонем на фонетическом уровне и являются с этой точки зрения звуковыми вариантами фонем — аллофонами; фонемы, комплексы фонем служат для репрезентации морфем и выступают в качестве их фонологических вариантов — алломорфов, причем репрезентируемые элементы мож-

но рассматривать как инварианты соответствующего уровня, репрезентирующие — как их варианты на последующем уровне¹⁴.

Вопрос **репрезентации синтаксических единиц на морфологическом уровне** довольно сложен. Тогда как элементарные единицы фонологического и морфологического уровней (соответственно, фонемы и морфемы) определяются достаточно четко, до сих пор нет общепринятой точки зрения на то, что именно следует считать элементарной синтаксической единицей и каковы способы ее репрезентации. Вопросам определения элементарной синтаксической единицы и ее репрезентации на морфологическом уровне посвящен следующий раздел настоящей работы.

Отмечалось также, что репрезентируемая единица не сводима к простой сумме единиц репрезентирующих. Например, морфема не является простой суммой репрезентирующих ее фонем; синтаксическая единица не является суммой репрезентирующих ее морфем и т. п. Ч. Хоккет — один из тех лингвистов, которые особенно настойчиво подчеркивают неверность формулировок типа: „морфема **состоит из** фонем” и т. п., поскольку целостная единица высшего уровня не может быть безостаточно разложена на единицы низшего уровня¹⁵.

Впрочем, можем отметить, что отношение типа „состоит из” также выступает в языке, но не между различными уровнями, а между единицами данного уровня, образующими комплекс, служащий для репрезентации одной единицы высшего уровня. Так, элементарная синтаксическая единица репрезентируется комплексом, состоящим из морфем (ср. лат. *don/ator/es* или франц. *à la guerre*: синтаксическая единица представлена в обоих случаях комплексом, состоящим из трех морфем). В свою очередь морфема репрезентируется комплексом („алломорфом), состоящим из фонем (напр., суффикс *-a-t-o-g* или окончание *-e-s*); фонема воплощается в „аллофоны” — звуки речи. Отношение типа „состоит из” не наблюдается, естественно, в случае, когда репрезентация осуществляется с помощью одной единицы (ср. *John!*, где синтаксическая единица репрезентирована одной морфемой).

Поскольку алломорфы представляют собой простую сумму фонем (в частном случае, одну фонему), не существует особого уровня алломорфов (морфонологического): „морфонологический“ уровень есть не что иное, как фонологический уровень, рассмотренный с точки зрения его отношения к морфологическому. Не существует также особого уровня аллофонов: это тот же уровень звуков (фонетический), рассматриваемых как репрезентация фонем. Соответственно, морфонология и аллофоника представляют разделы: первая— фонологии, вторая— фонетики.

Наконец, нет особого „морфосинтаксического“ уровня— уровня морфологических комплексов, репрезентирующих синтаксические единицы, ибо каждый такой комплекс представляет простую сумму морфем. Другими словами, морфосинтаксический уровень, это тот же морфологический уровень, рассмотренный в его репрезентативной функции, в его отношении к синтаксическому уровню. Тем не менее, морфосинтаксис— область исследования, хотя почти не разработанная, но столь же необходимая, как и морфонология. Включаясь в морфологию как один из ее разделов, морфосинтаксис должен был бы заниматься такими вопросами, как техника морфологического обозначения— аналитическая или синтетическая— синтаксических категорий и функций, модификации морфем и их сочетаний при репрезентации синтаксических отношений и т. п.

В связи со сказанным возникает вопрос возможности и относительной ценности различных описаний синтаксического строя в зависимости от своеобразия подхода, целей, которые ставит перед собой описывающий¹⁶. Само по себе существование такой возможности неоспоримо: языковые, в том числе синтаксические факты можно рассматривать с экстралингвистической— психологической, логической и т. п. точек зрения¹⁷. При лингвистическом подходе подобное рассмотрение исключается. Однако собственно лингвистическое описание синтаксического строя также допускает известное многообразие: синтаксические явления можно было бы описать с точки зрения их репрезентации на фонологическом, морфологическом уровнях, в результате чего получился бы ряд различных „грамматик“ с тождест-

венным объектом описания¹⁸. Иные из этих грамматик практически неосуществимы в силу их громоздкости¹⁹, Однако даже осуществленные, они едва ли имели бы объяснительную силу, присущую собственно синтаксическому описанию синтаксического строя. Различные лингвистические описания не существуют рядом, а образуют иерархию по степени проникновения в глубинные слои языка²⁰.

Иная картина получается при описании языка в целом, всех уровней в их специфике и объективной иерархии. **Теоретическая** ценность присуща прежде всего такому описанию, которое исходит из глубинных слоев и более поверхностные рассматривает на фоне первых. В этом случае синтаксический уровень, как глубочайший, изучается до и независимо от прочих, хотя и с максимальным возможным использованием данных морфологического уровня. Морфологические показатели рассматриваются с этой точки зрения именно как таковые—как знаки синтаксических категорий и функций, осмысливаемые и группируемые согласно их роли на синтаксическом уровне. При целостном рассмотрении языка морфология оказывается в подчинении у синтаксиса²¹. (Такой подход оказывается плодотворным также в некоторых сферах прикладного языкознания, в том числе, в лингвистической педагогике: во избежание бесплодного формализма и здесь часто имеет смысл идти от содержательных явлений к способам их внешнего выражения).

Автономное рассмотрение синтаксической структуры необходимо не только для понимания архитектоники языка в целом, но и для адекватного отображения самого синтаксического уровня. Дело в том, что синтаксические факты не находят прямого, исчерпывающего и однозначного соответствия на уровнях репрезентации, в частности,, на морфологическом уровне, дающем информацию о синтаксическом лишь *grosso modo*²². Поэтому путь, ведущий от внешних слоев к внутренним, приводит к неполному, громоздкому и искаженному отображению фактов, как и путь, ведущий от речевых феноменов к их языковой основе (см. выше).

Речь здесь идет, разумеется, об **изложении окончательных результатов исследования**. Однако совершенно иным может быть **ход** исследования, приводящий к этим результатам²³. Способ обнаружения внутренних слоев структурной иерархии языка— это анализ данных более поверхностных слоев; но раз такой анализ проведен, возможно описание внутренних уровней „в себе“, исследование синтетического характера, направленное от внутреннего к внешнему (ср. систему Л. Теньера и трансформационную грамматику, синтетический подход которой как бы продолжает и дополняет аналитические процедуры дескриптивистов). Впрочем, какое-то интуитивное представление об элементах и отношениях, характеризующих более глубокие и абстрактные уровни, представляется необходимым уже при анализе внешних данных (так **лингвистический** анализ фонетического уровня уже предполагает фонемы и их различительные признаки, более или менее эксплицитно постулируемые в качестве конструкторов; фонологический анализ, в свою очередь, основан на учете дифференциального значения фонем— их различительной функции в составе морфем; лингвистический анализ речевых отрезков связан с привнесением конструкторов языкового порядка и т. д.).

Возможность такого описания допускается в настоящее время также в американской лингвистике, где все громче звучат голоса противников дескриптивного формализма. Так, по мнению Х. Б. Карри, грамматическая структура— это „нечто независимое от способа, которым она репрезентируется в терминах выражения“; „возможно изучение грамматической структуры как таковой...“²⁴. Это положение вполне относимо в том числе к изучению синтаксической структуры.

Исходя из вышесказанного, можно признать целесообразной следующую схему построения грамматики: 1) синтаксис элементарных единиц, включающий описание классов элементарных единиц и их системных взаимоотношений (взаимопереходов); 2) синтаксис элементарных структур, включающий описание классов этих структур, их системных взаимоотношений (взаимопереходов); 3) алгоритм

преобразования синтаксических структур в конкретные высказывания; в этот раздел включается, между прочим, учение о модальности и актуальном членении предложения; 4) морфология— рассмотрение возможных в языках морфологических показателей²⁵.

При изучении грамматического строя отдельных языков кажется более целесообразным изложение морфологического материала попутно с синтаксическим— группировка элементов морфологической техники (derivационных и реляционных) соответственно обозначаемым ими категориям и функциям, т. е. с „морфосинтаксической“ точки зрения..

П р и м е ч а н и я

1. См. А. Llorente Maldonado de Guerava, *Morfologia y sintaxis*, Grenada, 1955, стр. 77—78.

2. О. Есперсен делит грамматику на две части: синтаксис, переходящий от значения единиц к их внешнему оформлению, и морфологию, переходящую от формы к значению (см. О. Есперсен, указ. раб., стр. 39—48). Как отмечалось выше, описание, исходящее из внешней формы („морфология“ в есперсеновском понимании) обладает незначительной эффективностью.

3. Убежденным приверженцем такого членения грамматики был В. Брэндаль (ср. V. Brøndal, *Système de grammaire*, „Essais de linguistique générale“, стр. 6; *L'autonomie de la syntaxe*, там же, стр. 8). Данного членения придерживается обычно также нормативно-практическая грамматика. В значительно модифицированном виде это же понимание выступает у С. Ульмана, который считает целесообразным разделить лингвистики лишь на три дисциплины: фонологию, лексикологию и синтаксис, изучающие соответственно фонемы, слова и синтагмы, т. е. основные, по его мнению, языковые единицы (S. de Ullmann, *Language and meaning*, „Word“, vol. 2, 1946, стр. 117).

4. Actes du Sixième Congrès International des Linguistes, P., 1949, стр. 23, 292.

Такова же точка зрения некоторых дескриптивистов. Например, согласно Хоккету, „морфология включает инвентарь сегментных морфем и способы, с помощью которых из них образуются слова. Синтаксис включает способы, с помощью которых слова и суперсегментные морфемы аранжируются относительно друг друга в высказываниях“ (Ch. F. Hockett, *A course in modern linguistics*, стр. 177). Поэтому, например, синтетические формы типа *amatūg* должны рассматриваться, по Хоккету, в морфологии, а соответствующие аналитические (перифрастические) формы типа *amatūg est*— в синтаксисе (см. там же, стр. 212).

5. **Ch. Hockett**, Two models of grammatical description („Readings in linguistics”, стр. 386).

6. См., например, академическую „Граматику русского языка”, т. II, М., 1954.

7. **J. Ries**, Was ist Syntax? Prag, 1927.

8. **Ф. де Соссюр**, Курс общей лингвистики, стр. 130. Ср. **J. Whatmough**, Language. A modern synthesis, L., 1956, стр. 137.

9. Ср. Actes du Sixième Congrès International des Linguistes.

10. **A. Llorente Maldonado**, указ. раб., passim. Мальдонадо придерживается особого, получившего определенную популярность понимания грамматики как неделимой науки, которая изучает морфологический и синтаксический аспекты в их взаимопроникновении. Он следует в этом раннему Ельмслеу, рассматривавшему грамматику как целостную дисциплину, изучающую форму языка в синтагматическом и парадигматическом аспектах; ср. также **B. Pottier**, Systématique des éléments de relation. Etude de morphosyntaxe structurale romane, P., 1962. В подобных исследованиях по „морфосинтаксису“ морфологические и синтаксические факты изучаются совместно, что, однако, кажется мало целесообразным, т. к. приводит к смешению различных уровней, а также к известной громоздкости изложения.

11. Здесь принимается несколько условная интерпретация термина „содержание“, притом отличная от его интерпретации, например, в глоссематике.

12. Ср. С. Е. **Bazell**, On the neutralisation of syntactic oppositions, стр. 80.

13. См. **V. Hořejší**, Les plans linguistiques et la structure de l'énoncé, „Philologica Pragensia“, 1961, № 4.

Отношение языковых уровней и единиц обозначается, помимо термина „репрезентация“, употребляемого Ч. Хоккетом, Х. Б. Карри, также другими терминами: „выражение“, „реализация“ и т. д. Употребляющиеся в этом же значении термины „воплощение“, „материализация“, „манифестация“ представляются более целесообразным применять лишь для обозначения чувственной репрезентации языковых единиц на фонетическом уровне.

Репрезентация есть в таком понимании не что иное, как специфически языковой способ **кодирования**: синтаксических единиц посредством морфологических, этих последних посредством морфонологических (фонологических) и т. д. (ср. **Ch. Hockett**, A course in modern linguistics, стр. 135).

14. Ср. **Э. А. Макаев**, Понятие давления системы и иерархия языковых единиц, ВЯ, 1962, № 5. Другое понимание вариантности встречаем у С. К. Шаумяна, согласно которому инварианты и варианты не относятся к разным уровням, а различаются как основной тип и его модификации внутри данного уровня. Элементы же разных уровней, как гетерогенные, соотносятся согласно правилам корреспонденции (см. **С. К. Шаумян**, О логическом базисе лингвистической теории, „Проблемы структурной лингвистики“, 1963, стр. 5—6).

15. **Ch. Hockett**, Linguistic elements and their relations, стр. 51; A course in modern linguistics, стр. 135.

16. Ср. **В. Н. Топоров**, О введении вероятности в языкознание, ВЯ, 1959, № 6.

17. Так, в книге **F. Brunot**, La pensée et la langue (P., 1922) самые разнородные лингвистические факты сгруппированы с точки зрения логики „здорового смысла“.

18. **Ф. Хаусхолдер** замечает по этому поводу, что „грамматика предложения“ включает в себя морфологическую и фонологическую грамматики. См. **F. Householder**, On linguistic primes, „Word“, vol. 15, 1959, стр. 233.

19. См. **Н. Хомский**, Синтаксические структуры, стр. 422 и след.

20. Другой характерный пример—из сферы прикладной лингвистики. В области машинного перевода моделирование осуществляется с иной точки зрения и в иных целях, чем в теоретическом языкознании, стремящемся прежде всего к постижению существенных объективных связей; поэтому „машинное“ описание синтаксиса может во многом не совпадать с лингвистическим. „Машинный перевод... основывается главным образом на соображениях выгоды и удобства обработки языка машиной... Если произвольный подход к языковому материалу лучше служит нашим целям, мы выбираем его. Отсюда—довольно частое расхождение с традиционными понятиями лингвистики“ (**Т. Н. Моложная**, Некоторые вопросы синтаксиса в связи с машинным переводом с английского языка на русский, ВЯ, 1957, № 4, стр. 93). Создание моделей собственно лингвистического характера обычно не преследует непосредственных практических целей; такие модели не навязываются языку, напротив, их достоинства определяются степенью их адекватности внутренним языковым связям. Ср. **J. Whatmough**, Language, стр. HO.

21. Именно таково положение морфологии в системе **Л. Теньера** и в трансформационной грамматике (см. выше). В своем выступлении на Парижском конгрессе **Е. Курилович** рассматривает синтаксис как *definiens* морфологии, а **Э. Бюиссанс** характеризует ее как „главу синтаксиса“ (см. *Actes du Sixième Congrès...*, стр. 20—22, 272). **С. Ульман** подразделяет синтаксис на: а) синтаксическую семасиологию, изучающую различные типы синтагм по отношению их элементов (предикативные, атрибутивные, детерминативные синтагмы) и такие явления, как части речи, синтаксические ранги, грамматические категории, отрицание и, б) на синтаксическую морфологию—учение о средствах выражения синтагматических отношений (порядок слов, интонация, флексия, служебные слова). См. **S. de Ullmann**, указ. раб., стр. 118—121.

22. Ср. **L. Tesnière**, *Éléments...*, гл. 17 и др. **Н. Боннар** считает, что поскольку между „индексами“ (*indices*) и обозначаемыми ими „индикациями“ (семантическими и синтаксическими) нет однозначного соответствия, изучение индикаций (семантика и синтаксис) должно быть абсолютно независимым от изучения индикаторов (т. е. морфологии);

Actes du Sixième Congrès..., стр. 262—267. Е. В. Падучева отмечает, что формальное описание синтаксической структуры предложения не обязательно должно совпадать с тем, которое используется при описании семантической стороны языка: **Е. В. Падучева**, О способах представления синтаксической структуры предложения, ВЯ, 1964, № 2, стр. 99.

23. Отмеченное различие хорошо показано в статье Ф. Р. Пальмера, посвященной проблеме „лингвистической иерархии" (**F. R. Palmer**, Linguistic hierarchy, „Lingua", vol. VII). Пальмер предлагает различать процедуральный и логический приоритет уровней (стр. 228), причем последовательность анализа отнюдь не обуславливает последовательности изложения.

В этом вопросе существует исключительное разнообразие мнений; некоторые из подходов к проблеме процедуры анализа рассмотрены К. Пайком на VIII лингвистическом конгрессе: см. **К. Pike**, Interpenetration of phonology, morphology and syntax, „Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists". Во всяком случае ясно, что каков бы ни был наиболее рациональный путь анализа языкового материала, представление результатов должно быть систематическое и объяснительное, а это возможно только в случае, если соблюдается последовательность: синтаксис— морфология, а внутри синтаксиса: учение о единицах— учение о комбинациях, хотя и предварительный анализ синтаксического строя того или иного языка невозможен без обращения к морфологии, а рассмотрение единиц и их классификация (об этом речь ниже)—без обращения к их комбинациям.

24. **Н. В. Curry**, указ. раб., стр. 65—66.

25. На Парижском конгрессе подобное построение грамматики предлагали Боннар, Ларошетт и некоторые другие. Так, по мнению Ж. Ларошетта общий синтаксис должен изучать все грамматические оппозиции с точки зрения ценности, функционального содержания, общая морфология— средства, имеющиеся в языках для выражения этих оппозиций. Н. Боннар делит индикации на ряд типов: семантическую актуализацию, модальную и функциональную индикацию; синтаксис изучает два последних типа индикации (Actes du Sixième Congrès..., стр. 266—267, 287—288).

С этим связано также другое разграничение, предлагавшееся некоторыми делегатами конгресса (Бюиссанс, Хааз и др.): синтаксис характеризуется как нечто „общечеловеческое", т. е. нечто, вытекающее из самого определения понятия „язык", тогда как морфология лишена столь универсальной значимости (см. там же, стр. 121, 150 и др.).

ПОНЯТИЕ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

О разграничении элементарных синтаксических единиц. Синтаксический уровень языка характеризуется особыми типами единиц и комбинациями. Описание синтаксических единиц

кого уровня может совершаться поэтому в направлениях:

1) установления природы, классов и взаимоотношения синтаксических единиц и

2) установления природы, классов и взаимоотношения синтаксических комбинаций.

Синтаксические единицы и их комбинации соотносятся друг с другом специфическим образом. Для возникновения минимальной комбинации (**бинарной синтаксической группы**, см. ниже) необходимо наличие между комбинируемыми единицами **синтаксической связи** (отношения), которая в семантическом плане может быть интерпретирована как связь субъектная, объектная, атрибутивная или обстоятельственная. Так, минимальная комбинация „книга Петра“ возможна потому, что между ее компонентами (в данном случае полными словами „книга“, „Петра“) устанавливается атрибутивная связь. Синтаксическая комбинация *le livre de Pierre* во французском также возникает на основе атрибутивной связи, причем в качестве комбинируемых единиц здесь выступают непосредственно не полные слова (**livre, Pierre**), а аналитические сцепления, образованные сочетанием полного слова с пустым (**le livre, de Pierre**).

Если при образовании минимальной комбинации требуется наличие одного и только одного синтаксического отношения, то при образовании более сложных и объемистых комбинаций, в которых соединяется более двух синтаксических единиц, количество связующих эти единицы отношений соответственно увеличивается. Например, в группе „новая книга Петра“, где комбинируются три элемента, количество синтаксических связей (и минимальных синтаксических комбинаций) равно двум: к отмеченной связи („книга-Петра“) добавляется вторая, также атрибутивного характера („новая-книга“); то же имеет

место в комбинации „книга Петра пропала“, причем вновь возникшая связь („книга-пропала“) — субъектного характера. В еще более сложном соединении „новая книга Петра пропала“ имеем четыре единицы; количество синтаксических связей и, соответственно, минимальных синтаксических комбинаций равно трем.

Вообще при наличии числа n комбинируемых единиц количество связей единиц и, соответственно, образованных на их основе минимальных синтаксических комбинаций равно $n-1$; это соотношение имеет силу для всех подчинительных комбинаций, которые, как будет показано, и являются синтаксическими структурами в собственном смысле слова.

При изучении структурных — синтаксических комбинаций (то есть при разработке „структурального синтаксиса“ в том значении, в каком употребляет этот термин, например, Л. Теньер) связь (отношение) предстает как фундаментальная категория, некая неопределяемая величина (непосредственно данное, исходный пункт работы). Типология синтаксических комбинаций (групп) — это только выражение типологии связей. Так, группы „книга Петра“, *le livre de Pierre* могут быть охарактеризованы как атрибутивные, поскольку их компоненты находятся в атрибутивной связи. „Потерял книгу“, франц. *(il) a perdu le livre*, англ. *(he) has lost the book* суть группы объектные, ибо объектным является отношение их компонентов. Далее будет показано, что типы минимальных синтаксических комбинаций однозначно соответствуют типам синтаксических связей.

Функция соединяющихся в комбинации единиц также определяется природой данной связи. Один и тот же синтаксический элемент выполняет различные функции в зависимости от связи, в которую вступает, Существительное „Петр“ является определением в группе „книга Петра“, где имеется атрибутивная связь, дополнением — в группе „вижу Петра“, где связь объектная. Типы функций также однозначно определяются типами существующих в языке синтаксических связей.

Конкретное семантическое содержание связи комбинируемых единиц (атрибутивной, объектной и т. д.) и функционирование единиц (в качестве определения, дополнения и т. д.) в свою очередь оказываются обусловленными классом („частью речи“) этих единиц, их категориальным значением; последнее обуславливает также функцию единиц в составе комбинации. Именно категориальное значение признака дает возможность, например, прилагательному вступить в атрибутивную связь с существительным, функционировать в качестве подчиненного элемента субстантивной группы, тогда как категориальное значение субстанции позволяет существительному составить подчиняющий элемент той же группы. В более сложном образовании „сразу признал единомышленника“ различаются две минимальные комбинации („сразу признал“, „признал единомышленника“). Несмотря на общность центрального элемента комбинации („признал“), подчинительные связи, соотносящие с ним периферийные элементы, семантически разнятся: в группе „сразу признал“ связь обстоятельственная, в „признал единомышленника“— объектная; соответственно различаются и функции этих элементов: „сразу“ функционирует как обстоятельство, „единомышленника“— как прямое дополнение. Это различие объясняется тем, что в первом случае подчиненное слово является наречием, во втором— существительным.

Отсюда следует, что предварительным условием построения структурального синтаксиса является построение синтаксиса „категориального“, устанавливающего „части речи“— категории, или классы синтаксических единиц, выделяемые на основе категориального значения последних¹⁾. Точно так же, как это было отмечено при рассмотрении трансформационной грамматики, изучению конструкционных трансформаций (т. е. системных взаимоотношений синтаксических комбинаций) необходимо предпослать изучение взаимопереходов между конститутивными элементами конструкций (классами комбинируемых единиц).

Однако все это— лишь одна сторона зависимости между синтаксическими единицами и их комбинациями. Если изучение синтаксических комбинаций, их классов и взаимопере-

ходов предполагает изучение простейших синтаксических единиц, классов, переходов между ними, то с другой стороны установление категориального значения этих единиц, их классов оказывается невозможным без обращения к их функционированию в тех или иных комбинациях. Прилагательное, например,— это не только часть речи с категориальным значением признака; его можно определить также дистрибутивно— как часть речи, комбинируемую с существительным в качестве подчиненного, с наречием — в качестве подчиняющего термина, но неспособную непосредственно комбинироваться с глаголом; иначе говоря» это часть речи, вводимая в бинарные структуры (комбинации)*:



и только в них (имеется в виду, конечно, прилагательное в его первичном значении и функции). Аналогичным образом можно характеризовать и другие части речи.

Более того, именно функционирование данной части речи в той или иной структурной комбинации дает возможность рассматривать ее содержание как категориально-грамматическое, то есть имеющее значимость не в чисто логическом, а в синтаксическом плане. Категориальное значение части речи можно определить как ее синтаксическую потенцию, совокупность всех возможных для нее употреблений (позиций). Значение признака у прилагательного выступает как грамматическое потому, что оно проявляется в его функционировании (например, в качестве определения в субстантивной группе). Значение и употребление части речи взаимосвязаны; и если употребление обусловлено значением, то и это последнее, в свою очередь, определенным образом очерчивается и выступает как грамматическое именно через употребление.

Выделяясь на основе своего категориального значения, части речи являются с другой точки зрения структурно-

* Принимаем следующие обозначения: S = substantivum, V = verbum, A = adjectivum, Adv = adverbium.

функциональными, валентными, или дистрибутивными классами элементарных единиц.

Разумеется, речь идет о синтаксической валентности целых классов элементов, об их дистрибуции не в конкретном тексте, где вступают в силу многообразные ограничения сочетаемости слов, а в языковых — структурных комбинациях (группах) классов в целом.

Таким образом, даже этот предварительный экскурс в область закономерностей, характеризующих взаимоотношение синтаксических единиц и комбинаций, значения и употребления единиц, их категориального и функционального содержания показывает, что, если исследованию синтаксических комбинаций необходимо должно предшествовать изучение комбинируемых единиц, то и это последнее в определенной мере предполагает учет комбинаторных свойств этих единиц, выступающих при их функционировании в структурных образованиях.

Последнему обстоятельству придается исключительно важное значение в некоторых ответвлениях структурального синтаксиса, так что фактически изучением единиц с точки зрения их дистрибутивно-комбинаторных свойств часто исчерпывается их характеристика (ср. данный выше анализ синтаксической системы Ч. Фриза).

Сказанное позволяет констатировать наличие обоюдной зависимости между парадигматическими и синтагматическими свойствами синтаксических элементов. С одной стороны, отношения и функции элементов на синтагматической оси обусловлены их парадигматическими свойствами (классом, „частью речи“ данной единицы, ее грамматическим значением). Можно сказать, что конституирование синтаксической комбинации из единиц того или иного класса составляет дифференциальный признак этой комбинации, которым она отличается от синтаксических комбинаций других типов. Так, наличие существительного как управляющего, а прилагательного как управляемого элемента составляет диф-

ференциальный признак комбинации: $\begin{matrix} S \\ | \\ A \end{matrix}$ в отличие, ска-

жем, от комбинации: $\begin{matrix} V & & A \\ | & \text{или} & | \\ S & & Adv \end{matrix}$ и т. д.

Однако парадигматические свойства в свою очередь в определенном смысле вытекают из связей данной единицы на синтагматической оси, из ее комбинаторной потенции. Поэтому комбинаторная потенция синтаксической единицы может быть рассмотрена как ее дифференциальный признак на синтаксическом уровне, а ее категориальное значение — как дифференциальное значение данного класса. Так, для прилагательного дифференциальным признаком является его способность сочетаться с наречием в качестве управляющего, с существительным — в качестве управляемого элемента. Категориальное значение признака является дифференциальным грамматическим значением класса прилагательных².

Установив в качестве некоторых синтаксических инвариантов дифференциальные признаки синтаксических единиц и комбинаций, можно далее перейти к установлению классов синтаксических единиц по их комбинаторной потенции и классов допустимых синтаксических комбинаций (структур) по их составу.

Соотношение синтаксических единиц и комбинаций может быть освещено также с другой точки зрения. Дело в том, что сами комбинации, сочинительные и подчинительные, могут также рассматриваться в известном аспекте как целостные синтаксические единицы, наделенные самостоятельным значением и функцией.

При этом в сочинительных эндоцентрических комбинациях категориальное значение целого совпадает с категориальным значением компонентов. Так, в комбинации „бледный и больной“, рассмотренной как целостная единица, категориальное значение признака присуще не только составляющим, прилагательным („бледный“, „больной“), но и сочетанию в целом; то же можно сказать о категориальном значении процесса в „бежит и кричит“, субстанции — в „ни Петр, ни Павел“, обстоятельственности — в „быстро, но аккуратно“ и т. п. Эта особенность сочинительных комбинаций понятна, поскольку грамматическое значение целого является здесь простой суммой грамматического значения частей.

В подчинительных эндоцентрических комбинациях категориальное значение целого совпадает с категориальным значением главного члена: в комбинации „старый друг” целое характеризуется значением субстанции, как и главный член— существительное „друг”; ср. также группы „очень старый” (у целого категориальное значение признака, как и у основного в группе члена— прилагательного „старый”), „бездумно прожил жизнь” (у целого, как и у главенствующего глагола, категориальное значение процесса) и т. п.

Эта закономерность наблюдается также в утративших синтаксическую композитность подчинительных идиомах: в выражении „я потерял голову” (или во франц.: *j'ai perdu la tête*) имеем идиому с грамматическим значением процессива, ибо таково значение конструктивного центра идиомы-глагола.

Данное свойство подчинительных конструкций объясняется так же естественно, ибо в них грамматическое значение главного члена как бы вбирает в себя значение подчиненного (или подчиненных), окрашивая всю группу в присущие ему тона³.

Функция сочинительной комбинации в более обширных образованиях тождественна функции ее компонентов (ср. „бледный и больной ребенок”: комбинация „бледный и больной” имеет определительную функцию, как и ее компоненты)⁴; функция же подчинительных комбинаций совпадает с функцией главного члена („встретил старого друга”: функция подчинительной группы „старого друга” — объектная, как и у подчиняющего члена „друга”, что экспериментально доказывается возможностью редуцировать группу в качестве „экспансии” к „фокусу” — главному члену)⁵.

Возникает необходимость уточнить различие между простейшими синтаксическими единицами и синтаксическими единицами, представляющими собой комбинации первых.

С этой целью следует строго дифференцировать синтаксические единицы двух типов: **элементарные** и **неэле-**

ментарные. Именно первые представляют простые, синтаксически неделимые элементы, так сказать, синтаксические „атомы“, сочетающиеся в комбинациях сочинительного и подчинительного характера. Вторые суть сами эти комбинации, синтаксические структуры, образованные из сочетаний элементарных единиц,— синтаксические „молекулы“.

В нашем изложении под „синтаксическими единицами“ подразумеваем лишь единицы элементарные, тогда как неэлементарные обозначены просто как „синтаксические комбинации“ или „синтаксические структуры“.

Элементарные синтаксические единицы являются теми минимальными элементами, из которых образуются синтаксические структуры. Это— элементы, на которых закапчивается синтаксический анализ фразы; либо, если подходить с точки зрения порождающей грамматики, элементы, являющиеся исходным пунктом синтезирования фразы⁶.

Используя терминологию грамматики НС, можно определить элементарные синтаксические единицы как непосредственно составляющие минимальных синтаксических комбинаций (элементарных синтаксических структур), или, что то же самое, как минимальные (крайние) составляющие на синтаксическом уровне. В этом определении необходимо акцентировать слово „синтаксический“, поскольку при обычном анализе по НС синтаксические конструкции не выделяются особо, а крайними составляющими высказывания считаются морфемы, то есть единицы не синтаксического, а морфологического порядка.

Это обстоятельство особенно важно учесть потому, что элементарное на синтаксическом уровне может оказаться, и в действительности весьма часто оказывается, композитным на уровне морфологическом; неделимый элемент синтаксической конструкции сам может явиться конструкцией морфологической. В конструкции „книга Петра“ есть две элементарные синтаксические единицы, каждая из которых представляет однако с точки зрения морфологической конструкции, то есть единицу неэлементарную (морфологически они членятся следующим образом: „книг-/-а“, „Петр-/-а“); то же можно сказать об эквива-

лентной группе *le livre de Pierre*, где крайние составляющие синтаксического уровня (*le livre, de Pierre*) также подвержены морфологическому членению (*le/iivre, de/Pierre*).

В определенных случаях может оказаться, что элементарные синтаксические единицы можно расчленять далее не только с морфологической, но и с синтаксической точки зрения. Так, сложное предложение „Человек, который смеется“ представляет собой минимальную возможную синтаксическую комбинацию, состоящую из двух компонентов: подчиняющего (существительное „человек“, образующее так называемое „главное предложение“) и подчиненного („который смеется“, т. е. предложение „придаточное“, выполняющее роль прилагательного-определения при существительном „человек“); оба эти компонента являются по определению элементарными синтаксическими единицами. Однако подчиненный компонент сам в свою очередь представляет комбинацию, подверженную синтаксическому членению („который/смеется“), что уже противоречит определению элементарных синтаксических единиц. Ср. также „дом, населенный призраками“, где причастный оборот „населенный призраками“, являющийся элементарной синтаксической единицей конструкции в целом („дом/населенный призраками“), сам распадается на элементарные синтаксические единицы („населенный/призраками“). Нужно при этом заметить, что придаточные предложения, причастные обороты и аналогичные конструкции могут иметь гораздо более сложное строение, чем в приведенных примерах, включать не одну, а множество синтаксических комбинаций, находящихся в сложных иерархических взаимоотношениях; не говорим уже о случаях параллельного или последовательного подчинения предложений, ставящих ту же проблему в более сложной форме⁷.

Возникает парадоксальное положение: синтаксически неделимая, то есть элементарная единица оказывается вместе с тем разложимой на величины синтаксического порядка, причем конечным результатом такого анализа опять-таки являются элементарные синтаксические единицы. Однако разрешение этого парадокса представляется весьма несложным: тогда как подлинные элементарные

синтаксические единицы (типа „книга“, le livre) являются таковыми в абсолютном смысле слова, то есть ни с какой точки зрения не подлежат синтаксическому анализу, придаточные предложения, а также причастные, деепричастные и некоторые другие разновидности обособленных оборотов представляют., как правило, элементарные единицы синтаксического уровня лишь в одном смысле: по отношению к подчиняющему элементу главного предложения.. В этом отношении они действительно могут быть рассмотрены как компоненты минимальных синтаксических комбинаций и предел синтаксического разложения. Однако, рассмотренные сами по себе, независимо от их функционирования в качестве компонентов синтаксических групп, они могут оказаться единицами неэлементарными и синтаксически членимыми⁸.

Подчиненные предложения и обороты такого рода⁹ назовем **расширенными эквивалентами элементарных синтаксических единиц**. Этот термин удобен тем, что отражает не только общность между простейшими и расширенными единицами, но и различительную особенность последних— их синтаксическую членимость, а также их вторичный характер по сравнению с простейшими элементами. Здесь можно напомнить, что в трансформационной грамматике придаточные предложения, причастные, герундиальные обороты рассматриваются как трансформы, то есть как нечто производное от ядерных конструкций¹⁰. В системе Л. Теньера придаточные предложения рассматриваются как результат трансляции целых фраз, приобретающих значение и функцию „ядра“ того или иного класса¹¹. Особой разновидностью эквивалентов элементарных синтаксических единиц являются также идиоматические обороты, которые представляют сочетание двух или более полнозначных слов, но синтаксически неделимы. Расширенные эквиваленты элементарных синтаксических единиц могут быть рассмотрены лишь после установления классов и взаимопереходов самих элементарных синтаксических единиц, как определенного типа результат таких взаимопереходов.

О некоторых интерпретациях понятия языковой единицы получает конкретную интерпретацию применительно к каждому уровню структурной синтаксической единицы в лингвистической литературе различаются единицы фонологические, морфологические, синтаксические.

Вопрос элементарных единиц фонологического и морфологического уровней достаточно разработан. Каковы бы ни были трудности при установлении системы фонем и морфем того или иного языка, самые понятия фонемы и морфемы являются вполне определенными. С проблемой определения элементарной синтаксической единицы обстоит сложнее. Не существует даже единого термина для обозначения этого понятия. Только за последние 10—15 лет был предложен целый ряд терминов: словоформа (А. И. Смирницкий), позиция (Т. П. Ломтев), синтаксема (А. М. Мухин), ядро (Л. Теньер), идиома (Ч. Хоккет) и др.¹². Хотя в эти термины вкладывается различное конкретное содержание, по своему логическому объему они приблизительно совпадают, обозначая наименьшую единицу синтаксического уровня как она мыслится данным автором. Расхождения наблюдаются не только в терминологии, но и в определении элементарных синтаксических единиц, в предлагаемых способах выявления и классификации этих единиц и т. п. Особой точки зрения придерживаются традиционная грамматика, рассматривающая в качестве элементарной синтаксической единицы слово, а также глоссематика и дескриптивная лингвистика, признающие единственным типом элементарных единиц в плане содержания морфемы.

Между тем, четкое определение понятия элементарной синтаксической единицы имеет первостепенную важность для синтаксиса, являясь необходимым условием строго формализованного синтаксического описания. Без такого определения невозможно разработать методику установления и классификации элементарных синтаксических единиц, невозможно решить проблему их репрезентации на морфологическом уровне.

Приступая к ближайшей характеристике элементарных синтаксических единиц, встречаем затруднения особого порядка. Установление верхней границы синтаксических образований— задача сравнительно простая. Почти единогласно признается, что максимальной синтаксической единицей, то есть образованием, внутри которого действуют синтаксические связи, является высказывание, фраза¹³. Именно фраза является исходным пунктом синтаксического анализа и конечным результатом синтаксического синтеза.

Однако выделение **нижнего** предела синтаксических образований не так просто. Общее определение элементарной синтаксической единицы столь же недвусмысленно, как и определение единицы максимальной. Это, в противоположность фразе, конечный результат синтаксического анализа и отправная точка синтеза, минимальная единица, из которой образуются синтаксические комбинации.

Данное определение по существу имплицитно содержится в описательном термине „элементарная синтаксическая единица“, поэтому оно немного прибавляет к имеющимся представлениям и само по себе не является достаточным для уточнения рассматриваемого понятия. При конкретной интерпретации этого общего конструктивного понятия синтаксического описания неизбежно возникает вопрос: каким образом репрезентирована элементарная синтаксическая единица на морфологическом уровне. Если рассматривать ее как инвариант синтаксического уровня, то этот вопрос можно поставить по-другому: каковы морфологические варианты ее репрезентации. Установление способов репрезентации позволит конкретно осмыслить эту категорию, схватить ее в ее реальных границах с такой же недвусмысленностью, с какой это возможно по отношению к фонемам и морфемам.

Если максимальная синтаксическая единица (фраза) имеет во всех языках тождественные в принципе характеристики, то характеристики элементарных единиц разнятся от языка к языку и даже в пределах одного и того же языка. Если выделение конкретных фраз в потоке речи облегчается благодаря показаниям ритмомелодики, то элементарные синтаксические единицы не имеют столь пря-

мого и легко воспринимаемого, столь однотипного выражения.

При синтагматическом анализе и анализе по НС нижним пределом деления считается морфема¹⁴ (или, если употребить термин, предпочитаемый в синтагматике, монема, то есть мельчайшее в языке единство смысла и звукового выражения). Описание конкретных фраз производится в терминах морфем и их комбинаций (конструкций НС, синтагм); описание структурных моделей фраз предполагает предварительную классификацию морфем и производится в терминах их классов, классов их комбинаций.

При определенных операциях анализа (а также синтеза) фразы с точки зрения ее морфемного состава неизбежно выделяются отрезки речи, репрезентирующие синтаксические единицы, в том числе элементарные. В морфологическом отношении эти отрезки представляют либо комплекс морфем (морфологическую конструкцию: „книг-/-а“, „Петр-/-а“, *le/livre, de/Pierre, the/book, of/Peter* и т. п.), либо даже простую морфему („очень“, *très, tres...*). В последнем случае элементарные синтаксическая и морфологическая единицы совпадают по своим границам на линейной оси.

Тем не менее, невозможно признать морфему минимальной единицей синтаксического уровня. Это невозможно не только в случае, когда последняя представлена комплексом морфем, но и в случае, когда она совпадает с отдельной морфемой, поскольку это совпадение чисто внешнее количественное и с синтаксической точки зрения случайное. Одна и та же единица, рассмотренная с морфологической и синтаксической точек зрения, оказывается наделенной весьма различными характеристиками, и при тщательном анализе обнаруживается, что на деле имеем здесь две единицы разных языковых уровней, причем морфологическая единица служит для репрезентации единицы синтаксической. Совпадая на линейной оси, они остаются качественно отграниченными друг от друга? Так, морфема (корневое слово) „очень“ как таковая является не синтаксической единицей, а ее конкретным выражением в морфологическом плане.. Синтаксическая единица, высту-

пающая в данной морфеме,— это определенное наречие степени. Это относится, *mutatis mutandis*, к случаю, когда элементарная синтаксическая единица представлена комплексом морфем.

Характерно, что синтаксические единицы определенного типа, представленные в одном языке комплексом морфем, в другом могут репрезентироваться простой морфемой. Так, прилагательное в русском языке с морфологической точки зрения композитно, а в армянском или английском обычно имеет простое строение. Это явление наблюдается также в пределах одного языка (ср. изменяемые и неизменяемые существительные в русском, первые из которых морфологически композитны, вторые—просты).

В плане структурного анализа для синтаксиса не существенен факт, что „книга“, „Петра“, *le livre*, *the book* морфологически композитны, а „очень“, *très*, *much*,—просты, хотя это важно с морфологической точки зрения; гораздо существеннее, что все эти единицы неразложимы в синтаксическом отношении и поэтому рассматриваются в синтаксисе глобально — как целостные образования. С другой стороны, при морфологическом анализе не представляет непосредственного интереса тот факт, что, например, „очень“ и „Петр“— единицы, различающиеся по своему категориальному содержанию (как наречие и существительное), что имеет решающее значение с синтаксической точки зрения; для морфологии это— единицы одного и того же разряда: простые базисные (корневые) морфемы.

Таким образом, возможность описания структуры фраз в терминах морфем или их классов не дает основания для рассмотрения морфемы как минимальной единицы синтаксического уровня. Синтагматический анализ и анализ по НС, если и затрагивают единицы и комбинации синтаксического характера, то обычно косвенно, лишь с точки зрения их проявления на морфологическом уровне, в единицах и комбинациях морфологического порядка, так что первые в качестве **синтаксических** выпадают из поля зрения. Даже отвлекшись от линейно-морфологического выражения и описывая фразу в терминах иерархии морфемных классов, можно только лучше раскрыть ее морфоло-

гическую структуру, но это не дает возможности проникнуть в более глубокий синтаксический уровень.

С другой стороны, морфемный анализ не вносит определенности в вопрос способов репрезентации элементарных синтаксических единиц на морфологическом уровне. Он дает основание лишь для общего утверждения, что элементарная синтаксическая единица может быть представлена как отдельной (корневой) морфемой, так и сцеплением морфем.

Аргументацию подобного рода можно было бы продолжить, однако здесь достаточно ограничиться констатацией принципиальной невозможности интерпретации морфемы (монемы) как элементарной единицы синтаксического уровня.

Другая из встречающихся интерпретаций понятия элементарной синтаксической единицы кажется на первый взгляд более приемлемой. Это — рассмотрение в качестве элементарной синтаксической единицы слова. Выше упоминалось о критике, направленной на дескриптивистов и глоссематиков за пренебрежение, с которым они относятся к категории слова, пренебрежение, вызванное трудностью выделения слов в потоке речи и определения слова с общелингвистической точки зрения. Уместно вспомнить здесь также замечание де Соссюра: „... слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка“¹⁵.

При обычном, ставшем традиционным понимании морфологии и синтаксиса соответственно как грамматического учения о слове и грамматического учения о предложении, именно слово рассматривается как величина, наделенная определенной грамматической ролью в обоих этих аспектах языка. А именно, в морфологии слово трактуется как ее максимальная единица (как „часть речи“), в синтаксисе — как величина минимальная, элементарная (как „член предложения“).

Традиционный грамматический анализ, как он производится при школьном обучении языку, состоит обычно из двух этапов: 1) „синтаксического“ этапа, когда данное высказывание делится на слова, некоторым из которых (а

именно, словам, принадлежащим к „полнозначным“, или „знаменательным“ частям речи) приписывается определенная синтаксическая функция в составе предложения (происходит идентификация членов предложения); 2) „морфологического“ этапа; состоящего в том, что члены предложения, а также „вспомогательные“ слова, то есть не члены предложения, относятся к определенной части речи (идентификация частей речи). При этом обычно вопрос ставится так, что части речи служат для „выражения“ тех или иных членов предложения.

В число задач синтаксического анализа включают также идентификацию типов предложений по „цели сообщения“ (вопрос, пожелание и т. д.), идентификацию (обычно функциональную) придаточных предложений и т. п.

Данная манера проведения грамматического анализа критиковалась в научном языкознании со многих точек зрения. В частности, отмечалось, что членам предложения даются при школьном анализе, как правило, не синтаксические и структурные, а логические характеристики¹⁶. И действительно, понятия и определения нормативно-практического синтаксиса представляются малопригодными для научного описания высказываний (фраз) со структурной точки зрения. Неадекватными представляются также термины школьного анализа, в частности, термин „члены предложения“.

При строго структурном подходе выявляется, что слово не всегда выступает в качестве непосредственного конструктивного элемента, из которого строится предложение, то есть в качестве подлинного „члена предложения“. Обычно оно вводится в состав синтаксических сцеплений— сочинительных или подчинительных, образующих, в одиночку или в комбинациях, структурный материал для построения предложения. Для верного понимания структуры фразы представляется более целесообразным рассматривать синтаксически самостоятельные слова как члены (компоненты, конститuentы) групп, или синтаксических комбинаций, и лишь эти последние— как непосредственные конститuentы предложений (подробно об этом см. ниже).

Сложнее ответить на вопрос, насколько правомерно рассматривать слово как таковое в качестве синтаксического элемента языка. Этот вопрос возникает не только в случае, когда слово прямолинейно соотносят с предложением и рассматривают в качестве непосредственного конституента последнего, но и в случае, когда слово понимается как конституент синтаксической группы. Разница лишь в том, что во втором случае та же проблема ставится относительно слова как члена группы, а не предложения.

Однако, как было отмечено, даже в традиционной грамматике не все слова и не все типы слов понимаются как синтаксически самостоятельные элементы (члены предложения), а лишь такие, которые принадлежат к полнозначным частям речи. „Пустые“ же или „служебные“ слова и типы слов членами предложения и вообще синтаксически самостоятельными элементами не признаются. Это — существенное ограничение, но, если оно обосновано, то становится неясным, как поступить при синтаксическом описании со словами такого рода; ведь, как это ни парадоксально, не-члены предложения (или группы) играют весьма недвусмысленную роль в синтаксическом оформлении фразы, обозначая отношения, дифференцируя их семантику и т. д.

С другой стороны, лишены синтаксической самостоятельности даже полнозначные слова-корни в случае, когда они не могут быть введены в речь непосредственно, без „актуализации“ с помощью служебных слов и других аналитических средств — обстоятельство, на которое традиционная грамматика не обращала достаточного внимания. С тех пор, как аппарат актуализации во французском языке был столь блестяще исследован Ш. Балли, стало очевидно, что слова-корни типа *livre*, *dois*, *volt* выступают как элементы синтаксических комбинаций не непосредственно, а лишь грамматически конкретизируясь с помощью служебных слов. Резко бросается это в глаза в английском языке, где не только отдельные грамматические категории, но зачастую также часть речи данного корневого слова

зависит от того, какими оно сопровождается служебными словами (ср. the stone, to stone; the step, to step...).

Вместе с тем, как отмечалось, существуют целостные синтаксические образования— расширенные эквиваленты элементарных синтаксических единиц, которые также выступают в качестве простых компонентов элементарных синтаксических единиц, хотя и включают они обычно два и более полнозначных слова.

Из сказанного следует, что отнюдь не всякое слово может репрезентировать одну элементарную синтаксическую единицу; с другой стороны, не всегда эта последняя репрезентуется одним словом. Отождествление слова с элементарной синтаксической единицей или даже рассмотрение слова как ее выражения на линейно-морфологическом уровне встречает те же возражения, что соответствующая «интерпретация роли морфемы (см. выше). Из традиционного анализа можно однако сделать тот важный вывод, что простейшая синтаксическая единица необходимо должна включать минимум один полновесный элемент— одно слово, принадлежащее к какой-либо „полнозначной“ части речи, будь это слово простое (морфологически неразложимое, состоящее из одной корневой морфемы, как „очень“, „Петр“, Pierre, book) или составное (морфологически разложимое, типа „плохо“, „Петра“, books). Следовательно, здесь несколько уточняется лишь нижняя граница морфологической вариантности элементарных синтаксических единиц, но верхняя граница и общий диапазон вариантности не устанавливаются.

Безоговорочная интерпретация слова как элементарной синтаксической единицы является спорной также по основаниям более общего порядка. Поскольку речь идет о синтаксическом, вообще грамматическом описании, необходимо, чтобы оно производилось на базе категорий и понятий, в грамматическом отношении очерченных с достаточной четкостью. Между тем, слово отнюдь не является такой категорией; понятие слова оказывается с грамматической точки зрения весьма расплывчатым; грамматические характеристики слов трудно привести к какому-то общему знаменателю. По отношению к отдельным языкам или

языковым типам какое-то обобщение, хотя бы приближенное, иногда возможно; так, в индоевропейском языке или в древних индоевропейских языках строевые особенности слова выступают достаточно отчетливо. Однако, когда речь идет об общелингвистическом определении, найти такие общие особенности оказывается невозможным.

Немалая заслуга структуралистов именно в том, что они показали и доказали экспериментально все те трудности, которые возникают при попытках формализованного описания синтаксического строя, постулирующего слово в качестве исходного элемента. Несмотря на крайности, допущенные структурализмом, самая постановка вопроса о замене понятий традиционной грамматики понятиями более определенными не может быть не расценена как шаг весьма прогрессивный.

Пока пытаются дать грамматическую характеристику отдельного слова, затруднений обычно не возникает (исключения составляют переходные случаи, когда слово, в силу своего промежуточного характера, может быть отнесено в различные разряды). Очевидно, например, что слова „небесный“ обозначает признак, выступает обычно как определение, образовано из существительного с помощью суффикса, подвержено флексии и т. д. Однако ни один из возможных грамматических критериев не может быть сколько-нибудь последовательно применен ко всей совокупности слов языка; всегда обнаруживается иррациональный остаток, выпадающий из общей схемы. С другой стороны, оказывается возможным применять эти критерии не к словам, а к другим единицам.

С точки зрения значения слова могут рассматриваться, очевидно, по меньшей мере в трех планах: а) с учетом их конкретного лексического содержания: ср. классификацию слов по „семантическим полям“ в современном неогумбольдтианстве. Данный подход, сам по себе интересный и важный, применим лишь в сфере лексикологии; б) в плане подведения значения слов под общелингвистические или онтологические категории¹⁷. Непосредственный интерес этой классификации лежит вне рамок лингвистики; в) с учетом обобщенно-грамматического значения слов, служащего ос-

новой их распределения по грамматическим разрядам, или категориям. Это уже значение не чисто логическое, а такое, которое выступает в известном лингвистическом преломлении и используется в целях грамматической классификации языковых элементов. (В данном случае имеются в виду не частные категории, характеризующие ту или иную часть речи в каком-либо языке — род, число и т. д., а наиболее общие категории субстанции, процесса и т. п., служащие для распределения слов по самим частям речи)¹⁸.

Однако критерий категориального значения применим далеко не ко всем словам языка. С точки зрения грамматического значения слова делятся на два больших разряда: полные (полнозначные) слова, имеющие категориальное значение, и слова пустые, лишенные такового. Последние являются, наподобие окончаний, внутренней флексии и т. д., элементами грамматической формы (морфологическими показателями), служащими как раз для уточнения и модификации категориального содержания полных слов. Так, артикль в английском указывает на субстантивность полного слова (*the book*), либо же преобразует слово в существительное (*the good*), ничем не отличаясь в этом смысле от артикля в армянском, хотя последний выражен флективно (ср. *գիրքը, բարիքի*).

Отсутствие у пустых слов категориального содержания не исключает, конечно, возможности выражения ими определенного лексического значения. С этой точки зрения между типами пустых слов наблюдается известная градация: от полностью грамматикализованных (ср. франц. предлог *de* или союз *que*) через частично грамматикализованные (ср. значение-предлога *sur* во франц. *compter sur*) к таким, которые не утратили реального значения (франц. *à cause de*, арм. *ստիճանով*, русск. „по причине“)¹⁹. Однако лексическое значение пустых слов, в отличие от лексического значения полных слов, не имеет самостоятельной функции (значимости), а служит для уточнения семантики грамматических отношений. Так, некоторые составные союзы могут уточнять семантику обстоятельственного отношения частей сложно-подчиненного предложения: ср. франц. *pendant que, avant que, apres que*, которые своим лексическим значением

не только дифференцируют обстоятельственную связь как временную, но и выделяют оттенки последней, обозначая соответственно одновременность, предшествование, последовательность; ср. также связочные глаголы, уточняющие оттенки предикативного отношения („казаться“, „являться“ и т. д.)... С общесинтаксической точки зрения лексическое значение пустых слов можно не принимать во внимание так же, как частные категории типа рода, числа и т. д.

Далее, полные слова, имеющие составной характер, содержат наряду с полным компонентом пустой (так, в слове ~~фрре~~ различаются категориально ~~полновесны~~ элемент ~~фрре~~- и пустой элемент ~~-р~~). Если быть последовательным, придется признать категориально полновесными элементами те части слов, которые остаются за вычетом пустых компонентов.

Наконец, наличием общего категориального значения характеризуются сцепления полных слов, выступающие как целостные грамматические единства, например, придаточные предложения (см. выше).

Таким образом, между понятиями слова и единицы, наделенной категориальным значением, параллелизма не наблюдается.

С точки зрения синтаксической **функции** слово является категорией столь же расплывчатой. Различаются слова функционально самостоятельные и несамостоятельные (служебные). Первые могут в принципе образовать законченное высказывание, иметь при себе подчиненные элементы (быть центром синтаксической группы); они являются „членами предложения“ в традиционном смысле слова. Служебные слова характеризуются отсутствием всех этих признаков; если они и выполняют в языке определенную функцию, то в совершенно другом плане — они служат показателями и модификаторами функций (как и категорий) полных слов и в этом отношении также тождественны окончаниям и другим морфологическим средствам. Так, английский предлог *to* и французский *à* зачастую являются показателями той же функции, что и окончание дательного падежа в армянском или в русском (показателями функции косвенного дополнения).

Деление на самостоятельные и несамостоятельные элементы может проходить **внутри** грамматически разложимых полных слов („человек-у“: первый элемент здесь самостоятельный, второй является служебным показателем). С другой стороны, в качестве функционально самостоятельных единиц выступают грамматически целостные образования, обычно более объемистые, чем слово, вплоть до придаточных предложений.

Следовательно, понятия слова и самостоятельной функциональной единицы также не совпадают.

- Наконец, столь же расплывчатой является сфера внешнего оформления слова. Наряду со словами, имеющими „форму“, или морфологическую структуру (изменяемыми), встречаем слова „бесформенные“ (неизменяемые). Кроме слов, морфологическая оформленность может быть присуща также более объемистым образованиям (например, придаточному предложению, формальным показателем которого является союз или другое слово с аналогичной функцией)²⁰. Все это заставляет отказаться также от попытки последовательной формальной классификации слов²¹.

Если каждый из этих трех подходов сталкивается с определенными трудностями, то тем более следует это сказать о попытках всестороннего рассмотрения слов, основанных на сочетании критериев значения, функции и формы. Обнаруживается отсутствие изоморфности между этими тремя аспектами, их несовместимость. Слова, входящие в одном случае в один и тот же разряд, в другом разъединяются; напротив, слова разных разрядов могут с определенной точки зрения оказаться в одной рубрике.

Так, слова, наделенные категориальным значением (полные), с функциональной точки зрения, как правило, самостоятельны, пустые же — не самостоятельны. Однако соответствие нарушается в сочетаниях так называемого „служебного глагола“ с причастием в сложных временах, а также связочного глагола с именной частью сказуемого, в именном сказуемом. Пустое слово оказывается здесь синтаксически самостоятельным (образует конструктивный центр сцепления), тогда как соотносящееся с ним полное

Слово выводится на ступень „спутника“ — слова служебного²².

Обычно изменяемыми являются полные слова, но далеко не все. Не только в „крайне“ аналитических языках, но и, скажем, в русском большие разряды полных слов являются неизменяемыми (например, наречия, некоторые заимствованные существительные); в армянском языке к этому типу относится имя прилагательное. С другой стороны, могут быть изменяемыми — сохраняя след своего происхождения из изменяемых полных слов — также пустые слова (ср. склонение артикля в немецком языке).

Сказанного достаточно для подтверждения положения о грамматической неопределенности категории слова. Каждое отдельно взятое слово, как правило, может быть подвергнуто всесторонней грамматической характеристике, его грамматическая природа может быть уточнена без особых затруднений. Однако если речь идет о слове как о **лингвистической категории**, его грамматическое определение оказывается невозможным. Слово — величина грамматическая, но грамматически неопределенная и неопределимая. Именно это обстоятельство подчеркнуто в известном определении, данном слову Антуаном Мейе: „... ассоциация данного значения с данным соединением звуков, подлежащая данному грамматическому употреблению“²³.

Из этого определения следует, что каждое слово необходимо представляет сочетание смысловой, звуковой и грамматической сторон, но каковы именно эти стороны, в общей форме установить нельзя, для каждого слова или разряда слов это решается в отдельности. Позитивные общелингвистические определения слова отнюдь не опираются на какой-либо грамматический признак. В них учитывается другая, действительно характерная для слова черта — его языковая и речевая автономность²⁴.

К. Тогебю в своей известной работе, посвященной характеристике слова²⁵, отмечает многообразные трудности, связанные с определением этой категории, и существование множества разнотипных определений, которые он пытается систематизировать. Здесь встречаются определения слова в качестве знака (Мейе), минимального знака — монемы (Го-

дель), корня (де Гроот); определения семантические (Сепир), морфологические (Брёндаль), с точки зрения выражения (Фрей), либо единства содержания и выражения (Блумфилд²⁶, Хэррис). Наконец, есть особого типа определения— на основе признака отделяемости (*séparabilité*: Якобсон, Вахек), перемещаемости (*permtrabilité*: Ельмслев,, Уэлз). Именно признаки отделяемости и перемещаемости, внешней независимости и внутренней целостности можно считать *differentia specifica* слова, ограничивающие его от других типов лингвистических единиц. Признаки отделяемоеTM и перемещаемости являются наиболее общими, присущими всем словам, полнозначным и пустым, составным и простым.

Автономность слова проявляется как раз в том, что, во-первых, оно является единицей, более или менее свободно перемещаемой во фразе (вступающей в более или менее свободные сочетания), во-вторых в том, что части слова (монемы) относительно друг друга обычно не перемещаются (в свободные сочетания не вступают). Составное слово— застывшее сцепление компонентов, которому присуще известное внутреннее единство; простое слово, представленное корневой монемой (типа франц. *e, de, iivre, Pierre*) также обладает лексической целостностью и независимостью. Поэтому слово часто характеризуют как автоматизированный знак, автономную монему (простое слово), либо автономную синтагму (составное слово).

Признаки отделяемоеTM и перемещаемости, обуславливающие автономное употребление слова во фразе как относительно законченной и целостной единицы, суть признаки, проявляющиеся на **линейной оси**, присущие слову как линейному образованию. Действительно, речь идет о свободе перемещения слов на линейной оси, о невозможности свободного перемещения частей слова опять-таки на линейной оси. Имея в виду это обстоятельство, иногда отрицают не только грамматическую, но и вообще языковую природу этой категории, считают слово образованием речевого порядка²⁷.

По мнению Теньера, слово— лишь фрагмент фразы, оно возникает в результате ее сегментации на **линейной**

оси. Слово — отрезок между двумя купюрами (начальной и концевой), имеющими относительную ценность, поскольку речь не прерывается на слове, и слово в речи не выступает обычно изолированно; эти купюры исторически изменчивы, границы слова часто определяются случайными обстоятельствами (например, манерой записи)²⁸.

Тем не менее, хотя слово (и, как увидим, фраза) выступает как конкретная единица на линейной оси, его речевая автономность должна иметь известные основания в языковом сознании. Автономное употребление слова в речи обусловлено автономным существованием его в сознании говорящих. То обстоятельство, что эта автономия складывается диахронически, в течение векового употребления, проходя через ряд промежуточных ступеней, не препятствует тому, чтобы в данном синхронном статусе языка слово существовало как конкретная языковая единица, как „живой распутившийся цветок языка" (В. фон Гумбольдт);

Рассматривая слово как чисто речевую единицу, ставят знак равенства между языком и его грамматическим строем. лексический материал оказывается исключенным из описания языка. Между тем, самое существование системы грамматических форм и правил немислимо вне системы слов. В качестве конкретных и осознаваемых единиц в языковом сознании выступают прежде всего лексические элементы, как „полные", так и „пустые", и лишь опосредованно — грамматические схемы. Эта идея находит подтверждение в результатах, достигнутых современной психолингвистикой²⁹.

И все же, отсутствие у категории слова грамматической, структурной определенности заставляет отказаться от понимания слова как элементарной синтаксической единицы — понимания неточного и приблизительного. Описание синтаксического строя, базирующееся на понятии слова, не может быть достаточно исчерпывающим и экономным, простым и адекватным. Даже сохраняя в синтаксическом описании понятие слова, необходимо внести в него определенные коррективы. Во всяком случае, под „синтаксическим словом" нельзя понимать слово в обычном смысле

О грамматически оформленной семан-
теме как репрезента-
ции элементарной
синтаксической ея
единицы на морфологи-
ческом уровне

Для Употребления данной единицы в
качестве синтаксической необходимо,
чтобы она была конкретизирована в
отношении своего категориального и
функционального содержания в той
мере, в которой этой необходимо и
достаточно с точки зрения строевых особенностей данного
языка. Это относится в том числе к элементарным син-
таксическим единицам.

В определенных случаях имеем дело с полными словами, грамматически оформленными, недвусмысленно отнесенными к определенному синтаксическому классу, с указанием на их категорию и потенциальную функцию в составе синтаксических сочетаний. Например, лат. *ventus*— полнозначное слово, грамматически оформленное и конкретизированное посредством окончания *-us*, не только обозначающего грамматические категории слова (род, число), относящего его в синтаксический класс существительных, но и показывающего его возможные функции в предложении— в данном случае, функции подлежащего, именной части сказуемого.

В такой форме это слово может вступить в определенные синтаксические связи и комбинации. Поэтому данное полное слово в его данной форме можно рассматривать как конкретную репрезентацию синтаксической единицы; притом элементарной, поскольку, как отмечалось выше, полное слово является минимальным возможным элементом синтаксических комбинаций. Так обстоит дело, как правило, в синтетических языках.

Таким образом, в определенных случаях имеем полные слова, грамматически оформленные в своих собственных пределах, недвусмысленно отнесенные к определенному категориальному и функциональному разряду.

При этом наличие окончаний и других модификаций синтетического порядка отнюдь не обязательно. Полное слово может быть оформлено так называемой „нулевой морфемой“, которая лишена непосредственного материального воплощения и в качестве грамматического средства обязана своим существованием месту, занимаемому ею в систе-

ме форм данного слова (ср. русск. „дом" по сравнению с „дома", „домом" и т. д.). Категориально-функциональное содержание полного слова может быть связано также лишь с лексическим значением (ср. слова типа „очень"). Подобного рода слова называются А. Мартине „автономными монемами", то есть такими, которые сами указывают, по его словам, на свою функцию (ср. франц. *vite, hier*, русск. „здесь", арм. *սրիսի*)³⁰.

Наконец, категориально-функциональное содержание слова может уточняться благодаря его месту в предложении (ср. роль порядка слов в аналитических языках) или чисто контекстуально (в языках „корневого" типа)³¹. „Всякое слово оформлено уже тем, что оно несет известные грамматические функции, занимает определенное место в грамматической системе языка, подводится под ту или иную грамматическую категорию"³².

Однако эти способы грамматического оформления полного слова не являются единственно возможными. Существуют, особенно в аналитических языках, полные слова и типы слов, которые сами по себе не заключают какой-либо грамматической конкретизации. Так, аналог лат. *ventus* в английском или во французском (*wind, vent*) лишен категориальной и функциональной определенности, характеризующей латинское слово. Грамматическое оформление слов такого типа совершается вне их пределов, с помощью пустых слов, указывающих или трансформирующих категорию и функцию полного слова (слова-актуализаторы и транспозиторы в системе Ш. Балли, *indices* и *translatifs* в системе Л. Теньера, *markers* Л. Блумфилда и Ч. Хоккета и т. д.). В этом случае полное слово выступает как репрезентация мельчайшего синтаксического единства не одно, а в сочетании с пустыми, служебными словами. Это, по выражению Мартине, монемы, которые заимствуют свою автономию у функциональных монем, то есть пустых слов (ср. *le vent, the wind, au vent*)³³.

Наблюдаются также переходные случаи, когда оформление полного слова происходит частично в его пределах, частично же с помощью пустых слов; характерный при-

мер — предложно-падежные конструкции в языках, имеющих склонение.

Сами по себе эти факты тривиальны. Однако они дают основание для следующего заключения: в синтаксическом отношении пустые слова являются точными эквивалентами окончаний и других видов грамматических модификаций в пределах полных слов. Так, артикль *le* во французском является в *le vent* точным эквивалентом латинского окончания *-us* в слове *ventus*. Конечно, артикль обозначает категорию степени определенности существительного, которая в латинском окончании не выражена; можно» видимо, найти и другие расхождения, однако здесь имеем в виду эквивалентность в другом отношении, в том смысле, что как артикль, так и соответствующее окончание служат для **грамматического оформления** существительного. Вместе с тем, аналитическое сцепление *le vent* является в целом синтаксическим эквивалентом одного синтетически оформленного полного слова типа латинского *ventus*.

Подобные параллели можно проводить также **внутри** данного языка: в русском „идти домой” и „подойти к дому” подчиненные элементы („домой”, „к дому”) оформлены по-разному: первый синтетически, второй — аналитически; они различаются также оттенками грамматического значения. Однако сочетание предлога с падежным окончанием в примере „к дому” играет ту же роль грамматического оформителя полного слова, что и падежное окончание в другом примере; в этом смысле „домой” и „к дому” являются синтаксическими эквивалентами. Подобным образом можно сопоставлять также синтетические и аналитические глагольные формы (ср. „говорю” — „буду говорить”). Эти сопоставления показывают, что полное слово, выступающее в определенных случаях как величина синтаксически самостоятельная, в других случаях нуждается для превращения в таковую в оформлении или дооформлении посредством пустых слов.

Элементарная синтаксическая единица может быть, таким образом, представлена как отдельным полным словом, так и сочетанием полного слова с пустым или пустыми;

она может быть оформлена различными синтетическими или аналитическими средствами, материальным или нулевым показателем, в контексте или вне контекста.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что элементарная синтаксическая единица репрезентируется на морфологическом уровне не вообще словом или даже не полным словом, а **полным словом в его данном грамматическом оформлении**, независимо от того, как происходит это оформление. За исключением корневых полнозначных слов, непосредственно выступающих в качестве элементарных синтаксических единиц, все прочие слова представляют собой систему форм— синтетических или аналитических, образующих его грамматическую парадигму (в широком смысле этого слова), причем каждая форма репрезентирует одну синтаксическую единицу. Так, в парадигму слова „дом” входят с этой точки зрения не только синтетические— падежные формы („дома”, „домов”, и т. д.), но и аналитические— предложные конструкции („к дому”, „около дома” и т. п.); как первые, так и вторые суть элементарные синтаксические единицы³⁴. Во французском, английском и языках аналогичного строя такую же систему форм образуют сочетания существительного с артиклем (в том числе, с „нулевым”) и с предлогом (*maison, la maison, à la maison*). Что касается сочетаний со служебными глаголами, то они считались простыми членами глагольной парадигмы уже в традиционной грамматике³⁵.

Итак, слово нельзя отождествлять с элементарной синтаксической единицей, слово нельзя также рассматривать как репрезентацию ее на морфологическом уровне; элементарная единица синтаксического уровня репрезентируется не словом вообще, а полным словом в его данной модификации, формой, которая может включать, помимо полного слова, также слова пустые или служебные.

Данное определение имеет тот недостаток, что в нем упоминается грамматически расплывчатое понятие слова; однако его можно видоизменить так, что понятие слова будет заменено грамматически однозначно определимым понятием *монемы*. Такое преобразование имеет также то

преимущество, что в потоке речи монемы выделяются проще, чем слова.

Монемы (морфемы, по терминологии дескриптивистов) суть мельчайшие языковые элементы, представляющие единство планов содержания и выражения (см. выше). В свою очередь, монемы распределяются на два класса: монемы лексические и монемы грамматические. Первые из них суть „семантемы“, вторые — морфемы в узком значении слова³⁶, то есть морфологические показатели.

Семантемы представляют собой корневые монемы, наделенные самостоятельным „реальным“ значением (семантическим содержанием). Однако сами по себе они не имеют грамматического значения и функции (суть единства внеграмматические); их непосредственная грамматическая характеристика и классификация невозможна. Семантемы представляют лексическую материю языка, подлежащую определенному грамматическому оформлению.

Морфологические показатели — это монемы, лишенные самостоятельного значения и функции. Их роль состоит в том, что они грамматически оформляют семантемы. С каждой семантемой соотносятся морфологические показатели, которые определяют ее грамматическую природу, относят ее в какой-либо возможный в данном языке категориальный и функциональный разряд. Некоторые из морфологических показателей, не утратившие полностью лексического значения (аффиксы, некоторые пустые слова, — например, связочные глаголы типа „становиться“, „являться“, „казаться“), служат также для дальнейшей дифференциации обозначаемого грамматического содержания (см. выше).

Вместе с относящимися к ней морфологическими показателями семантема приобретает определенное синтаксическое значение и функцию, становится синтаксическим элементом языка.

Морфологические показатели в широком смысле слова — это все применяемые в языках грамматические способы³⁷. Одни из них образуют лексическое единство с данной семантемой. (входят в состав того же слова, что и семантема): это внутренняя флексия, аффиксы, окончания,

ударение— синтетические показатели. Другие выступают отдельно от семантемы— как автономные слова (словакорни со служебной функцией)³⁸, либо еще имматериальнее— как фиксированное место данного типа слов в предложении. Это уже аналитические показатели. Сюда следует прибавить также возможность „нулевого“, а также чисто контекстуального оформления семантемы (см. выше).

Одна семантема может сочетаться с несколькими морфологическими показателями; с другой стороны, один показатель может сочетаться со сцеплением семантем, рассматриваемым как грамматическое целое (так, союз грамматически оформляет целое придаточное предложение).

Исходя из сказанного, можно рассматривать в качестве репрезентации элементарной синтаксической единицы на морфологическом уровне семантему, грамматически определенным образом оформленную благодаря наличию при ней формальных показателей.

Используя понятия, введенные в лингвистику Щ. Балли, можно сказать, что элементарная синтаксическая единица представляется сочетанием лексического элемента— семантемы— с грамматически оформляющими его элементами: актуализаторами и транспозиторами (по терминологии Теньера— *indices, translatifs*)³⁹.

В частном случае (в минимуме) эта единица может совпасть со словом— когда семантема оформляется полностью синтетически (например, в лат. *ventus* семантема *vent-* грамматически конкретизируется в пределах того же слова, посредством окончания *-us*). Однако когда семантема оформляется с помощью аналитических средств, эта единица представляется минимум двумя словами (во фр. *Il vent* семантема *vent* наделена лексической независимостью, а ее категории и функции уточняются служебным словом-морфемой, а также другими аналитическими процессами— например, местом в предложении). В первом случае полный и пустой элементы выступают в единстве,, в составе одного слога, которое является поэтому законченным грамматическим единством; во втором— полный и пустой элементы распределяются между разными словами

они необходимо предполагают друг друга, и завершенным (грамматическим) единством является их соединение.

Грамматически оформленная семантема является той наименьшей единицей языка, которая способна к самостоятельному синтаксическому употреблению в качестве конститутивного элемента синтаксических образований. Другими словами, грамматически оформленная семантема и представляет **элементарную синтаксическую единицу**.

В качестве категориального и функционального эквивалента этой единицы выступают составляющие неразложимое синтаксическое целое образования, включающие более одной семантемы: сложные слова, фразеологические обороты, а также расширенные эквиваленты элементарных синтаксических единиц. Все они характеризуются наличием определенного грамматического значения и функции, имеют определенное грамматическое оформление и также употребляются как конститутивные элементы синтаксических групп.

С морфологической точки зрения элементарные синтаксические единицы и их более объемистые эквиваленты зачастую имеют сложное строение и подвержены определенному морфемному анализу⁴⁰.

В лингвистике издавна ощущается потребность в уточнении и расширении понятия элементарной синтаксической единицы, в установлении способов ее репрезентации. Именно эта потребность привела к созданию понятия „словоформы“, то есть слова в его данном грамматическом оформлении, причем к ряду словоформ относятся также некоторые „аналитические формы“, которые замещаемы на парадигматической оси простыми формами⁴¹. Эти своеобразные „синтаксические идиомы“ входят в парадигму данного слова на равных правах с синтетическими формами.

Для верного понимания представляется необходимым лишь еще большее расширение понятия „аналитической формы“, включение сюда, помимо сочетания: вспомогательный глагол + инфинитив и т. п., также ряда других сцеплений: артикль + существительное, предлог + существительное, показатель степеней сравнения + прилагательное, связочный глагол + именная часть сказуемого и др. — в

зависимости от особенностей механизма репрезентации в данном языке. Другими словами, вопрос репрезентации прояснится, если рассматривать понятие грамматической формы в широком смысле, как это делают, например, Вандриес, Ларошетт, Теньер и др.

В освещении понятия элементарной синтаксической единицы весьма велика заслуга Л. Теньера; введенная Теньером категория ядра (простого, диссоциированного)— родовое понятие, которое включает многообразные типы сочетаний семантем с морфемами. Эквиваленты ядра (напр., придаточные предложения) рассматриваются им в разделе, посвященном трансляции. Правда, наряду с этим Теньер дает классификацию слов в духе традиционной (полные—пустые слова и т. п.), нарушая последовательность изложения.

Как кажется, в этом же значении А. Мартине употребляет термин „автономная синтагма“. По мнению Мартине, основные структурные единицы языка— это не слова, а именно эти автономные синтагмы¹².

С другой стороны, стремление точнее определить элементарную единицу синтаксического уровня заметно в последнее время также в дескриптивной лингвистике. Так, Ф. Хаусхолдер, рассматривая методiku порождения предложений в ТГ, указывает на существование синтаксических *primes*, то есть „единств, к которым можно свести все остальные, но которые сами не могут далее разлагаться"— Это „базисные (basic) элементы, из которых... строятся предложения"⁴³. По Хаусхолдеру, эти единства отнюдь не соответствуют морфемам традиционной грамматики.

Ч. Хоккет рассматривает несколько типов языковых единиц, которые, по его мнению, определимы строже, чем слово. Это -- минимальная свободная форма, лексема и идиома; нередко такая единица может включать более одного слова (ср. *the Mayor of Boston's hat*). В частности, идиома определяется как грамматическая форма, значение которой не выводится из ее структуры: слово *new* является независимой единицей в *new hat*, но частью идиомы *New York* (ср. также *white paper* и *White House*). В речи идиома употребляется как целое. Для установления идиом нужны

экстралингвистические культурно-ситуационные данные. В целом идиома определяется как морфема или последовательность морфем, значение которых не выводится из структуры, — как сырой материал высказывания⁴⁴.

Однако очевидно, что понятие идиомы в интерпретации Ч. Хоккета, само по себе весьма интересное, с грамматической точки зрения является не более определенным, чем понятие слова⁴⁵. Подлинными синтаксическими primes являются не „идиомы“ в таком понимании, а величины, репрезентируемые конкретными модификациями полных слов на морфологическом уровне, а также их расширенные эквиваленты — любые синтаксически неразложимые элементы, и в том числе идиоматические сочетания.

Замечания о классах элементарных синтаксических единиц и их системных взаимоотношениях

Традиционно принято классифицировать слова с грамматической точки зрения по так называемым „частям речи“. При обычном понимании морфологии как грамматического учения о слове части речи изучаются именно в этом разделе.

Здесь не место вдаваться в вопросы истории возникновения и дальнейших изменений классификации слов по частям речи; эти вопросы тщательно изучены и с достаточной подробностью изложены в трудах по истории языкознания⁴⁶.

Важно другое: традиционная классификация подвергается критике лингвистами различных направлений и масштабов; ее находят неадекватной, порою и вовсе негодной. Критика, если не считать крайних мнений, согласно которым вообще отрицается возможность какой-либо рациональной грамматической классификации,⁴⁷ сводится к следующему:

1) Классификация частей речи возникла и первоначально развивалась на основе изучения строя языков античной древности, сначала греческого, затем латыни; возможно, она приложима в известной степени к этим языкам и к языкам аналогичного строя, но ее не следует механически распространять на новые языки Европы, разнящиеся от древних строевыми особенностями, в том числе количеством и характером частей речи. Тем более не следует ее применять к языкам „экзотического“ типа (например, северо-

(американским), строй которых в корне отличается от строя языков так называемого SAE— „среднеевропейского стандарта“⁴⁸.

В принципе приемлемость традиционной классификации с этой точки зрения сомнений не вызывает; требуют лишь конкретного подхода при описании различных языков и языковых семей, „адаптации“ классификационных схем к их строевым особенностям. Иногда даже полагают, что в каждом языке существует своя система частей речи и требуется специфическая классификационная схема⁴⁹.

Положительная сторона данного подхода состоит, очевидно, в акцентировании своеобразия строя каждого языка и признании недопустимости некритического переноса категорий, установленных для одного языка, на другой. Однако с другой стороны, здесь ставится под сомнение наличие общелингвистических характеристик частей речи, охватывающих все языки,— то есть общелингвистическая природа категории частей речи.

2) Более углубленная критика приводит к заключению, что традиционная классификация не применима не только к новым или экзотическим языкам, но и к любым языкам (в том числе, конечно, к тем, на базе которых она возникла)— к языку вообще.

Создание классификации по частям речи древними грамматиками знаменовало для своего времени значительный прогресс. Древние распознали определенные грамматические особенности своих языков, а главное— самый факт наличия в языке грамматически дифференцированных элементов. Однако нельзя упускать из виду, что речь идет о времени, когда лингвистика, блуждая в потемках, делала свои первые шаги; античная система частей речи сложилась в известной мере случайно— под давлением самых неоднородных факторов теоретического и практического характера, начиная от потребности логического анализа суждения и кончая потребностью обучения красноречию⁵⁰.

Отсюда непоследовательность этой системы; затруднения при попытках ее конкретного применения к фактам. В позднейшие эпохи внутренняя противоречивость классификации только углублялась в результате попыток искус-

ственной систематизации, схематизации, детализации, нагромождения новых точек зрения, критериев, интерпретаций...

Хотя школьная традиция разных стран и народов упорно придерживается старых схем и принципов, модифицируя и адаптируя их лишь в деталях, однако унаследованная от древних классификация частей речи кажется сегодня устаревшей и нуждается в пересмотре, начиная с самых основ. Трудно представить нечто более противоречащее духу современной науки, чем эта классификация, нарушающая логические требования, предъявляемые ко всякому научно приемлемому распределению материала.

В числе недостатков традиционной классификации обычно отмечают, что она основывается на случайных, эмпирически подобранных предпосылках; нечетко осознаются ее объект и цель. При классификации базируются на различных признаках, ни один из которых не рассматривается достаточно последовательно; не устанавливается относительная ценность этих признаков, в результате чего имеет место смешение и смещение уровней классифицируемых явлений, эклектически сочетаются разнородные критерии без соблюдения их иерархии, в конечном счете — искажается картина этой стороны языковой реальности⁵¹.

Не принимают во внимание тот факт, что речь идет о лингвистической классификации языковых элементов, требующей специально лингвистического подхода и критериев; привносятся экстралингвистические моменты, прежде всего, моменты логического порядка.

В пределах собственно лингвистических делений на первый план выдвигаются как равноценные то семантические, то функциональные, то формальные, то позиционные критерии. Остается невыясненным, **какие именно** единицы — части речи: семантические, синтаксические, морфологические, а если они наделены всеми этими характеристиками, то которые из них следует считать решающими, которые — второстепенными.

Порочность такого подхода со всей очевидностью явствует при рассмотрении обычных школьных определений частей речи, а также традиционной терминологии..

Тут встречаем слова, называющие предметы— существительные (семантический критерий), замещающие названия— местоимения (критерий анафорической функции в речи), употребляющиеся с глаголом— наречие, *adverbium*, или с существительным— прилагательное (критерий синтаксической функции), предшествующие другим словам— предлог (позиционный критерий) и т. д.; с другой стороны, встречаем слова склоняемые, спрягаемые, неизменяемые (критерий формы).

Нередко часть речи определяется сразу с нескольких точек зрения (например, существительные часто квалифицируются как слова, обозначающие предмет, имеющие категории падежа, рода, числа, склоняющиеся; глаголы— как слова, обозначающие действие, спрягающиеся и т. п.). Но, во-первых, такая комбинация критериев применяется не систематически, во-вторых, обычно комбинируются не все возможные критерии, в-третьих, не устанавливается их относительная важность.

Когда переходят к конкретному приложению схем, курьезы также изобилуют. Слова, которые не попадают ни в одну рубрику или попадают сразу в несколько, классифицируются как попало. Таким именно образом слова типа „да" и „нет" во многих системах оказываются наречиями, хотя не подчиняются глаголам и не выступают в качестве обстоятельств. В одну группу объединяются полнозначные наречные слова и слова типа „более“, „менее“ („интенсификаторы“, по термину Ч. Фриза), выполняющие служебную роль показателей степеней сравнения прилагательных и наречий.

Самый термин „части речи" вызывает возражения, поскольку может создать видимость, будто это— категории не языкового, а речевого порядка. Термин „части речи"— создание грамматистов древнего мира. Он возник в связи с тем, что первоначально типы слов выделялись именно из речевых образований, по синтактико-логическому принципу (по функции в высказывании, понимаемом как выражение логического суждения).

Если термин „речь" брать в сосюрловском понимании, то к так называемым „частям речи" представляется более

логичным применять термин „части языка“⁵², поскольку имеем здесь дело с дифференциацией элементов в языковом сознании, то есть нечто вне- и доречевое. Так, существительное — величина языковая, перманентно пребывающая в языковом сознании и лишь реализуемая в речи. Термин же „часть речи“ применим с этой точки зрения скорее к члену предложения как конкретной речевой единице⁵³.

Имея в виду неадекватность традиционного термина, многие современные лингвисты предпочитают обозначение „классы (или виды) слов“⁵⁴, на первый взгляд более приемлемое. Однако, с одной стороны, в качестве „частей речи“ могут выступать не только отдельные слова, но и их категориально-функциональные эквиваленты, образованные из сцепления двух и более слов и даже целых предложений. С другой стороны, так называемые служебные слова не образуют „частей речи“ в строгом смысле слова. Поэтому термин „классы слов“ является неточным, как и термин блумфилдовской школы „формальные классы“, отражающий внешне-формальный подход к классификации.

Интерпретируя термин „речь“ в смысле, придаваемом ему М. Абегином (*խոսք*, „речение“, то есть отдельное законченное высказывание)⁵⁵, другими словами, возвращаясь фактически к одному из первоначальных смыслов этого термина, нельзя не признать также за термином „части речи“ известных преимуществ.

В таком понимании термин отражает, по крайней мере, синтаксическую природу данной категории, ибо „части речи“ — это действительно классы языковых единиц, лежащие в основе построения синтаксических — структурных комбинаций, в конечном счете — высказывания, „речи“. Кроме того, термин „части речи“ имеет преимущество некоторой неопределенности, ибо может быть соотнесен не только с отдельным словом, но и с всевозможными его эквивалентами.

Уточнение термина не дает еще ответа на важнейший вопрос, к рассмотрению которого мы переходим: что такое „части речи“, как следует определить эту категорию.

Уточнение этого понятия— необходимое предварительное условие постановки вопроса классификации по частям речи. Общепринятая классификация характеризуется как раз нечетким осознанием своего объекта.

Обычно в грамматике аксиоматически принимается определение частей речи как **грамматических разрядов слов**. Часть речи понимается как слово, рассмотренное с грамматической точки зрения. Объектом классификации по частям речи считаются слова, а целью — установление их грамматической дифференцированности.

Однако отмеченное выше отсутствие у категории слова грамматической определенности делает принципиально невозможной какую-либо последовательную всеохватывающую классификацию слов, и попытка таковой может оказаться лишь приближенной, допустимой лишь в качестве первого шага исследования, либо в целях методического удобства изложения (см. выше о делении слов на полные и пустые, самостоятельные и несамостоятельные, изменяемые и неизменяемые).

Критерии грамматического значения, функции, формы было бы рациональнее применить не к словам, а к другим величинам, к категории, обладающей менее расплывчатыми грамматическими границами. Отсюда необходимость внести коррективу в традиционное понимание „частей речи“. Если понятие „части речи“, то есть классы синтаксических элементов, из которых образуются группы и фразы и строится речь, коррелирует с определенными языковыми реалиями, то это, во всяком случае, не слова и не классы слов. Представляется более целесообразным рассмотрение в качестве частей речи **классов грамматически оформленных семантем и их комплексов**, то есть **классов элементарных синтаксических единиц и их эквивалентов** в данной выше интерпретации.

Поэтому лишь те типы полных слов могут быть непосредственно отнесены к той или иной части речи, которые сами по себе оформлены до степеней репрезентатора элементарных синтаксических единиц (так, лат. *ventus*, русск. „ветер“, арм. *քամի* или *քամիի* оформлены как существительные). Напротив, полные слова, не репрезенти-

ругошие элементарных синтаксических единиц, а также пустые слова любого типа, взятые отдельно, не относимы к какой-либо части речи. Так, англ. *wind*, франц. *vent* сами по себе не являются существительными; с другой стороны, не составляет особой части речи также артикль. К категории существительного возможно отнести лишь сочетание этих слов-корней с артиклем (в том числе, с его нулевой формой), то есть некий аналитический эквивалент соответствующего латинского или русского полного слова: *the wind*, *le vent*. Это означает, между прочим, что артикль не представляет собой особой части речи, а является неотъемлемой частью существительного, как и его окончания, как артикль в армянском, представленный флективно. Точно так же не составляют отдельных частей речи служебные глаголы и показатели степеней сравнения, входящие соответственно: первые в состав глагола, вторые — прилагательного или наречия. Предлоги являются неотъемлемой частью тех частей речи, в которые они преобразуют существительные, подчинительные союзы — частью придаточных предложений, связочные глаголы — частью эквивалентов глагола, образованных из именных частей речи.

Внеся эти уточнения, можно перейти к рассмотрению вопроса классификации элементарных синтаксических единиц по „частям речи“ — вопросу, в освещение которого вклад структуральной лингвистики весьма значителен.

При классификации элементарных синтаксических единиц можно брать за основу их различные признаки — грамматическое значение, функции, форму (позиционный критерий здесь не рассматривается, ибо относится к линейному плану). Именно из этих признаков исходит традиционная классификация по частям речи, с той разницей, что классификации подвергаются слова как таковые, притом без соблюдения строгой последовательности в применении критериев (см. выше).

Так, с точки зрения категориального значения можно было бы выделить класс элементарных синтаксических единиц со значением „субстанции“ (включающий традиционные существительные, в том числе, местоименные),

класс с категориальным значением „процесса" (традиционные личные глаголы), класс „признака субстанции" (прилагательные— простые и местоименные, а также числительные в присубстантивном употреблении), класс с категориальным значением „признака процесса" или „признака признака" (в целом соответствующий наречиям).

С точки зрения синтаксической функции (валентности, комбинаторным способностям) отмеченные классы распределяются следующим образом: во-первых, каждый из них является управляющим термином соответствующей синтаксической группы (так, глагол функционирует как центр глагольной группы в „умерьте притязания"); во-вторых, они могут быть управляемыми терминами групп: существительное объектом или субъектом, наречие— обстоятельством в глагольной группе, прилагательное— определением в субстантивной группе и т. п. (в том же примере существительное „притязания"— управляемый член группы, объект)⁸⁶.

Что же касается внешнего оформления этих классов и присущих им частных категорий, образующихся на основе морфемных противопоставлений (род, время и т. д.), то они обусловлены главным образом строевыми особенностями данного языка, и поэтому здесь подробно не рассматриваются.

Возможность трех отмеченных подходов при классификации элементарных синтаксических единиц проистекает из объективного наличия в них этих трех признаков, трех аспектов. Все три типа классификации имеют определенную ценность, поскольку опираются на реально существующие уровни изучаемых явлений. Все они по-своему последовательны, поскольку на протяжении всей классификации в каждом случае критерий остается постоянным; тем самым удовлетворяется одно из требований строго научной классификации. В целях заострения внимания на изучении какой-либо одной из отмеченных сторон такое распределение материала вполне допустимо и даже неизбежно.

Тем не менее, отмеченные подходы являются односторонними, ибо в каждом случае в поле зрения находится

лишь один аспект категории частей речи, но целое ускользает. Между тем, полная, всесторонняя классификация возможна лишь в случае комбинирования этих подходов, одновременного учета моментов значения, функции и формы.

Попытка комбинированной классификации таит одну из опасностей, которую не учитывала традиция: эклектического, механического амальгамирования критериев. При классификации явлений сразу по нескольким признакам выдвигается другое требование: учет объективной иерархии признаков, одни из которых, как более фундаментальные, дают основание для первоначального деления на классы, другие же, дополнительные, лежат в основе выделения подклассов внутри установленных уже основных классов. Только в этом случае можно охватить целое и, вместе с тем, установить подлинное место каждого аспекта в иерархии уровней языка.

Как разрешается вопрос иерархии языковых признаков, на основе которых производится классификация по частям речи? Прежде всего, в частях речи, как и в других лингвистических категориях не-фонологического плана, следует различать два уровня: внутренний уровень (содержание) и внешний уровень (выражение)⁵⁷. Уровень выражения в данном случае — морфемный, или морфологический (морфемы, их сцепления). Уровень грамматического содержания (в широком смысле: „все, что не относится к выражению“) подвержен в свою очередь дихотомии: категории (значение) / функции (употребление)⁵⁸.

Между внутренним и внешним уровнями нет того параллелизма, который постулируется глоссематикой. Внешняя сторона создается и существует для репрезентации (выражения) внутренней и осмысливается на фоне последней. Внутренняя сторона реализуется во внешней, но адекватно может и должна быть изучена до и независимо от внешней стороны.

Действительно: 1) Отнюдь не необходимо, чтобы факты внутреннего уровня как-то выступали на внешнем уровне: наличие грамматического значения и функции не обязательно влечет за собой наличие внешнего морфемного

выражения. В арм. *շատ բարձր* „очень добрый“ наречное значение и функция первого слова, адъективное— второго выступают с абсолютной недвусмысленностью, хотя эти значения и функции внешне (морфемно) никак не обозначены, причем здесь не приходится говорить даже о „нулевом“ обозначении. По мнению некоторых лингвистов, наличие „необозначенных связей“ составляет одну из фундаментальных черт языка⁵⁹. В приведенном примере морфемный план как бы нейтрализуется, и грамматические значения (функции) слов вытекают непосредственно из их лексического значения и отношения.

2) Даже в случае, когда морфемное обозначение на лично, оно далеко не всегда однозначно соответствует выражаемому содержанию. Одно и то же грамматическое значение (или функция) может быть выражено различными морфемными показателями: так, функция существительного может обозначаться одновременно предлогом, окончанием, а также внутренней флексией, ударением (в сочетании „поехать на воды“ имеем все эти способы). С другой стороны, один и тот же показатель может иметь различное функциональное содержание; характерный пример— совпадение относительного и вопросительного местоимения, иногда и союза во многих индоевропейских языках (напр., франц. *que* выполняет все эти функции). Все это— обычные случаи грамматической омонимии и синонимии, которые отражены в известном принципе „асимметрического дуализма лингвистического знака“, выдвинутом С. Карцевским⁶⁰.

Именно отсутствие параллелизма между грамматическим содержанием и формой (выражением) приводит к отмечавшемуся выше несовпадению классификаций на этих двух уровнях.

При формалистическом подходе, когда морфологические показатели используются не только как источник информации о грамматических значениях и функциях, но и как основа для первичного деления материала, существенные грамматические связи вуалируются, акцентируются несущественные. Так, грамматически столь разнородные категории, как существительное и прилагательное в русском,

объединяются на основе общего формального признака — склоняемости (в древности именно эта общность послужила основанием того, что эти разряды в грамматике недифференцированно фигурировали под общей рубрикой „имен“). • • Точно так же в армянском можно было бы объединить прилагательное и наречие на основе формального признака неизменяемости. С другой стороны, формальный подход приводил, как известно, к тому, что несклоняемые существительные в русском (типа „пальто“) отделялись от обычных существительных и относились к тому же разряду, что слова неизменяемые — наречия и др.

Напротив, исходя при классификации из более существенных признаков, этих противоречий можно избежать. Поэтому, когда перед классификацией ставится не какая-нибудь частная задача, а более общая цель адекватного отражения группировки элементов в языковом сознании, исходным пунктом ее должен явиться внутренний аспект — самые категории и функции, а не внешнее обозначение тех и других. Именно на основе категориально-функционального критерия выделяются общелингвистические **классы** („части речи“ в широком смысле), тогда как морфологические критерии дают возможность выделять формальные подклассы в данном языке (скажем, склоняемые и несклоняемые существительные в русском языке).

Остается рассмотреть относительную ценность двух прочих критериев и соответствующих классификаций — по категориальному значению и по функции.

Выше уже говорилось о взаимной обусловленности парадигматических и синтагматических свойств синтаксических единиц, их категориального значения и функционирования в синтаксических комбинациях. Отмечалось, что идентификация этих единиц, их объединение в классы невозможно без учета их дистрибутивных, валентных свойств — комбинаторной потенции; отмечалось также, что комбинаторная потенция в свою очередь обусловлена грамматическим содержанием этих единиц, их категориальным значением как представителей определенного класса (части речи). Однако наличие этой взаимной обусловленности — факт далеко не общепризнанный.

Вопрос соотношения категорий и функций — один из самых актуальных и, вместе с тем, трудных вопросов, стоящих перед современной, особенно структуральной лингвистикой. В истории лингвистики были попытки классифицировать части речи только на основе учета значения („логицизм", нашедший весьма своеобразное преломление в классификации частей речи В. Брёндалем) или только по функции („функционализм", характерный, например, для ранних трудов М. Абеяна). Убежденный защитник логического подхода В. Брёндаль резко критикует функциональную точку зрения на том основании, что каждая часть речи обладает множеством функций, почему и четкая их функциональная дифференциация невозможна⁶¹. Брёндалью возражали, указывая, что функциональный критерий имеет существенно лингвистическую природу, тогда как предпочитаемый им логический подход привносит экстралингвистические моменты⁶². Некоторые ответвления современного структурализма ищут чисто функциональных, дистрибутивных основ классификации грамматических единиц и стремятся полностью избежать семантических определений.⁶³

Однако наряду с этим в структуральной лингвистике налична другая тенденция — разумного синтеза функциональной и семантической точек зрения; ищут путей для установления подлинного соотношения этих двух критериев и удельного веса каждого из них в классификации⁶⁴.

На первый взгляд семантический критерий классификации действительно является неприемлемым. Так, определяя существительное по признаку значения „предметности" (субстанции), представляется невозможным охватить слова типа „бег", обозначающие действие, или „голубизна", обозначающие признак, хотя интуитивно те и другие воспринимаются как явные существительные (что подтверждается также применением к ним функционального и формального анализа). Особенно затруднительно установление грамматического значения расширенных эквивалентов элементарных синтаксических единиц — придаточных предложений и т. п. Представляется неизбежным расширение семантического диапазона каждой части речи; се-

мантические грани между ними оказываются расплывчатыми до такой степени, что какая-либо разумная классификация с этой точки зрения оказывается невозможной. Самые критерии „предметного“, „процессуального“ и т. п. значения кажутся лишенными солидной лингвистической базы, привнесенными произвольно.

Функционально-дистрибутивный анализ, учитывающий позицию части речи в высказывании, гарантирует строгую лингвистичность получаемых результатов. Так, слова типа „голубизна“, „бег“ входят с этой точки зрения в тот же класс, что и „нормальное“ (действительно обозначающее предмет) существительное типа „камень“, поскольку в целом характеризуются той же дистрибуцией в синтаксических комбинациях. К таким результатам приходят без каких-либо специальных экскурсов в область значения, и тем не менее, эти результаты всецело совпадают с интуитивным восприятием; при этом традиционные названия частей речи сохраняются лишь условно, а часто заменяются буквенными или цифровыми обозначениями (Фриз, Хэррис). Функциональная классификация расширенных эквивалентов элементарных синтаксических единиц также не вызывает особых затруднений. Так, в сложном предложении „я знаю, город будет“ придаточное „город будет“ занимает позицию, которую могут занимать слова типа „камень“, „бег“, „голубизна“ (в данном случае, позицию прямого дополнения), поэтому оно должно быть отнесено к тому же функциональному классу. Оказывается, что традиционное языкознание нередко интуитивно верно выделяло функциональные классы, которым без всякой последовательности давало семантические названия и определения⁶⁵

Однако функциональный критерий, весьма объективный, является, по мнению ряда лингвистов, столь же неопределенным, сколь и критерий значения. Существительное, например, может выступать в предложении в самых различных позициях, функционировать как подлежащее и дополнение, определение и обстоятельство. То же относится и к другим частям речи. Выделенные с помощью дистрибутивного анализа функциональные классы представ-

ляются столь же расплывчатыми и нечетко разграниченными, как и классы семантические.

Однако внимательное рассмотрение показывает, что недостатки, о которых шла речь, присущи не критериям значения и функции как таковым, а скорее определенному способу их применения.

Аргументация, направленная против применения критерия значения при классификации частей речи, является обоснованной, если в качестве критерия принимается лексическое (а также логическое, психологическое, т. е. экстралингвистическое) значение классифицируемых единиц. Лексические значения единиц, относящихся к каждой данной части речи, действительно характеризуются известной неоднородностью. Однако эта аргументация отпадает, когда в основу классификации кладется доминирующее грамматическое, синтаксическое, собственно категориальное значение части речи, которое является весьма четко очерченным. Так, если лексически — по значению основы — одни существительные являются названиями предметов, другие абстрактных понятий, третьи — процессов или признаков, то грамматически любое существительное всегда обозначает субстанцию, нечто предметное, наделенное объективно или наделяемое посредством языкового употребления свойством независимого существования. Поэтому можно различать два класса существительных: а) первичные существительные, то есть существительные в собственном значении слова; в них лексическое и грамматическое значения совпадают (это — существительные типа „камень“, буквально обозначающие предмет); б) вторичные, несобственные существительные, в которых наблюдается расхождение между категориальным значением предмета и лексическим значением процесса, признака и т. д. (существительные типа „бег“, „голубизна“). Важно иметь в виду, что вторичные существительные являются производными от других частей речи („бег“ — отглагольное, „голубизна“ — отадекативное существительное) и сохраняют в семантике своей основы след происхождения из этих частей речи (так, существительное „бег“ сохраняет процессуальный оттенок, присущий глаголу „бежать“, из ко-

торого возникло). Другими словами, это существительные, в которых еще ощущается их „транслированность“, или „транспонированность“ из других классов. Придаточное предложение типа „я знаю, **город будет**“ также является придаточным субстантивным, ибо его предикативное содержание мыслится здесь как обладающее предметным бытием или, пользуясь выражением А. А. Шахматова, как претворенное в „независимое представление“⁶⁶.

Четко ограничено категориальное значение также других классов элементарных синтаксических единиц и их эквивалентов. По отношению к этим классам также следует проводить определенную дифференциацию: так, существуют глаголы «первичные (глаголы и с лексической, и с грамматической точки зрения, обозначающие процессы в собственном смысле— типа „иду“) и глаголы производные, с категориальным значением процесса, но с лексическим оттенком предмета или признака, выраженным в основе (отыменные глаголы: „каменеть“, „голубеть“ и т. п.); первичные прилагательные („голубой“) и прилагательные производные („каменный“, „бегущий“, „здешний“); первичные и производные наречия (ср. „здесь“, но „идя“, „каменея“ и т. д.). Ср. также категориальное значение признака у придаточного адъективного: „Человек/ **который смеется**“ или значение признака процесса у придаточного адвербиального: „**Если будешь молчать, поступишь неплохо**“.

Поскольку производится грамматическая классификация, в ее основу должны быть положены именно четко выраженные категориальные значения, а не расплывчатые лексические значения. Классы элементарных синтаксических единиц и их эквивалентов суть, прежде всего, классы, выделяемые на основе их синтаксического-категориального содержания (синтаксических значений субстанции, процесса, признака)⁶⁷.

Аналогичным образом решается вопрос применения функционального критерия. В противоположность Брэндалю, некоторые лингвисты подчеркивали неравноценность различных функций частей речи. Так, Г. Слотти различал первичные и вторичные синтаксические функции частей речи. Первичными для существительного являются функ-

ции подлежащего и дополнения, для глагола — функция сказуемого, для прилагательного — функция определения и т. д. Функциональная характеристика частей речи сочетается у Слотти с характеристикой семантической⁶⁸.

Развивая эту точку зрения, Е. Курилович замечает: „...между различными синтаксическими функциями одной части речи существует иерархия и для каждой части речи имеется основная (исходная), или первичная синтаксическая функция”. Первичные функции „вытекают из лексических значений частей речи и представляют собой своего рода транспозицию “этих значений”⁶⁹. Отклонение от первичной функции возможно, по мнению Куриловича, при синтаксической деривации; такое отклонение мотивировано и маркировано.

В свете подобных высказываний становится очевидной необоснованность положения Брёндаля о полной функциональной недифференцированности частей речи. Однако различие Е. Куриловичем первичных и вторичных функций частей речи также представляется недостаточно обоснованным.

Части речи не могут выполнять так называемые вторичные функции без соответствующего категориального преобразования, которое является необходимым предварительным условием функционального преобразования. „Вторичные” функции присущи данной части речи в качестве преобразованной в другую часть речи, для которой эти функции являются основными. Следовательно, они вообще не являются функциями преобразованной части речи как таковой.

Существительное, выступающее в функции определения (типа „дом **пастуха**”) или обстоятельства („люди вышли на площадь”), не является уже, собственно говоря, существительным, а — соответственно — прилагательным или наречием. Кажущееся несоответствие функции значению — когда существительное функционирует как определение или обстоятельство, глагол (в неличной форме) — как субъект или объект (инфинитив), определение (причастие), обстоятельство (деепричастие); придаточное предложение — как дополнение, определение, обстоятельство и т. п., —

иллюзия, обусловленная тем же смешением лексического и грамматического уровней. Существительное в функции определения является на деле существительным лишь по лексическому значению основы, возможно, по форме (если оно сохраняет падежное или предложное оформление); так, форма „пастуха" имеет лексический оттенок предметности, выступает с падежным оформлением, присущим вообще существительному. Но **синтаксически** это уже прилагательное, и не только по функции (атрибутивной), но и по категориальному значению (форма „пастуха" грамматически обозначает **признак** существительного). Рассмотренная форма является полноценным синтаксическим эквивалентом прилагательного и может быть замещена без нарушения грамматической (но не обязательно лексической) правильности фразы относительным прилагательным („пастуший дом") или даже прилагательным первообразным („белый дом"). Родительный падеж чаще всего является как раз „адъективным" падежом существительного — знаком его транслированности в класс прилагательных; некоторые другие косвенные падежи являются его „адвербиальными" падежами, транслирующими его в наречие. Ту же роль играют многие предложные конструкции в аналитических языках (ср. *maison du berger, entrer dans la maison*)⁷⁰.

Не останавливаясь детально на других случаях преобразования классов элементарных синтаксических единиц и их эквивалентов, можем констатировать существование **однозначного соответствия** между категориальным значением этих классов и их синтаксическим употреблением. Например, существительное как часть речи со значением субстанции характеризуется функциями участника действия (субъекта, объекта) в качестве подчиненного термина группы, а в качестве термина подчиняющего оно является носителем признака. И обратно, единица, функционирующая в предложении как участник действия или носитель признака, — это необходимо существительное. Такое же соответствие наблюдается между значением признака у прилагательного и его атрибутивной функцией, между обстоятельственным значением и функцией наречия, между процессуальным значением глагола и его функцией управляю-

шего термина глагольной группы (см. выше о соотношении категорий и функций в системе Л. Теньера). Всякое различие в грамматическом употреблении частей речи естественно проистекает из различия в их грамматическом значении, всякое различие в значении проявляется в особенностях употребления.

Однозначное соответствие грамматического значения и функции частей речи имеет довольно простое экстра-Лингвистическое основание. Если существительное по грамматическому значению — название предмета, то функционально оно обозначает также нечто воздействующее и претерпевающее воздействие, то есть опять-таки предмет⁷¹. Слово со значением предмета по определению должно быть во фразе субъектом или объектом, и обратно. Один и тот же элемент с точки зрения значения является названием предмета, с точки зрения функции — субъектом или объектом. Прилагательное функционирует как определение именно потому, что обозначает признак определяемого существительного, и обратно и т. п.

Поскольку грамматическое значение и функция однозначно соответствуют друг другу, классификации, основанные на этих критериях, являются изоморфными. Классы элементарных синтаксических единиц и их эквивалентов, выделяемые на основе критерия категориального значения, тождественны с их классами, выделяемыми на основе критерия функционального. Можно сказать, что здесь имеем не различные классификации, а одну и ту же классификацию, производимую с разных точек зрения. Отвлекаясь от лексических оттенков и от многообразия морфологического выражения, можно проводить классификацию, исходя из доминирующего категориального значения части речи и из соответствующей функции. „Если нам удастся найти категориальную валентность, являющуюся в то же время категориальным значением, то это будет означать, что мы нашли категориальные значения, существование которых выявляется не только из изучения значений, но и употребления слов”⁷².

Имея в виду, что таким образом интерпретируемое грамматическое значение всегда соотносится с какой-то

функцией можно утверждать, что при этой классификации не привносятся какие-либо экстралингвистические, логические элементы; функция есть нечто существенно внутриязыковое (поскольку речь идет о функции единиц в языковых образованиях), поэтому выступающее при функционировании части речи значение не может не быть также языковым.

Выше говорилось о том, что значение и функция частей речи связаны специфическим образом. С одной стороны, значение составляет основу употребления, а с другой — именно наличие четко ограниченного круга употреблений данной части речи позволяет выделить соответствующую область значения как грамматическую.

Мысль о взаимосвязи и взаимозависимости значения и функции частей речи настойчиво подчеркивалась на Парижском конгрессе лингвистов, она развивалась в трудах А. Мартине, Е. Куриловича и др. Так, Курилович замечает: "... поддержание элемента... является лишь как бы конденсацией употреблений этого элемента... Содержание обусловлено сферой употребления, но не наоборот"⁷³. В соответствии с принципами структурализма, Курилович акцентирует лишь зависимость значения от употребления, не уточняя природу этой зависимости и не упоминая о существовании обратной зависимости. Между тем, значение дано синтаксическому элементу само по себе не вытекает из употребления; значение обусловлено в конечном счете не функционированием элемента во фразе, а экстралингвистическими факторами⁷⁴. Однако, как отмечалось выше, значение выступает как собственно лингвистическое, грамматическое только потому, что проявляется в употреблении.

Именно поэтому категориальное значение классов элементарных синтаксических единиц и их эквивалентов можно охарактеризовать как функциональное, дистрибутивное, валентное, одним словом, как их **дифференциальное синтаксическое значение**, а носителей этого значения — "частей речи" — как **синтаксические классы**.

Активная роль употребления синтаксических элементов в формировании их категориального значения позволила

современному структурализму выработать метод, с помощью которого возможно объективно выделять и группировать части речи: дистрибутивный метод, учитывающий позицию элемента в синтаксических комбинациях (под „позицией" в данном случае подразумевается не положение на линейной оси, а распределение в синтаксических структурах).

Определенные направления структурализма стали придавать позиционному анализу самодовлеющую ценность, не учитывая корреляции между функцией и значением лингвистических элементов (см. выше). Между тем, особенно важным представляется то обстоятельство, что дистрибутивный метод дает возможность объективно ограничить категориальное **содержание** этих элементов, в том числе частей речи.

Отвлечшись от оттенков лексического значения и морфологических модификаций, принимая за основу категориальное значение и синтаксическую функцию, можно дать следующую схему классов элементарных синтаксических единиц и их эквивалентов:

S V A Adv

Приведенная общая схема частей речи проста; к ней приходили разными путями многие лингвисты, которые осознавали, что, во избежание логизации и морфологизации синтаксиса, необходимо опираться при классификации частей речи на категориально-функциональные, то есть собственно синтаксические признаки и критерии. Эту схему считали возможным постулировать, в частности, для индоевропейских языков⁷⁵.

На основании этой схемы можно исчислить также возможные преобразования классов элементарных синтаксических единиц и их эквивалентов, отражающие системные взаимоотношения этих классов. Простейшие из этих преобразований таковы:

а) субстантивация: $A > S$, $Adv > S$, $V > S$

б) адъективация: $S > A$, $Adv > A$, $V > A$

в) адвербиализация: $S > Adv$, $A > Adv$, $V > Adv$ ⁷⁶.

В данной схеме не отмечены некоторые из разрядов слов, традиционно рассматривавшиеся как отдельные части речи⁷⁷.

1) **Служебные** слова (предлоги, союзы, вспомогательные глаголы, артикли) не нашли места в данной классификации потому, что они являются не синтаксическими, а морфологическими единицами — „автономными морфемами“, указывающими, изменяющими категории и функции полных слов, либо связующими их (см. деление пустых слов у Л. Теньера на показатели, транслятивы и юнктивы). Таким образом, служебные слова **не являются отдельными частями речи**, а представляют компоненты соответствующих частей речи, включаются в них.

2) Междометия исключены из схемы, поскольку они являются „неструктурными“ элементами языка, недифференцированными эквивалентами фраз и тем самым отличаются от обычных синтаксических единиц. В эту же группу попадают, вместе с междометиями, слова типа „да“, „нет“, также образующие законченные фразы. Иногда все эти слова выделяются в особый класс „слов-фраз“⁷⁸.

3) Местоимения отсутствуют в схеме по совершенно иным основаниям. Во-первых, возражения нередко вызывал термин „местоимение“, то есть слово,-замещающее имя. Действительно, эта анафорическая функция присуща лишь части традиционных местоимений (личному местоимению третьего лица, относительным местоимениям, указательным и притяжательным существительным и прилагательным). Но личные местоимения первого и второго лица, вопросительные местоимения и некоторые другие виды местоимений анафорической функции никогда не выполняют и ничего не замещают; применять к ним термин „местоимение“ представляется нецелесообразным.

Во-вторых, выделение местоимений в особый класс при категориально-функциональном подходе оказывается излишним. Действительно, одно из оснований для выделения местоимений — их морфологическое своеобразие. В ряде языков местоимения имеют особый тип склонения, характеризуются наличием супплетивных форм. Однако эти

особенности присущи обычно лишь части местоименных слов (так, в армянском и в русском языках есть типы местоименных слов с обычным субстантивным склонением); следовательно, нельзя на их основании выделять в особый класс эти слова, рассматриваемые в качестве местоимений. С другой стороны, морфологические особенности сами по себе, как было отмечено, не могут служить основанием для выделения синтаксических классов, каковыми являются части речи. Формальный критерий здесь вообще не применим.

С точки зрения грамматического значения так называемые местоименные слова также неоднородны: одни из них ("они" означают, подобно существительным, субстанцию (это так называемые местоименные существительные), другие, например "подобие прилагательных", — признак (местоименные прилагательные); группа местоименных наречий обозначает различные обстоятельственные оттенки. Функции, выполняемые этими словами, определяются соответствующими грамматическими значениями и, следовательно, столь же разнородны.

Слова и обороты, которые традиция объединяет под рубрику "местоимений", на деле представляют ряд грамматических групп, каждая из которых входит в качестве подкласса в соответствующий класс — в какую-либо полнозначную часть речи: так, различаются "местоименные" существительные, "местоименные" прилагательные, "местоименные" наречия.

Эти подклассы характеризуются важной грамматической особенностью: это — общие слова, в которых категориальное значение соответствующей части речи выступает в чистом виде, то есть слова, представляющие данный класс в целом. Так, любое местоименное существительное обозначает не какой-либо частный вид или единичное воплощение категории субстанции, а субстанцию вообще — как родовое понятие. При этом различные виды местоименных слов могут выражать дополнительные оттенки лица или предмета, указания, вопроса, отрицания и т. д. В местоименных словах эти оттенки выступают, как правило, как оттенки категориальные — грамматические и соответствуют

той или иной частной категории, присущей данной части речи. Так, различие в значении местоимений „кто” и „что” имеет не чисто лексический, а грамматический характер (первое представляет грамматическую категорию одушевленности существительного, второе — категорию неодушевленности). Находясь в отношении дополнительной дистрибуции, эти местоимения могут быть рассмотрены не как разные слова, а как разные грамматические формы одного и того же слова.

Каждое местоименное слово образует как бы оправу, в которую обрамляются все конкретные единицы данного класса, образующие открытое, множество.

Это обстоятельство отражено в определении значения местоимений как „частеречного”⁷⁹. Лексическое значение каждого местоименного слова совпадает с категориальным значением соответствующего класса в целом. Однако именно эта особенность местоимений тесно связывает их с другими единицами соответствующей части речи, превращает их в своеобразные общие категориальные (и функциональные) корреляты данной части речи с присущими ей частными категориями⁸⁰.

Существование местоименных слов, коррелирующих по грамматическому значению и функции с целыми частями речи, является весьма твердой опорой для классификации прочих элементарных единиц, а также их расширенных эквивалентов. Такая классификация была бы основана на учете не синтагматической, а парадигматической „дистрибуции” синтаксических единиц — распределения по отношению к коррелирующим с ними местоименным словам. Этот принцип неосознанно используется в школьном преподавании при анализе предложений — в виде вопросов, определяющих значение, и роль слов каждой части речи. Действительно, удобно исходить, например, из вопросительных местоименных слов (существительных, прилагательных, наречий). Так, все элементарные и неэлементарные представители класса существительных легко объединяются по признаку корреляции с вопросительными местоимениями „кто” и „что”, так как эти два местоименных слова объединяют в себе все возможные значения всех

конкретных существительных. Например, с местоимением „кто“ коррелируют любые конкретные одушевленные существительные в функции субъекта: репрезентированные одним полным словом („человек"), аналитической формой (ср. англ. the man), идиоматическим оборотом („пропащий человек"), а также субъектным придаточным предложением: (типа франц. Qui dort dîne). То же самое местоимение коррелирует с определенным типом сочинительными г: подчинительными комбинациями (ср. „человек и природа"; „бедный человек"). В таком же отношении находится местоимение „что" к ,неодушевленным существительным и их всевозможным эквивалентам и т. п. Точно так же прилагательные могут рассматриваться как элементы, с которыми коррелирует местоименное прилагательное „какой", наречия— как элементы, с которыми коррелируют местоименные наречия „где", „когда" и т. п. Употребление местоименных коррелятов позволяет также установить класс транслированных элементов: так, существительные, транслированные из других частей речи, соотносимы с теми же местоименными словами, что и обычные существительные. Слово „больной" является прилагательным, когда с ним коррелирует местоименное прилагательное (ср. „какой человек? — „больной человек"), существительным, если с ним коррелирует местоименное существительное („кто стонет" — „стонет больной").

Этим необходимость изучения синтагматической дистрибуции не устраняется, но упрощается процедура. Классы синтаксических единиц можно определять, минуя их дистрибуцию в тексте, через их представление в форме местоименных коррелятов. А синтагматически-дистрибутивный критерий может быть использован лишь для самих местоименных слов— для их отождествления и классификации.

Так, установление того факта, что местоимения „кто" и „что" находятся в отношении дополнительной дистрибуции, занимают одинаковую позицию в синтаксических структурах, приводит к заключению, что они синтаксически тождественны, являются вариантами одной и той же синтаксической единицы. В свою очередь это дает возможность объединить в один класс (класс существитель-

пых) все элементы, коррелирующие с тем и другим местоимением. С другой стороны, от собственно субстантивных форм этих слов следует отделить формы, транслированные в другие классы: например, формы родительного падежа „кого“, „чего“ являются адъективированными, поскольку дистрибутивно совпадают с местоименными прилагательными „чей“, „какой“; соответственно, следует рассматривать в качестве адъективированных существительных формы, коррелирующие с формами „кого“, „чего“. Аналогичным образом анализируются прочие местоименные слова. Вся процедура установления классов элементарных синтаксических единиц и их расширенных эквивалентов, их первичных и транслированных форм алгоритмизируется следующим образом:

а) группировка элементов по их парадигматическим свойствам — с точки зрения их соотношенности с местоименными коррелятами;

б) группировка этих последних по их синтаксическим свойствам — с точки зрения их дистрибуции в синтагматическом ряду;

в) соответствующие преобразования в первоначальной группировке.

Таким образом, можно сказать, что язык решил давно и по-своему проблему классификации синтаксических элементов, создав такое мощное орудие их группировки на парадигматической оси, как местоименная корреляция.

4) Отсутствие **числительных** в приведенной схеме классов синтаксических единиц объясняется тем, что местоименный коррелят числительных во многих языках дистрибутивно представляет эквивалент прилагательного; следовательно, числительные являются особым разрядом класса прилагательных, а именно, их количественным подклассом. Подобно другим прилагательным, они обозначают признак, но признак количественный; подобно прилагательным они функционируют в субстантивной группе в качестве определения. Случаи самостоятельного употребления числительных, характерные, например, для русского языка („двое пришли“, „два человека“), можно объяснить как результат их субстантивации⁸¹.

Примечания

1. Наряду с категориальным значением класса в целом выделяются также сопровождающие его и субординированные ему частные категории (число, время и т. д.). Эти категории становятся релевантными лишь на морфологическом уровне, в случае наличия в данном языке морфемных оппозиций внутри той или иной части речи. Их наличие или отсутствие, их количество и специфика не оказывают существенного влияния на классификацию синтаксических единиц и на структуру синтаксических соединений. В синтаксическом отношении эти категории являются избыточными, поэтому связанные с их изучением проблемы здесь не рассматриваются.

2. „Лексические категории характеризуются их значением, и это значение не отделимо от их функции. Прилагательное призвано служить эпитетом существительного, а существительное может быть характеризовано только прилагательным...; глагол немислим без субъекта, а субъект, который является местопребыванием предиката, немислим без глагольного определения; наконец, наречие призвано определять прилагательное или глагол.

Этот дополнительный характер отношений между категориями является лишь мнемоническим соответствием синтагматическим отношениям, осуществляемым в речи; категории предполагают синтагмы так же, как синтагмы предполагают категории; благодаря категорийному признаку слова являются членами потенциальных синтагм” (Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, стр. 128—129).

Взаимозависимость наблюдается не только между единицами и комбинациями (структурами), но и между единицами и их классами. Взаимозависимость основных категорий лингвистической теории подчеркивает М. А. Холидей (М. А. К. Halliday, *Categories of the theory of grammar*, „Word”, vol. 17, 1961). Холидей выделяет четыре такие категории, представляющие наиболее высокую ступень абстракции; они предпосылаются лингвистическому исследованию и определяются друг через друга. Это — категории **единицы**, **структуры**, **класса** и **системы**. Существование этих и только этих категорий вытекает из природы языка, ибо „эти четыре, а не какие-нибудь другие необходимы для учета (account) данных, т. е. для учета всех грамматических моделей, которые выступают при обобщении данных... Каждая из этих четырех специфическим образом относится к каждой из остальных и логически является производной от них. Между ними нет отношения предшествования или логического приоритета. Они взаимно определяют друг друга” (стр. 248).

3. Разумеется, рассмотренный сам по себе, периферийный компонент подчинительной группы выступает со своим специфическим грамматическим содержанием; так, в субстантивной группе „старый друг” подчиненный член „старый” сам по себе имеет значение признака и может передать его группе, центром которой он в свою очередь оказывается;

в „очень старый друг“ слово „старый“ передает значение признака комбинации „очень старый“, в центре которой находится; в свою очередь слово „очень“ в отдельности имеет категориальное значение наречия.

4. Категориальная и функциональная тождественность компонентов сочинительных комбинаций приводит к тому, что многие лингвисты (Ф. Микуш, Л. Теньер и др.) не считают их синтаксическими структурами в собственном смысле слова или, точнее, считают особого типа „нулевой“ структурой.

5. Американская дескриптивная школа весьма тщательно разработала технику подобного экспериментирования. См., например, рассматривавшиеся выше работы К. Пайка, С. Питмена, Ю. Найды, Р. Уэлза, Ч. Хоккета, З. Хэрриса,—лингвистов, в различных направлениях развивавших методику экспериментального анализа структуры высказывания.

Различие в функционировании сочинительных и подчинительных конструкций, рассматриваемых в качестве целостных образований, объясняется так же, как и различие в плане грамматического значения. Кроме того, подчиненный компонент группы сохраняет функциональное своеобразие в пределах этой группы.

6. Элементарные синтаксические единицы заполняют узловые пункты (точки пересечения синтаксических связей) в структуре высказывания—так называемые „места“, или „позиции“ (К. Пайк называет их slots—„прорезы“: см. **К. Pike**, *Language in relation to a unified theory of the structure of human behaviour*, 1954; по терминологии К. Бюлера, это *Leerstellen*—„пустые места“, см. **К. Bühler**, *Sprachtheorie*). Каждое место может быть заполнено только одной элементарной единицей, и наоборот, каждая элементарная единица может заполнять только одно место. Так в позиционной структуре, образованной slots или *Leerstellen*: SV (существительное—глагол) каждое место может быть заполнено одной и только одной элементарной синтаксической единицей. Однозначное соответствие количества узловых точек в структуре и заполняющих ее единиц (в более общей форме: классов единиц) отражает отмеченную взаимозависимость синтагматических и парадигматических свойств синтаксических элементов. В качестве „функционалов“ на синтаксическом уровне выступают именно эти элементы, существованием которых пренебрегает глоссематический и криптоаналитический „синтаксис“.

7. Напротив, сравнительно редко встречаются придаточные части сложных предложений, синтаксическому анализу не поддающиеся; пример такого придаточного: „Вы же знаете, **что проиграли**“, где придаточное образовано из одной синтаксической единицы—глагола „проиграли“ (частица „что“ является не синтаксическим элементом, а морфемой, грамматически оформляющей придаточное предложение).

8. В сущности, здесь вступает в силу правило „обратного переноса“ (*gemise*), предложенное К. Тогебю (см. выше).

9. А. А. Реформатский указывает на градацию типов этих конструкций, с точки зрения степени проявления в них предикативности. „В

примерах: 1) **Продававший яблоки мальчик ушел**, 2) **Мальчик, продававший яблоки, ушел** и 3) **Мальчик, который продавал яблоки, ушел**—отношение все более осложняется: в первом предикате оно просто атрибутивное, во втором оно уже предикативно-атрибутивное (благодаря „обособлению“, когда в „обособленном члене“ возникает потенциальная предикация) и, наконец, в третьем оно уже делается развернуто предикативным —внутри себя, не теряя своего атрибутивного характера по отношению к своему определяемому.

Предикативные определения атрибутивных, релятивных и объективных синтагм называются придаточными предложениями, а предложения, в составе которых имеются придаточные, называются сложными предложениями" (А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 266).

Ср. определение причастных, деепричастных оборотов у Дамуретта и Питона как „динамических * подфраз" (*sous-phrases adynamiques*), придаточных предложений— как „динамических подфраз" (*sous-phrases dynamiques*); см. **J. Damourette et E. Pichon**, указ. раб., т. 3, гл. VII.

10. Ср. 3. Хэррис, Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, стр. 584, 588—591, 602 и след.

11. **L. Tesnière**. *Eléments...*, гл. 239 и след. Придаточное „который смеется" является с этой точки зрения фразой, низведенной до степени простого прилагательного-определения. Возможны также транслированные из фраз существительные (*j'espère qu'il réussira*), наречия (*s'il réussit, nous le féliciterons*).

Фраза не может быть сама по себе отнесена к какому-либо категориальному и функциональному разряду; это становится возможным лишь постольку, поскольку она выступает в определенных синтаксических комбинациях в качестве подчиненного компонента, занимая позицию, свойственную тому или иному классу простейших единиц. Поэтому одна и та же конкретная фраза, в зависимости от того, в какой позиции она находится, может приобретать различные грамматические значения и функции. Ср.: „Сообщили, что он пришел в себя" („он пришел в себя"— расширенный эквивалент существительного-дополнения) и „когда он пришел в себя, было уже поздно" (та же фраза превращена здесь в эквивалент наречия-обстоятельства).

12. См. **А. И. Смирницкий**, Лексическое и грамматическое в слове, „Вопросы грамматического строя", М., 1955, стр. 15; **Т. П. Ломтев**, Основы синтаксиса современного русского языка, М., 1958, гл. II **А. М. Мухин**, Функциональные лингвистические единицы... ВЯ, 1961, № 1; Синтаксема как функциональная синтаксическая единица, „Филологические науки", 1961, № 3; Функциональный анализ синтаксических элементов, М., 1964; **L. Tesnière**, указ. раб., гл. 22; **Ch. Hockett**, *A course in modern linguistics*, стр. 171 и след. Ср. **И. И. Ревзин**, Модели языка, стр. 53 и след.

13. „Лингвисты самых различных направлений в своих методах лингвистического анализа исходят из объективно данной в любом языке

возможности выделения некоторого „целого" как максимальной единицы, которая может быть подвергнута расчленению на однородные, т. е. сопоставимые в каком-либо отношении отрезки" (Л. И. Илия, указ. раб., стр. 5). Л. И. Илия отмечает, что это „целое" обозначается разными направлениями по-разному (терминами „utterance", „фраза", „предложение"). Приводится высказывание Ч. Фриза: „В одном языке сходятся, это в том, что в каждом языке есть высказывания, отдельные формы, которые отделяются паузой от других высказываний" (Ch. Fries, *The Structure of English*, стр. 21).

Между фразами возможны, видимо, только связи несинтаксического (семантического) характера. Комплексные образования, включающие более одной фразы, представляют любопытную синтаксическую проблему. Интересен в этом отношении анализ типов „высказываний" у Ч. Фриза (под единицей высказывания, utterance он понимает отрезок речи, границами которого являются моменты прекращения речи одного собеседника и вступления другого и который обычно включает более одного предложения— sentence); см. там же, стр. 37.

В данном случае проблема комплексных образований нас интересовать не может. Важно лишь отметить, что установление границ фразы внутри синтаксического комплекса значительно облегчается благодаря ее интонационной целостности и паузам, отделяющим ее от соседних фраз.

14. См. об этом **И. И. Ревзин**, Основные единицы синтаксического анализа и установление отношений между ними, „Структурно-типологические исследования", М., 1962.

15. **Ф. де Соссюр**, Курс общей лингвистики, стр. 111.

16. Как отмечает Ч. Фриз, обычный анализ предложений сводится к тому, что устанавливают общее значение предложения и дают технические наименования компонентам этого общего значения (см. Ch. Fries, *The Structure of English*, стр. 54).

17. Наиболее значительная попытка в этом направлении— классификация частей речи на основе аристотелевских категорий, разработанная В. Брёндалем (см. V. Brøndal, *Parties du discours*, Copenhagen, 1948) ср. также классификацию частей речи по их соответствию онтологическим категориям в работе: E. Otto, *Stand und Aufgabe der allgemeinen Sprachwissenschaft*, В., 1954.

18. Были попытки объединить семантический и грамматический подходы, группируя самые разнородные языковые средства, используемые для выражения определенного содержания, скажем, все лексические и грамматические средства выражения понятия цели (ср. F. Brunot, *La pensée et la langue*). Специфика разных аспектов языка при таком подходе стирается, но такая классификация может быть интересна, например, при изучении вопросов стилистики.

19. О традиции от грамматического „пансематизма" через „полисемантизм" к „моносемантизму" см. E. Lerch, *Satzglieder ohne den Ausdruck irgendeiner logischen Beziehung*, „Hauptprobleme der französischen Sprache", В. I, Braunschweig, 1930.

20. Признак „цельнооформленности“, который А. И. Смирницкий считал основным для слова (см. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове, „Вопросы теории и истории языка“, М., 1952), присущ на деле отнюдь не только этой категории и не может считаться основой ее отграничения от других лингвистических категорий. Действительно, союз служит для оформления придаточного предложения в целом, а не какого-либо отдельного слова. Точно так же согласование является способом оформления целых синтаксических групп (словосочетаний). Наконец, существуют т. н. sentence-modifiers (см. J. Whatmough, Language..., стр. 116), оформляющие целостные высказывания (сюда относятся некоторые частицы отрицания, вопроса, модальности и т. д.).

21. Полнота/пустота, самостоятельность/несамостоятельность, изменяемость/неизменяемость могут рассматриваться как дифференциальные признаки, учет которых дает возможность однозначного определения грамматической природы данного слова, но не категории слова в целом.

22. L. Tesnière, указ. раб., гл. 23.

23. A. Meillet, Sur la méthode de la grammaire comparée, „Linguistique historique et linguistique générale“, P., 1958, стр. 30. „Автономную синтагму, составленную из нерасчлененных монем, обобщенно называют словом... Поиски более точного определения понятия слова в общей лингвистике едва ли целесообразны. Можно было бы попытаться сделать это на материале какого-либо одного языка. Но и в таком случае использование точных критериев часто приводит к аналогии, не совпадающему с обычным словоупотреблением“ (А. Маргине, Проблемы общей лингвистики, „Новое в лингвистике“, в. 3, М., 1963, стр. 460—467).

24. Так, Э. Агаян подчеркивает „независимое, самостоятельное существование и употребление“ слова. См. Э. Б. Агаян, Введение в языкознание (на арм. яз.: է. Աղայան, Լեզվաբանության ներածություն), Ереван, 1963, стр. 239.

25. K. Togeby, Qu'est-ce qu'un mot? „Recherches structurales“.

26. „В качестве свободной формы слово способно быть произнесено в абсолютной позиции“ (L. Bloomfield, Language, стр. 181). Блумфилд имеет в виду возможность употребления слова в качестве отдельной интонационной единицы, т. е. в качестве отдельного высказывания (utterance); однако этого свойства лишены слова—проклитики и энклитики (см. Shirô Hattori, The analysis of meaning, „For R. Jakobson“, The Hague, 1956, стр. 208). Следовательно, признак, предложенный Блумфилдом в основу определения слова, не является достаточно широким.

27. „... слово вовсе не является лингвистическим элементом...“, это „не более чем условный сегмент речи, произвольно определяемый общепринятой точкой зрения (current convention)“ (S. Peçhem, Modern linguistics, London, 1957, стр. 78, 100).

28. L. Tesnière, указ. раб., гл. 10. Ср. R. Galichet, Physiologie de la langue française, стр. 92; S. Potter, указ. раб., стр. 100.

29. Слово признается реальной психолингвистической величиной в отличие от языковых единиц типа фонемы или морфемы, а также раз-

личного рода синтаксических единиц, которые могут быть выделены только на основе специального лингвистического анализа структуры высказывания, ... единицы, выделяемые „языковым сознанием“ говорящего на данном языке, не соответствуют единицам формально-лингвистического анализа. Психолингвистика постулирует в качестве субъективно осознаваемых „чисто психологических“ единиц слог, слово и предложение. Лингвистическими единицами считаются фонема, морфема и функциональный класс" (**А. А. Леонтьев**, Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи, „Вопросы теории языка...“, стр. 168—169).

30. **A. Martinet**, *A functional view of language*, Oxford, 1962, стр. 45.

31. Необходимость контекстуального уточнения категорий и функций синтаксических единиц связана со слабым развитием их морфологического обозначения; внутренняя грамматическая форма выступает в таком случае, не опосредуясь элементами внешней формы. Категории и функции дифференцируются не морфологически, а исключительно синтаксически, на основе селективных, комбинаторных свойств синтаксических единиц, проявляющихся в ограничении их сочетаемости во всевозможных контекстах. Имеет место, по выражению Ч. Хоккета, „связь посредством селекции" (**Ch. Hockett**, *A course in modern linguistics*, стр. 214), приводящая к широкому развитию синтаксической омонимии, когда одна к та же единица выступает, в зависимости от контекста, в значении и функции различных частей речи (ср. там же, стр. 224, а также выступление А. Фрея на VII конгрессе лингвистов: *Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists*, стр. 55),

32. **В. В» Виноградов**, Русский язык, М., 1947, стр. 33.

33. **A. Martinet**, *A functional view of language*, стр. 45.

34. Предложные конструкции рассматриваются как члены парадигмы существительного Е. Куриловичем (см. **Е. Курилович**, Проблема классификации падежей, „Очерки по лингвистике“, стр. 176). Как справедливо отмечалось, падежные и предложные конструкции разнородны в морфологическом, но однородны в синтаксическом плане (см. **А. М. Мухин**, Функциональный анализ синтаксических элементов, стр. 25). Ср. **В. М. Жирмуцкий**, О границах слова, „Морфологическая структура слова в языках различных типов“, М.—Л., 1963, стр. 26.

35. Артикль и предлог образуют синтаксически неделимое единство с существительным, служебный глагол с неличной формой, показатели степеней сравнения—с прилагательным или наречием. Связочный глагол выступает в единстве с именной частью сказуемого, подчинительный союз—с придаточным предложением и т. д. Более самостоятельны местоименные прилагательные, замещающие артикль, и служебные личные местоимения, эквивалентные личным окончаниям глагола (напр., в современном французском языке), так что некоторые исследователи рассматривают те и другие как самостоятельные синтаксические единицы (см. **Л. И. Илья**, К вопросу о грамматических границах слова в современном французском языке, УЗ 1 МГПИИЯ, т. 5, 1953).

Особое положение занимают сочинительные союзы („юнктивы“ в системе Л. Теньера, „коннективы“ по терминологии некоторых других лингвистов). Они не обозначают и не изменяют категорию или функцию полных слов, не образуют синтаксического единства с каким-либо полным словом, а связывают между собой полные слова, сцепления слов и целые предложения.

В числе критериев выделения аналитических форм элементарных синтаксических единиц можно отметить: а) их **замещаемость дистрибутивно тождественными синтетическими формами** (ср. „буду говорить“ — „говорю“); б) их **способность выступать в качестве законченных фраз**.

36. Такое употребление терминов „семантема“ и „морфема“ встречается у Ж. Вандриеса. „Под семантемами надо понимать языковые элементы, выражающие идеи...; под морфемами же — языковые элементы, выражающие отношения между этими идеями“ (Ж. Вандриес, Язык, М., 1937, стр. 77).

37. Ср. Ж. Вандриес, указ. раб., стр. 77—82; Э. Сепир, Язык М., 1934, стр. 45—63.

38. Так, Е. Курилович характеризует предлоги и союзы как несамостоятельные, синсемантические морфемы (Е. Курилович, Понятие изоморфизма, „Очерки по лингвистике“, стр. 29). Там же, на стр. 31, как синсемантические рассмотрены служебные глаголы.

39. В плане идей современной семантики можно охарактеризовать элементарную синтаксическую единицу с точки зрения значения как пучок сем, среди которых налична минимум одна сема лексического характера и одна сема грамматического характера: так, во франц. *vite* имеем лексическую сему (русск. „быстро“, арм. *արագ* и т. д.) и грамматическую сему: значение наречия. О значении терминов „сема“, „пучок сем“ см. Ю. Д. Апресян, Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики, „Проблемы структурной лингвистики“, 1963, стр. 105—106.

40. Отметим некоторые из возможных морфологических вариантов: семантема с „внутренним“ оформлением: „очень“
семантема с „нулевым“ оформлением: „стол“
семантема + аффиксальная (деривационная) морфема: „столик“
семантема + реляционная морфема (внешняя флексия): „стола“
семантема + аффикс + внешняя флексия: „столика“
семантема + суперсегментная морфема, наслаивающаяся на семантему (внутренняя флексия, ударение): ср. „стол“ — „стола“
семантема + автономная морфема (служебное слово): „под стол“
семантема (слово) + ее фиксированное место в предложении (в языках с постоянным порядком слов): франц. *Pierre*₁ с потенциальной предглагольной позицией — подлежащее, *Pierre*₂ послеглагольное — прямое дополнение.

К данной семантеме могут относиться несколько морфем одного и того же или разного типа: „под столом“ (семантема + внешняя флек-

сия + внутренняя флексия + ударение + служебное слово). Внешне один и тот же элемент может быть более самостоятелен („стол“, семантема-слово) или выступать в составе более крупной единицы („на стол“).

41. См. **А. И. Смирницкий**, Аналитические формы, ВЯ, 1956, № 2; **М. М. Гухман**, Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова, „Вопросы грамматического строя языка“, М., 1955. Вопрос природы элементарных синтаксических единиц и их морфологического выражения изучается в работах Т. П. Ломтева, который разграничивает „позицию“ (позиционное звено), т. е. элементарную синтаксическую единицу, и воплощающую ее „высшую морфологическую единицу“, которую он называет „словесной формой“ (см. **Т. П. Ломтев**, Основы синтаксиса современного русского языка, М., 1958, а также: Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц, „Филологические науки“, 1960, № 3; Природа синтаксических явлений, там же, 1961, № 4).

А. М. Мухин обозначает синтаксическую единицу термином „синтаксема“ и рассматривает ее как функциональную единицу синтаксического уровня, параллельную фонеме на фонологическом уровне; в работе А. М. Мухина „Функциональный анализ синтаксических элементов“ излагается детально разработанная теория синтаксем и их вариантов (см. стр. 247 и след.).

42. „Не следует, во всяком случае, забывать, что свойство быть автономной синтагмой, роднящее латинскую форму типа *homini* „человеку“ с ее современными эквивалентами англ. *for the man*, франц. *pour l'homme*, исп. *para el hombre* „для человека“, гораздо более существенно, чем ее свойство быть словом: последнее свидетельствует лишь о завершении процесса застывания, в результате которого малопригодным и недостаточно убедительным оказывается формальный анализ, хотя возможность членения на различные означаемые сохраняется... При изучении основ языковой структуры главное внимание должно уделяться автономным синтагмам; в этом смысле меньшее значение имеет частный тип автономной синтагмы, характеризующийся нерасчлененностью этих элементов; этот тип синтагмы рассматривается под рубрикой „слово“ вместе с монемами, которые не входят в состав таких синтагм“ (**А. Мартинет**, Основы общей лингвистики, стр. 469—470). Ср. также **А. Мартинет**, Elements of a functional syntax, „Word“, vol. 16, 1960; A functional view of language, стр. 39 и след.

Напротив, понятие „синтаксическая молекула“ у Ш. Балли вряд ли может быть признано конкретной интерпретацией понятия элементарной синтаксической единицы. Как показывают примеры, приводимые Балли, синтаксическая молекула в его понимании может состоять не только из одной такой единицы (напр., *le loup*), но и из двух (*un gros loup*) и, возможно, большего количества единиц (см. **Ш. Балли**, Общая лингвистика и вопросы французского языка, стр. 317).

43. **F. Householder**, On linguistic primes, стр. 235.

44. **Ch. Hockett**, A course in modern linguistics, стр. 171 и след.; Idiom formation, „For R. Jakobson“.

45. Ср. **Н. Д. Арутюнова** и **Е. С. Кубрякова**, Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов, стр. 237.

46. См., напр., **Г. Б. Джаукян**, указ. раб., тт. 1—2, passim.

47. Ср. **F. Brunot**, La pensée et la langue, P., 1922.

48. Ср. **Ж. Вандриес**, Язык, стр. 114; классификацию частей речи,— отмечает Вандриес,— „трудно было применить даже к языкам, для которых она была создана; но еще труднее применить ее к языкам, к которым она совсем не подходит“.

49. „... никакая логическая схема частей речи,— их число, характер и разграничение,— не представляет ни малейшего интереса для лингвиста. У каждого языка своя схема. Все зависит от формальных размежеваний, наличествующих в нем“ (**Э. Сепир**, Язык, стр. 93).

50. Ср. **Г. Б. Джаукян**, указ. раб., т. I, passim.

51. „Принятая в индоевропейских языках классификация частей речи, идущая в главных чертах еще от античных грамматистов, не имеет в своей основе последовательно выдержанных логических принципов, она сложилась в результате попыток учесть самые различные стороны проблемы“ (**Г. Пауль**, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 415).

52. Термин, употребляемый **Е. Куриловичем** в выступлении на VI конгрессе лингвистов (Actes du Sixième Congrès des Linguistes, стр. 20). Ср. **Г. Севак**, Курс современного армянского языка, (на арм. яз.; *Ք. Սեւակի, Ժամանակակից հայոց լեզվի դասընթաց*), Ереван, 1955, стр. 225.

53. Впрочем, неудачным кажется также слово „части“, вызывающее представление о механическом дроблении целого.

54. См., например, **A. W. de Groot**, Structural linguistics and word-classes, „Lingua“, vol. 1; 1949.

55. См. **М. Абегян**, Синтаксис ашхарабара (на арм. яз.: *Մ. Աբեգյանի, Աշխարհարարի շարահյուսութիւնը*), Вагаршапат, 1912, стр. 1.

56. Здесь имеется в виду распределение первообразных, т. е. не транслированных из других частей речи единиц.

57. Различаются, таким образом, лингвистические единицы двух типов: двусторонние (лексические и грамматические) и односторонние, чисто формальные (фонологические, т. е. фонемы, которые сами по себе лишены какого-либо содержания). Это различие отражено в принципе „двойной лингвистической артикуляции“, выдвинутом **А. Мартине**. **Ф. де Соссюр** рассматривал лингвистическую артикуляцию как результат однократного акта взаимной организации значений и звуков (Курс общей лингвистики, стр. 112—113); глоссематическая интерпретация планов содержания и выражения как параллельных всецело базируется на этом положении. В противоположность этому, **Мартине** показывает, что лингвистическое членение совершается не в один, а в два шага: в языке результаты человеческого опыта расчленяются прежде всего на двусторонние единицы, или знаки—монемы (первое членение), а затем уже

на односторонние, лишённые содержания единицы — фонемы (см. **А. Маргине**, Основы общей лингвистики, стр. 376—379; **A. Martinet**, La double articulation linguistique, „Recherches structurales“; Arbitraire linguistique et double articulation, CFS, vol. 15, 1957; ср. A functional view of Language, стр. 22—24, 26, 39).

58. Принцип двойной артикуляции, выдвинутый Маргине, сам по себе этой дихотомии не предполагает; для учета последней необходимо ввести третье членение и третий тип единиц: соединение *монем*, в которых эти последние выступают с определенной функцией. **А. Фрей**, настаивающий на необходимости третьей артикуляции, называет соответствующие единицы „синтагмами“ (**H. Frei**, L'unité linguistique complexe, „Lingua“, vol. 11, 1962, стр. 139).

59. **L. Tesnière**, указ. раб., гл. I.

60. **S. Karcevski**, Du dualisme asymétrique du signe linguistique, CFS, vol. 14, 1956. Ср. **Ch. Hockett**, A course in modern linguistics, стр. 130 и след., где анализируются многочисленные случаи грамматической омонимии и синонимии в английском языке.

61. **V. Brøndal**, L'autonomie de la syntaxe, стр. 9.

62. **L. J. Piccardo**, Le concept de „parties du discours“, Montevideo, 1952. Ср. **E. Buysens**, Vérité et langue. Langue et pensée, Bruxelles 1960, стр. 33.

63. На VII конгрессе лингвистов в защиту такого подхода выступил, в частности, **Одрикур**, предлагавший исходить при классификации частей речи исключительно из их способности к комбинированию в правильных предложениях; по мнению **Одрикура**, парадигматические особенности частей речи вытекают полностью из их синтагматических особенностей, которым он придает решающее значение (*Proceedings of the Seventh Congress...*, стр. 40).

64. Ср. **Е. Курилович**, Деривация лексическая и деривация синтаксическая, см. „Очерки по лингвистике“; **A. W. de Groot**, Structural linguistics and word-classes.

65. Ср. **Н. Д. Арутюнова**, О структурных и традиционных методах в грамматике.

66. **А. А. Шахматов**, Синтаксис русского языка, М., 1941, стр. 428.

67. Грамматическое значение можно образно представить как призму, сквозь которую преломляются логические и лексические значения. Так, лексическое значение действия у существительных типа „бег“, „беглец“ преломляется сквозь призму предметного грамматического значения, как бы подвергается грамматической метафоризации. Хорошо показано это **А. Сешезе**, который, критикуя **Брёндаля** за попытку логической классификации частей речи, подчеркивает, что язык не стремится к логическому совершенству. Действительно, для языка способ представления мысли более существенен, чем представляемое понятие. Одно и то же понятие может поэтому выступить в словах, относящихся к разным классам, ибо части речи не суть категории мысли, а категории, связанные с отношением слов в предложении (ср. **A. Sècheaye**, Les

classes de mots et l'imagination, CFS, vol. 1, 1941). Ср. высказывания по этому вопросу А. Гардинера, в частности, следующее: „Так называемые части речи являются различиями слов, основанными не на природе предметов..., а на способе их представления (presentation)". „Имя чего-либо, представленное как вещь, есть существительное,... представленное как действие или процесс, есть глагол" (А. Gardiner, The theory of speech and language, Oxford, 1951, стр. 9—10).

68. Н. Siotly, Problem der Wortarten, „Forschungen und Fortschritte", VIII, 1932, стр. 329—330 (ссылка по Е. Куриловичу; см. „Очерки по лингвистике", стр. 57).

69. Е. Курилович, Деривация лексическая и деривация синтаксическая, стр. 61. В своей рецензии на „Части речи" В. Брёндаля Э. Фишер-Ергенсен также указывает на необходимость различать основные и второстепенные функции слов, причем слово во второстепенной функции характеризуется способностью замещаться словом другой части речи: de printemps > printanier (AL, vol. 6, fasc. 1, 1950, стр. 103).

70. Характеризуя, например, франц. dans la maison как „существительное в функции обстоятельства", допускают определенное смешение. Часть la maison действительно является существительным, именно эта часть сохраняет предметное значение, может даже управлять прилагательным (ср. dans la **petite maison du berger**). Но целое dans la maison имеет категориальное значение наречия и именно в связи с этим выступает в обстоятельственной функции. Инфинитив типа „бежать" сохраняет в значении основы глагольный оттенок, а вместе с тем также способность управлять наречием (ср. „бежать **быстро**"), но как целое инфинитив является категориальным и функциональным эквивалентом существительного. Ср. также субстантивированное спеление типа le beau, где элемент beau является прилагательным, но целое представляет эквивалент существительного.

71. См. Е. Курилович, Лингвистика и теория знака, „Очерки по лингвистике", стр. 13, а также Е. Кротевич, Слово, часть речи, член предложения (к вопросу об их соотношении), Львов, 1960, стр. 12.

72. А. W. de Groot, Structural linguistics and word-classes, стр. 441,

73. Е. Курилович, Лингвистика и теория знака, стр. 18 „... части языка... дедуцируют семантическое содержание из своего синтаксического употребления"(выступление Куриловича на VI конгрессе лингвистов; см. Actes du Sixième Congrès, стр. 20): „... грамматическая классификация должна быть построена не на семантической основе, а на основе комбинаторной потенции (latitudes combinatoires) знаков в цепи" (выступление А. Мартине на том же конгрессе; там же, стр. 294).

74. Значение, даже грамматическое, обусловлено не функционированием элемента, а экстралингвистическими факторами. Существование таких дифференциальных грамматических значений, как „предметность", „процессуальность" и т. п., при всем их своеобразии, в конечном счете возможно потому, что в опыте даны реальные предметы, процессы и т. п. Язык может перегруппировывать элементы опыта, создавать их

новые комбинации—вплоть до самых прихотливых, „пересоздавать” описываемый им мир, но связь с экстралингвистической действительностью, хотя бы крайне опосредованная, сохраняется. Более того, даже отношения и функции элементов в комбинациях, представляющиеся на первый взгляд их „чисто” лингвистическим свойством, также определяются экстралингвистическими отношениями и функциями. По замечанию А. Мартине, существующие в опыте отношения между элементами лингвистически выступают как функции субъекта и объекта (см. А. **Martinet**, *Elements of a functional syntax*, стр. 3).

75. Ср. рассматривавшуюся выше классификацию синтаксических элементов у Ч. Фриза и Л. Теньера; та же схема принимается в работах по трансформационной грамматике З. Хэррисом, Н. Хомским. Ср. также Е. **Курилович**, Деривация лексическая и деривация синтаксическая; М. **Абегян**, Синтаксис ашхарабара и др. Эти же классы постулируются в аппликативной порождающей модели со следующей оговоркой: „Данную систему мы принимаем в качестве эталона, который может служить для структурно-типологического сравнения языков между собой. В принципе возможны языки с большим количеством классов. Однако число классов не может быть меньше двух, поскольку естественный язык немислим без коммуникативной и номинативной функции, а стало быть, без классов слов, соответствующих предикатам и аргументам предикатов” (С. К. **Шаумян** и П. А. **Соболева**, указ. раб., стр. 18). Данная оговорка всецело относима к приведенной нами схеме классов элементарных синтаксических единиц.

76. Подробнее о разновидностях этих преобразований см. L. **Tesnière**, указ. раб., стр. 361—626. На богатом фактическом материале различных языков Теньер изучает однократные и многократные преобразования (трансляцию) элементарных синтаксических единиц и их эхвива лентов.

77. Характеристику этих разрядов см. в работе: Е. **Курилович**, Деривация лексическая и деривация синтаксическая, стр. 66—67.

78. Ср. L. **Tesnière**, указ. раб., гл. 45.

79. Э. Б. **Агаян**, Введение в языкознание, стр. 396—398.

80. Местоименные слова характеризуются Л. Блумфилдом как субституты, „значение которых преимущественно или полностью состоит в значении класса” (L. **Bloomfield**, *Language*, стр. 146). Один из элементов значения субститутов, это, по Блумфилду, его область (домен)— значение класса: так, область субститута *they*— субстантивные выражения во множественном числе; другой элемент— специфическое значение (см. там же, стр. 248). Группировка слов по субститутам, отмечает Ч. Фриз, „важна не только как способ идентификации (*identifying characteristics*), но и для различения некоторых структурных значений” (Ch. **Fries**, *Structure of English*, стр. 121).

81. Отмеченные разряды не включаются в классификационную схему в качестве отдельных синтаксических классов, поскольку с точки зрения своего категориального и функционального содержания они лишены

какого-либо своеобразия. Тем не менее, эти разряды (прежде всего, разряды местоимений и числительных) играют весьма важную и своеобразную роль в семиотическом плане—в качестве знаковых элементов особого типа (ср. экспрессивную функцию междометий, дейктическую—указательную функцию местоимений, которыми те и другие противоплагаются обычным словам, имеющим символическую репрезентативную функцию). См. об этом, в частности, **Е. Курилович**, Деривация лексическая и деривация синтаксическая, стр. 66; ср. **К. Bühler**, Sprachtheorie.

ПОНЯТИЕ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

О структуре фразы Элементарные синтаксические единицы как предмете синтаксического описания

ту (позиции), занимаемому ими в более объемистых образованиях— в неэлементарных синтаксических единицах, то есть в синтаксических комбинациях (структурах). Выше уже шла речь о том, что наиболее объемистым речевым синтаксическим образованием— максимальной возможной в речи синтаксической единицей— является высказывание, или фраза¹, с которой обычно начинается синтаксический анализ, на которой завершается интез. Отмечалось, что установление границ фразы в речи на практике облегчается благодаря показаниям ритмомелодики.

В традиционной грамматике, а также во многих ответвлениях современного научного синтаксиса именно строй фразы (высказывания, предложения) рассматривается как непосредственный объект синтаксического описания. Если определенный раздел грамматики изучает классы элементарных синтаксических единиц— „части речи“, то другой раздел (синтаксис в узком смысле слова, или структуральный синтаксис) посвящается изучению комбинаций этих классов во фразе. Здесь предстоит рассмотреть вопрос, может ли фраза, и если может, то в каком аспекте и в какой мере, составить предмет изучения синтаксиса.

В связи с этим необходимо остановиться на проблеме соотношения во фразе языкового и речевого уровней. Правильное понимание этого соотношения имеет для синтаксиса первостепенное значение. В качестве раздела науки

о языке синтаксис занимается категориями, потенциально существующими в языковой системе до и независимо от их реализации в речи. Речевая реализация может интересовать синтаксиста лишь косвенно, в той мере, в какой она содержит информацию о языковой природе изучаемых явлений. Так, например, фраза представляет для синтаксиста интерес лишь своей языковой стороной; в этом смысле проблема отделения во фразе языкового от речевого тесно связывается с проблемой отграничения в ней синтаксического уровня от уровня несинтаксического. В случае отсутствия языкового аспекта фраза, естественно, не может рассматриваться как синтаксическая категория и непосредственный предмет изучения синтаксиса: ее анализ придется отнести всецело к компетенции „лингвистики речи“.

Известно, что попытки научного определения фразы как лингвистической категории сталкивались всегда с весьма значительными затруднениями. Можно считать, что до настоящего времени не существует определения фразы, принятого в лингвистике в качестве адекватного.

Трудности при определении фразы в значительной мере обусловлены нерешенностью вопроса о соотношении в ней языкового и речевого аспектов. Согласно более распространенному воззрению, фраза представляет категорию языко-речевую (является сложным образованием, объединяющим две стороны, или два аспекта: языковой и речевой). Обычно считают, что данная единичная фраза относится к речи, а общая схема ее построения принадлежит языку. Так, А. В. де Гроот различает, вслед за Сешеэ, „предложения языка“, характеризуя их как „типы предложений“ (sentence-types), и „предложения речи“-- „высказанные предложения“ (spoken-sentences). По де Грооту, типы предложений следует включать в язык, ибо последний представляет не только набор знаков, но и набор правил употребления знаков². Дж. Уотмоу также включает „типы предложений“ в языковой код, то есть рассматривает общую схему предложения как языковой момент,, тогда как конкретные предложения относит, очевидно, к речи, или сообщению (message)³.

Пониманию фразы как языко-речевой единицы противостоит другой подход, согласно которому фраза полностью относится к области речи. Так, А. Гардинер считает слово всецело языковой, а предложение (фразу) всецело речевой категорией⁴. Это положение вызвало весьма обоснованные возражения; де Гроот, например, отмечает, что актуально высказываемое слово нужно отнести к речи и, наоборот, потенциальное предложение принадлежит языку⁵.

Таким образом, наличие во фразе речевого аспекта обычно считают неоспоримым. Сомнения возникают при рассмотрении другого вопроса: имеется ли во фразе также языковой аспект, можно ли считать ее также единицей языка.

Поэтому, прежде чем приступить к построению структурального синтаксиса, необходимо всесторонне обсудить вопрос, включает ли фраза языковой аспект, и если включает, то какова его природа.

Некоторые важные особенности фразы характеризуют ее как единицу речи. Таковы ее экспрессивная и коммуникативная функции, а также интонационная законченность. Действительно, коммуникация осуществляется именно в процессе речи; следовательно, лишь употребляясь в речи, фраза может выступить как элементарная законченная единица коммуникации. Далее, в качестве речевой единицы фраза содержит семантически определенное, относительно законченное сообщение (заклюает некоторую законченную информацию). Содержание фразы всегда соотносится с конкретным отрезком экстралингвистической действительности (с каким-либо „фактом“), а также с точкой зрения говорящего субъекта; средством лингвистического выражения экстралингвистического факта, преломленного в сознании говорящего, и является актуально высказываемая в речи фраза. Наконец, к числу речевых характеристик фразы относится ее внешнее фонетическое обличье, служащее материальной опорой для передаваемого ею идеального содержания, и, в частности, интонационная законченность фразы, которая как раз сигнали-

зирует о том, что данная единица несет законченную информацию⁶.

Семантическая определенность фразы— следствие ее заполнения конкретным лексическим материалом (словами, оформленными в соответствии с требованиями данного употребления), без чего фраза не заключала бы никакой информации и не была бы применима в целях коммуникации. Лексическое наполнение— необходимое условие функционирования фразы в качестве речевой единицы.

Такова же роль линейной рядоположенности слов во фразе, также обусловленной требованиями речевого употребления. Высказываемая фраза имеет линейный характер именно потому, что такова фундаментальная черта самого процесса речи— развертывание во времени, однонаправленность. Построение слов фразы на линейной оси представляется другой необходимой предпосылкой ее речевого функционирования. К этому добавляется и ритмо-мелодическая характеристика фразы, имеющая существенно суперсегментную природу.

В результате осуществления подобных модификаций фраза предстает в виде системы определенным образом связанных и организованных конкретных элементов линейного и нелинейного характера; очерчиваются морфологический и фонологический уровни фразы, и она оказывается готовой войти в речь в качестве ее функциональной единицы.

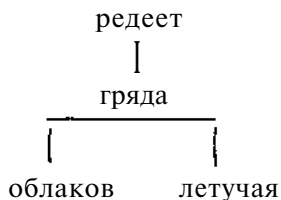
Итак, сущность фразы как элементарной законченной единицы коммуникации проявляется в ее речевом употреблении. Ряд важных особенностей присущ фразе как конкретной единице речи⁷. Языковой аспект, если таковой вообще имеется, может выявиться только в случае абстрагирования от речевых особенностей и речевой конкретности фразы.

Если отвлечься от экспрессивно-коммуникативного и интонационного моментов, то фраза предстанет как линейная последовательность конкретных слов, находящихся в конкретных связях. Например, можно абстрагироваться от конкретной информации, коммуникативной направленности и интонационной завершенности, свойственных фразе:

„Редует облаков летучая гряда“, и рассматривать ее как простую последовательность взаимосвязанных слов, каждое из которых представляет в данном случае одну элементарную синтаксическую единицу.

Дальнейшее углубление анализа фразы может идти в двух направлениях, все более отдаляющих от ее речевой актуальности и вскрывающих заложенную в ней языковую потенцию. Это будет, вместе с тем, переход от внешних, более поверхностных уровней, или слоев, к более глубоким уровням собственно синтаксического порядка: категориальному и структурно-функциональному.

С одной стороны, возможно, сохраняя конкретный лексический материал (слова), перевести фразу из линейного плана в план структурный, то есть выявить за одномерной линейной рядоположенностью слов их структурную иерархию. Для наглядной репрезентации структуры фразы удобно использовать разработанные Л. Теньером „стеммы“ — схемы построения, аналогичные тем, которые спорадически применялись также в русской грамматической литературе⁸.



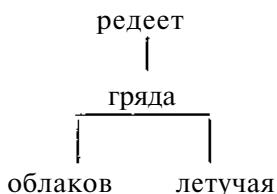
Здесь наглядно изображена синтаксическая структура данной фразы, хотя и не уточняется категориально-функциональное содержание слов в ней.

Другой путь — сохраняя линейный характер фразы, интерпретировать слова в качестве элементарных синтаксических единиц, в терминах наиболее общих грамматических категорий — классов элементарных единиц („частей речи“), либо их функций. Фразу „Редует облаков летучая гряда“ можно схематически представить, сохраняя последовательность слов в ней, как цепочку классов элементарных синтаксических единиц: VAAS (*verbum 4- adjectivum*⁹ + *adjectivum* + *substantivum*), либо функций: глагольный центр + определение + определение + подлежащее.

Если первый метод изображения позволяет выявить структуру фразы (связи, иерархию элементов и их сцеплений), то второй метод помогает обнаружению грамматической природы и функционирования отдельных элементов, но не способствует установлению синтаксической архитектоники фразы в целом. В первом случае отвлекаемся от момента линейности, но при этом сохраняется другая особенность фразы как единицы речи— конкретная лексическая наполненность. Во втором случае, напротив, отвлекаемся от лексической стороны, сохраняя другую речевую особенность— линейный характер. Только сочетая эти два подхода, можно полностью абстрагироваться от речевого аспекта и обнаружить языковой каркас фразы.

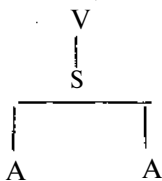
При синтаксическом анализе целесообразно установить прежде всего иерархию элементарных синтаксических единиц, а затем— внутри получившейся структурной схемы— интерпретировать эти единицы в терминах их классов или функций. Это будут две ступени абстракции, последовательно углубляющие информацию о синтаксической природе фразы.

Первая ступень:



Вторая ступень:

в терминах категорий:



в терминах функций:



Первый шаг служит для выявления **структурной схемы данной единичной фразы**, оставляя без изменения ее конкретное речевое содержание. Последующий шаг уже

выявляет **общий структурный тип**, к которому эта фраза принадлежит, устанавливает ее общее синтаксическое содержание. При этом фраза окончательно преобразуется из актуальной речевой единицы в виртуальную языковую единицу: выделяется ее **общая структурная схема**, могущая воплотиться в неопределенно большое количество единичных фраз речи.

Структурная схема **единичной** фразы, хотя она не дана непосредственно наблюдению, а устанавливается в результате анализа, все же не может быть, таким образом, признана явлением чисто языкового характера. Дело в том, что она отражает конкретные семантические связи слов, то есть связи, устанавливающиеся в данной речевой комбинации, важные лишь для нее (редеет-гряда, гряда-облаков, гряда-летучая).

Структурные связи отражаются и в этом случае, поскольку они образуют скрытую основу конкретных семантических отношений слов; однако структурное здесь еще не очищено от конкретно-семантического, присутствует имплицитно. Напротив, схема, отображающая структурный тип фразы, где слова даны в терминах классов или функций, это уже нечто собственно языковое. Здесь структурное-синтаксическое начало выступает эксплицитно, в чистой форме (например, отношение слов „летучая" и „гряда" представлено как отношение прилагательного к существительному — определения к определяемому). Общий структурный тип есть некий синтаксический инвариант) нечто пребывающее в речевых модификациях; в качестве такового он не производится вновь, а воспроизводится.

Фраза в целом не может быть признана, на наш взгляд, единством языковым-синтаксическим; в языковой код включается прежде всего схема ее конструирования, структурный тип (ср. изложенную выше точку зрения де Гроота и Уотмоу).

Можно сказать, что конкретная фраза речи так же относится к лежащей в ее основе общей структурной схеме (структурному типу), как индивидуальный звук речи относится к своему звуковому типу, или классу — к фонеме. Однако путь речевого „воплощения" (репрезен-

тации) синтаксической схемы сложнее, чем... путь звукового воплощения фонемы. В синтаксисе требуется для этого целый ряд опосредований—перекодировок, являющихся тем средством, с помощью которого абстрактная виртуальная языковая схема актуализируется и претворяется в конкретную „высказанную“ фразу.

При этом важно иметь в виду, что подобные преобразования **не оказывают существенного влияния на синтаксический остов фразы**. Структурная схема фразы образует как бы незабываемый языковой фундамент, над которым надстраивается все остальное. Имеющие здесь место многообразные явления—отнесение фразы к определенному модальному типу, ее логическое и психологическое членение на группы субъекта и предиката, соотносящихся как „тема“ и „рема“, „диктум“ и „модус“ высказывания (как „известное“ и „новое“)¹⁰, обособление тех или иных слов и групп слов с целью их акцентирования либо, напротив, вуалирования, внешнее морфонологическое выражение категорий как синтаксического, так и несинтаксического порядка и т. д.— весь этот комплекс операций, прямо или косвенно направленных на речевую актуализацию фразовой схемы¹¹, не затрагивает ее синтаксической природы. Элементы структуры и их иерархия остаются те же; новые синтаксические связи не создаются, так же как не разрываются и не модифицируются существующие.

Так, например, модальная характеристика весьма существенна для фразы, поскольку модальность— категория, присутствующая не отдельным словам, а фразе в целом. Тем не менее, модальное уточнение содержания фразы не влияет на ее структуру. Так, вопросительная модальность может отразиться в плане фонологическом (мелодика вопроса), лексико-морфонологическом (вопросительные слова и частицы), линейном (расположение слов), но не в плане собственно синтаксическом.

Тем не менее, сказанное позволяет внести некоторое уточнение в намеченную выше дихотомию: языковой/речевой аспекты фразы.

Действительно, между „чисто“ языковым и „чисто“ речевым во фразе обнаруживается переходная сфера необ-

ходимых преобразований, или перекодировок, направленных от языка к речи (синтез фразы) или обратно (ее анализ)¹². Представляется возможной промежуточная дисциплина—некое связующее звено между „лингвистикой языка“, изучающей структуру языкового кода, и „лингвистикой речи“, изучающей структуру сообщения. Цель этой дисциплины можно было бы определить как выявление закономерностей переходов между языком и речью.

И все же, хотя эти закономерности не ограничиваются языковым уровнем, а как раз связуют этот последний с уровнем речи, сами по себе они, именно в силу своего постоянного и необходимого характера, представляют закономерности **языкового** порядка. Поэтому, несмотря на свое промежуточное положение, отмеченная дисциплина примыкала бы прежде всего к „лингвистике языка“, то есть к лингвистике в собственном смысле слова¹³.

В качестве языковой единицы фраза может быть рассмотрена, таким образом, в двух планах: а) в плане структурно-синтаксическом, то есть „чисто“ языковом; б) в плане правил преобразования sentence-types в spoken-sentences, то есть речевой актуализации виртуальной языковой схемы.

Структуральный синтаксис призван изучать именно **структурную** схему или **тип образования** фразы— моменты, представляющие в ней собственно синтаксический уровень, абстрагируясь как от речевого уровня, так и от уровня, переходного между языком и речью¹⁴.

Именно так рассматривала в целом вопрос традиционная грамматика, квалифицируя синтаксис как науку о строе фразы (а не о фразе как таковой, во всех ее проявлениях)¹⁵.

Мы попытались выделить синтаксический уровень во фразе, который должен явиться объектом изучения (структурального) синтаксиса. Таковым оказалась структурная типология фраз. Установив это, сталкиваемся, однако, с новым затруднением. В самом деле, количество возможных структурных типов фраз не знает ограничений, так что охватить их практически невозможно. Именно поэтому определения фразы со структурной точки зрения являются

столь же расплывчатыми, сколь и определения семантические¹⁶. Предмет синтаксиса оказывается с этой точки зрения весьма неопределенным (см. выше о невозможности однозначного определения грамматической природы слова).

Единичные фразы, встречающиеся в потоке речи, могут быть со структурной точки зрения самого различного объема и сложности¹⁷. Количество соответствующих структур, могущих функционировать в каком-либо языке в качестве фразовых, может быть поэтому как угодно велико. В принципе **любой** возможный в данном языке структурный тип (то есть любые возможные классы элементарных единиц, сочетания классов, сцепления сочетаний) является потенциальной фразой и действительно становится таковой, если ему сообщается речевая конкретность. С другой стороны, **ни одна** абстрактная схема не является еще фразой, пока она не „актуализована“, не переведена в речевую плоскость (см. выше).

Можно было бы возразить, что со статистической точки зрения одни структурные типы применяются в качестве фраз чаще, чем другие. Есть весьма обычные типы, как например $S\check{V}$ („ребенок спит“), SVS („ребенок ест яблоко“) и т. п. Но частота употребления — вопрос, относящийся скорее к компетенции лингвистики речи и могущий интересоваться при структурном анализе языка лишь косвенно. Непосредственно структуральный синтаксис устанавливает общие модели, сообразно с которыми создаются конкретные фразы, поэтому он занимается **возможным в принципе**, то есть не только часто случающимся, но и встречающимся сравнительно редко, и даже не встреченным, но принципиально допустимым и предсказуемым с точки зрения норм данного языка (не выходящим за рамки синтаксической правильности, или „отмеченности“ — как бы ни было трудно на практике уловить грань, отделяющую „правильное“ от „неправильного“). Именно так ставит вопрос ТГ, рассматривающая грамматику как собрание предписаний, необходимых и достаточных для порождения всех грамматически отмеченных (и только таких) предложений языка, то есть не только данных, но и возможных правильных предложений.

Далее, может показаться, что „фразовость“ является интегральным свойством некоторых структур, в отличие от других структур, являющихся фразовыми лишь в виде исключения. Так, присутствие глагола в личной форме кажется достаточным условием для того, чтобы данная структура рассматривалась как фразовая по преимуществу.

Действительно, такие структурные типы, как S, SVS и т. д. (с личным глаголом в центре) весьма часто выступают в речи в виде фраз. Однако, во-первых, как было замечено, взятая вне речи, ни одна структура, в том числе глагольная, еще не является конкретной фразой, а только голой схемой¹⁸. Во-вторых, невозможно с уверенностью сказать, мыслятся ли эти типы до речевой реализации как потенциальные законченные целостные единицы (фразы), как фрагменты более объемистых фраз или же сами подлежат разложению прежде, чем войти в качестве фраз в речь. Структурное единство типа SV может, конечно, составить основу фразы (ср. „ребенок спит“), но может явиться также фрагментом структуры фразы (такой, как SVAdv „ребенок спит-крепко“), либо же фразой может стать фрагмент рассматриваемой структуры („Что он делает?“ — „Спит“; глагол один составляет здесь всю фразу). В-третьих, структура с личным глаголом отбрасывается с центра фразы на ее периферию, когда образует придаточное предложение; в таком случае эта структура, естественно, не может считаться фразовой („Человек, которой смеется“: здесь в центре фразы не личный глагол, а существительное; глагол „смеется“ входит в состав придаточной части и не имеет самостоятельной фразообразующей силы). В-четвертых, поскольку речь идет именно о принципиальной способности данной структурной единицы лечь в основу фразы, то таковая присуща также **неглагольным** Структурам (напр. AS, „Поздняя осень“: субстантивная фразы). В современных индоевропейских языках в определенных сферах употребления неглагольные фразы сравнительно редки; однако они весьма типичны, например, в диалогической речи и в литературном повествовании, не говоря уже о том, что эта разновидность является единственно возможной в языках, где глагол отсутствует.

Таким образом, понятие фразовой структуры и структурной типологии фраз является весьма неопределенным¹⁹.

•Фраза это или нет— о языковой структуре, даже самой развернутой, сказать нельзя. Точнее, структура сама по себе не фраза, но она может быть **преобразована** во фразу. Это уже вопрос **использования** данного структурного типа в целях выражения и сообщения. Поэтому каждую конкретную фразу можно характеризовать как некоторую синтаксическую структуру (слово, сцепление слов и т. д.) „в действии“, — такую структуру, которая „здесь“ и „теперь“ актуализована в качестве **минимального (элементарного) речевого образования, функционирующего в целях выражения и сообщения определенного содержания.**

Из сказанного следует, что, несмотря на очевидное наличие во фразе синтаксического уровня, трудно остановиться на определении синтаксиса как науки, изучающей непосредственно строй фразы, и рассматривать в качестве прямого объекта синтаксиса структуру и структурную типологию фраз.

В целях полноты синтаксис должен был бы стремиться охватить всевозможные структурные типы. Однако имея в виду отсутствие ограничений в этом отношении, можно сказать, что практически никакой синтаксис не в состоянии сделать это. Если даже целый ряд типов будет зафиксирован, то все же не найдется твердой гарантии того, что синтаксическое описание является исчерпывающим и всеохватывающим²⁰.

Впрочем, такой анализ не только невозможен практически, но и ненужен теоретически. Анализ такого рода может быть полезен на первой стадии— наблюдения над речевым материалом для каких-то предварительных интуитивных допущений, либо же на последней стадии—практического применения результатов теоретического исследования, проверки адекватности этих результатов, или, например, при школьном анализе предложений, где эти результаты применяются уже догматически— в упражнениях, производимых с целью приучить к нахождению языкового остова фразы.

Однако теоретическое языкознание не может остановиться на стадии эмпирического наблюдения; с другой стороны, эффективные практические применения возможны только в случае, если наука пришла уже к определенным теоретическим выводам. Цель синтаксического исследования — выявить реализуемые в речевой деятельности фундаментальные структурные типы синтаксических комбинаций и их системные взаимоотношения. В противном случае» при простом подборе и даже классификации отдельных фактов синтаксис с уровня теоретической объясняющей науки опускается до уровня эмпирического каталога этих фактов.

Занимаясь непосредственно описанием конкретных фразовых структур и даже их типов, синтаксис превращается как раз в эмпирическую каталогизирующую дисциплину. Получающаяся при этом картина структуры языка оказывается неполной, поскольку, как отмечено выше, охват всего материала невозможен; она оказывается также лишённой целостности, ибо целое заслоняется деталями, отдельные факты заставляют потерять из виду систему.

Известно, что применяемый в американской дескриптивной лингвистике со времен Блумфилда анализ по непосредственно составляющим (НС) направлен именно на изучение данных в речи предложений и их отнесении к тому или иному структурному типу (см. выше). Недостаток этого метода как раз в том, что деление на НС представляет метод анализа речевой данности, анализа единичных фраз или, в лучшем случае, единичных типов фраз, встречающихся в потоке речи. В отличие от метода НС, трансформационный метод даёт возможность свести многообразие фразовых структур и их типов к определенному единству и вводит в описание некоторую систематичность, делает его менее неэкономным и громоздким²¹.

Как отмечалось выше, к числу основных требований научного описания принадлежат так называемые принципы полноты и экономии. Очевидно, что грамматика типа НС содержит не только необходимую, но также избыточную информацию, то есть является неэкономной; с другой стороны, такая грамматика, не будучи в состоянии охватить

все возможные структуры, не содержит всю необходимую информацию и является поэтому неполной.

Обращение к этим принципам заставляет отказаться от структуры и структурной типологии фраз как непосредственного предмета синтаксического описания. Полнота и экономность описания могут быть достигнуты только в том случае, если будет обнаружено элементарное структурное единство, фундаментальная синтаксическая категория, к которой сводятся многочисленные фразовые структуры. Только нахождение такого структурного понятия позволит действительно упростить синтаксическое описание, даст возможность адекватного изображения синтаксического строя языка. Как в других областях науки, так и в языкознании переход от эмпирического наблюдения к теоретическим обобщениям невозможен без привнесения подобных интуитивно сверенных конструктов.

То, что обычно принято описывать при помощи понятий фразы и компонентов фразы (составляющих), поддается, видимо, более эффективному описанию посредством понятия простейшей **бинарной синтаксической группы**. Как попытаемся показать ниже, бинарная группа представляет действительно элементарное построение, которое можно разложить лишь на единицы, не подверженные дальнейшему синтаксическому анализу. Количество возможных типов бинарных групп невелико, и поэтому их нетрудно охватить в описании; с другой стороны, каждый тип характеризуется строго определенной структурой, которая поддается точной фиксации. Все это заставляет думать, что введение понятия бинарной группы — необходимое предварительное условие построения теоретического синтаксиса и разработки основ полноценного синтаксического описания, отвечающего принципам полноты и экономии (а следовательно — условие эффективного практического применения результатов анализа: школьный „разбор предложений“, преподавание языков и т. п.). Другими словами, бинарная группа является в таком понимании **элементарной структурой, фундаментальной категорией •структурального синтаксиса**; с этой точки зрения понятие группы является как раз искомым **конструктивным поня-**

тием синтаксического описания (наряду с анализированным выше понятием элементарной синтаксической единицы)²².

В отличие от мимолетного речевого построения, которое рушится в самое мгновение своего создания, каковой является фраза, синтаксическая группа как структурная единица представляет собой замкнутый языковой мирок с прочно установленным строением, пребывающий неизменным в речевых модификациях.

С одной стороны нельзя, таким образом, согласиться с точкой зрения А. Гардинера, относящего фразу всецело к области речи, поскольку во фразе наличен также языковой аспект (синтаксический уровень). Но с другой стороны нельзя также рассматривать „строй“ фраз, их структурную типологию (языковой-синтаксический аспект) в качестве прямого объекта синтаксиса.

Фразовые модели включаются, конечно, в языковой код, но их адекватное описание возможно лишь при наличии прочной базы, каковой является для синтаксиса понятие группы.

Первейшая задача структурального синтаксиса— установление инвентаря этих элементарных структурных образований, их дифференциального значения, выявление их классов и системных взаимоотношений. Лишь совершив эту неизбежную предварительную работу, синтаксис оказывается в состоянии обратиться к проблемам структурных комбинаций, лежащих в основе построения фраз, типологии фраз с точки зрения входящих в их состав синтаксических групп и т. п.

Сказанное подтверждается следующим соображением. После введения де Соссюром в лингвистику четкой дихотомии: язык/речь стало очевидным, что язык представляет собой систему сосуществующих в каждый данный момент элементов, некую потенцию, наличную в памяти говорящих, хотя и в неосознанном виде. Задача лингвистики в том, чтобы выявить и описать имплицитно данную систему, в том числе систему синтаксических структур.

Было бы весьма необоснованно полагать, что структуры всех фраз, реализованные или только возможные, даны в языковом сознании, хотя бы как обобщенные схе-

мы, где слова представлены в форме классов слов. В языковом сознании говорящего наличны скорее элементы, из которых строятся фразовые модели. Таковыми прежде всего являются бинарные синтаксические группы. Это, пользуясь выражением Н. Хомского, „готовые блоки“, устоявшиеся структурные образования, представляющие в одиночку или в комбинациях материал для конструирования фразовых структур²³.

О некоторых итер- И так, необходимо конструктивное
претациях понятия понятие—понятие элементарной синтак-
элементарной синтак- сической структуры (простейшей син-
сической структуры таксической комбинации), к которой
в лингвистической таксической комбинации), к которой
литературе

можно свести при анализе и описании многообразные типы возможных в языках фразовых структур. Наряду с проблемой установления элементарной единицы синтаксического уровня, проблема установления элементарной синтаксической структуры принадлежит к числу наиболее важных в синтаксисе.

В структуральном синтаксисе в качестве элементарной синтаксической структуры часто рассматривают конструкцию НС и синтагму. По определению Л. Блумфилда, конструкция НС представляет сложную форму, образованную соединением двух составляющих форм— конститuentов²⁴. В качестве НС конструкции могут выступать морфемы, слова, сочетания слов. Синтагматическое учение рассматривает синтагму как линейную последовательность двух взаимосвязанных знаков, то есть опять-таки морфем, слов, комбинаций слов.

Очевидно, что по своему объективному содержанию понятия конструкции НС и синтагмы совпадают. Эти понятия характеризуются своей нарочитой неопределенностью: в качестве конструкции, так же как и в качестве синтагмы, может выступить любое грамматическое единство, имеющее бинарную структуру, то есть состоящее из двух связанных друг с другом элементов любого типа. Подчеркивается момент „структурности“ целого, но ближайших определений обычно избегают. Другими словами, оба типа анализа, будучи применимы не только на синтаксическом, но и на морфологическом уровне (и даже на уровне

фонологическом— в форме „просодического“ анализа), не являются методами собственно синтаксического исследования. Поэтому понятия конструкции составляющих и синтагмы не являются синтаксическими в собственном смысле слова.

Эти понятия не только не дают возможности как-то ограничить множество данных в речи (типов) фраз, свести их в определенные подмножества или классы. Напротив, оба понятия как бы специально выработаны с целью избежать введения в анализ языкового момента, качественно определенных языковых единств.

Становится очевидным, что конструкция НС и синтагма—это не такие синтаксические структуры, которым соответствовало бы искомое понятие, лежащее в основе синтаксического описания.

Сложнее обстоит с понятием „ядра“ в трансформационной грамматике (см. выше). ТГ представляет, очевидно, весьма сильную попытку упорядочить многообразие конструкций речи. Благодаря понятиям ядра и трансформации, описание действительно упрощается, и синтаксис, вместо того, чтобы давать случайное перечисление всевозможных разрозненных конструкций, может ограничиться систематическим изучением конструкций ядра и списком правил трансформации. Такая грамматика не только проще, она обладает большей теоретической ценностью—объяснительной силой.

Однако, как было показано, ТГ не дает объективных критериев для выделения конструкций ядра и не разрабатывает способов их установления. Она занимается скорее изучением взаимоотношения конструкций, уже выделенных при помощи синтеза по НС, чем вопросом их начального установления. Проблема элементарной синтаксической единицы и структуры в ТГ, собственно говоря, вообще не ставится. Тем не менее, весьма важно то обстоятельство, что лингвисты, разрабатывающие ТГ, подчеркивают необходимость выделения некоторой центральной зоны в многообразии синтаксических конструкций и привнесения в синтаксическое описание принципа простоты.

Гораздо ближе к искомому понятию элементарной синтаксической структуры традиционное понятие словосочетания.

Словосочетание— категория, привлекавшая к себе внимание многих лингвистов; разработке теории словосочетания посвящали содержательные труды выдающиеся лингвисты структурального направления— Трубецкой, Курилович, де Гроот²⁵.

Фортунатовская школа рассматривала словосочетание как родовое понятие, а предложение признавала лишь частным видом словосочетания. При этом словосочетание характеризовалось с последовательно формальной точки зрения— как сцепление слов, грамматически определенным образом оформленных.

В дальнейшем понятие словосочетания продолжает применяться в русской, а также в армянской грамматике, не отменяя, однако, понятия предложения и не ущемляя прав этой последней категории. В результате словосочетание и предложение начинают рассматриваться как равно важные синтаксические единства, причем словосочетание понимается как некое промежуточное звено между словом и предложением.

Насколько нам известно, наиболее подробное описание словосочетаний русского языка дано в Академической грамматике²⁶, а в применении к армянскому языку аналогичную работу проделал М. Абемян²⁷.

Первый шаг при рассмотрении словосочетаний— это установление типов (подчинительных) соединений, причем в качестве критерия классификации берется грамматический класс (часть речи) центрального слова. Так выделяются, например, словосочетания, где в роли главного члена выступают глаголы, существительные, прилагательные и т. д. Здесь сохраняется синтаксический критерий деления, словосочетания распределяются с точки зрения их структурно-функциональных особенностей.

Однако следующий шаг в классификации явно нарушает избранный ранее синтаксический принцип в пользу принципа формально-морфологического. Каждый из отмеченных типов словосочетаний делится на подтипы в зависимости

от морфологического состава, а не от характера синтаксического отношения, структуры целого или функций элементов. Так, глагольные сочетания делятся далее не по функции подчиненного слова—на объектные и обстоятельственные, а в соответствии с внешним оформлением—на беспредложные и предложные сочетания глагола с существительным в том или ином падеже и т. д. При этом синтаксически тождественные, но различно оформленные конструкции разъединяются. Так, несмотря на их функциональное родство, обстоятельственные конструкции типа „идти домой” и „подойти к дому” распределяются по различным рубрикам, поскольку существительные в них имеют неодинаковое падежно-предложное оформление. Напротив, конструкции, синтаксически различающиеся, объединяются в случае общности морфологического выражения: типы „идти по полю” и „любить всей душой” попадают в одну рубрику сочетаний с творительным падежом, несмотря на резкое различие в функциональном отношении (функция обстоятельственная в первом примере, агентивная—во втором)²⁸.

Внутри этих подтипов классификационный критерий вновь меняется; начинают опираться на семантику отношения (напр., выделяют объектные, временные, пространственные и т. д. сочетания с винительным падежом).

В данном понимании категория словосочетания не может быть признана синтаксической и для синтаксиса не приемлема, поскольку синтаксические явления интерпретируются и классифицируются в морфологическом плане. Семантическое дробление подвидов словосочетаний, к которому прибегают в дальнейшем, не устраняет непоследовательности, а только усиливает ее. В этом смысле подход формалистической школы, строго придерживавшейся одного лишь морфологического принципа, был менее эклектичен²⁹.

Не помогает также попытка дополнить описание синтаксического строя введением категории членов предложения. В этом случае также часто опираются не на синтаксический, а на семантический признак, почему и оказывается, что, например, дополнение возможно не только при глаголе („продаю дом”), но и при соответствующем

отглагольном существительном („продажа дома")³⁰. Фактически же при семантической общности эти две конструкции синтаксически резко разнятся (в первой из них имеем приглагольное существительное- дополнение, во второй— присубстантивный эквивалент прилагательного— определение, представленное существительным и функционально тождественное подчиненному существительному-определению при неотглагольном главном существительном: „ножка стола" и даже прилагательному в группе „столовый нож“).

Раздел, посвященный членам предложения, присоединяется к разделу словосочетаний механически и не заключает дальнейшего углубления анализа. Получается двухплановое описание синтаксических явлений: с морфологической точки зрения (словосочетание) и с точки зрения логико-семантической (член предложения), тогда как синтаксический план в собственном смысле слова игнорируется.

Однако даже в случае строго синтаксической интерпретации понятия „члена предложения" оно оказывается мало пригодным при структурном анализе. С синтаксической точки зрения **член предложения**— элемент, непосредственно соотносящийся с предложением (фразой) в целом. В этом смысле нельзя ставить знак равенства между понятиями члена предложения и (самостоятельного) слова, как это делает традиционная грамматика.

Так, слово-фраза не является „членом предложения", а само образует законченное предложение. В составе развернутого, образованного из комбинации двух и более словосочетаний предложения непосредственными членами последнего являются именно эти словосочетания, тогда как слова входят в состав предложения лишь косвенно—как элементы словосочетаний. Слово действительно непосредственно соотносится с предложением лишь в случае, когда это предложение состоит из одного словосочетания (напр., „Жребий брошен"). Но и здесь в качестве **структурной** единицы слово является, прежде всего, членом соответствующей словосочетательной модели, а „членом предложения" оказывается лишь в силу специфического речевого применения последней. Таким образом, понятие

„члена предложения" в синтаксической интерпретации оказывается столь же неопределенным, сколь понятия НС и синтагмы. „Гибкость" подобных категорий и составляет, в сущности, их недостаток: безразлично относясь к качественной дифференцированности фактического материала, они не в состоянии служить основанием для его достаточно четкой классификации и описания.

Фактически же так называемые „члены предложения" — это в основном те же термины словосочетания (определение—член субстантивной, подлежащее, дополнение и обстоятельство—члены глагольной группы). Так, определение в сочетании „белый шарф" тождественно определению во фразе „купили белый шарф", поскольку в обоих случаях его функционирование как определения обусловлено классом управляющего слова (в данном случае—существительного)³¹.

Попытка соотнести слово с предложением, минуя словосочетание, не может быть признана удачной. Если на практике она не приводит к путанице, являющейся логическим завершением синтаксиса „членов предложения", то это лишь потому, что на место последних на деле вновь подставляются— в несколько ином понимании— те же термины словосочетания. Но в этом случае один и тот же анализ повторяется дважды³²; возникающая при этом избыточность в описании— веское доказательство излишности категории „членов предложения" в синтаксисе.

С другой стороны, словосочетание не может рассматриваться как промежуточное звено между словом и предложением. Различие между словосочетанием и предложением (фразой) имеет качественный, а не количественный характер. Отдельное слово или словосочетание также могут выступать в речи в качестве предложений, и тогда к свойственной им номинативной функции прибавляется функция экспрессивно-коммуникативная. Бытие данной единицы фразой обусловлено не строением, а именно наличием этой последней функции. Отрывок „Ночь, улица, фонарь, аптека" содержит четыре слова, непосредственно, без промежуточной инстанции (словосочетание) выступающих как предложения.

В целом введение в синтаксис понятия словосочетания само по себе явление положительное, продиктованное стремлением обнаружить наименьшую структурную единицу синтаксиса. Однако конкретное применение этого понятия приводило зачастую к отклонению от содержания и задач подлинно научного синтаксиса, к эклектическим построениям, основанным на смешении уровней и субъективном произволе.

Только анализируя словосочетание в собственно синтаксическом плане—как единицу структурно-функционального порядка, как группу, характеризующую синтаксическим отношением компонентов, мы действительно будем иметь дело с искомым структурным единством и соответствующим понятием. Во избежание смешения с морфологизированной категорией словосочетания необходимо квалифицировать это явление другим термином. Предпочтительнее термин „синтаксическая группа“, применяемый некоторыми лингвистами, напр., И. И. Мещаниновым³³.

Трудность определения понятия элементарной синтаксической группы как ментарной синтаксической структуры находится в прямой зависимости от

отмечавшейся выше трудности определения понятия элементарной синтаксической единицы.

Однако поскольку в предыдущем разделе была принята определенная интерпретация понятия элементарной синтаксической единицы, здесь можем ограничиться указанием на то, что элементарная синтаксическая структура представляет иерархическое сцепление двух единиц разных синтаксических классов (элементарных единиц или их расширенных эквивалентов).

Выше отмечалось, что синтаксические комбинации представляют собой неэлементарные (синтаксически разложимые) единицы сочинительного или подчинительного характера. Следует сразу же отметить, что так называемые сочинительные комбинации занимают совершенно особое место.

На первый взгляд сочинительное сочетание типа „маленький и грязный“ образовано из соединения двух элементарных единиц: „маленький“, „грязный“ („и“ является

простой связкой, указывающей на наличие координации). Однако функциональная идентичность сочиненных элементов, их структурная одноплановость; отнесенность к одному и тому же синтаксическому классу заставляет думать, что они представляют на деле одну и ту же элементарную синтаксическую единицу, повторенную дважды. Явление сочинения вносит количественные модификации в структуру предложения. Поэтому здесь не имеется синтаксической структуры в строгом смысле слова или, если угодно, имеется структура „нулевая“. Многие лингвисты склонны рассматривать сочинительные сочетания (так называемые „однородные члены предложения“) как результат расщепления („раздвоения“, „растроения“ и т. д.) единого термина, который, однако, продолжает оставаться структурным целым³⁴.

Изучение сочинительных комбинаций — задача сравнительно простая и, вместе с тем (имея в виду своеобразие этих комбинаций как особого „нулевого“ структурного типа), — весьма важная для грамматики. Однако подлинными синтаксическими структурами являются сочетания **подчинительные**, компоненты которых структурно разноплановы, принадлежат к различным категориально-функциональным классам; при изучении таких сочетаний сталкиваются с проблемами более многочисленными и сложными, чем при изучении явления сочинения.

Каждая подчинительная структура представляет иерархическую комбинацию двух или более элементарных единиц (элементов, терминов). По месту, занимаемому в подчинительной структуре, различаются единицы управляющие — центральные и управляемые — периферийные. Подчинительные сочетания делятся в свою очередь на ряд структурных разновидностей:

а) Простейшую структуру, представляющую иерархическое сочетание двух терминов (управляющего и управляемого), назовем **бинарной синтаксической группой**. Во фразе „Редет облаков летучая гряда“ имеются бинарные группы: „редет гряда“, „гряда облаков“, „летучая гряда“.

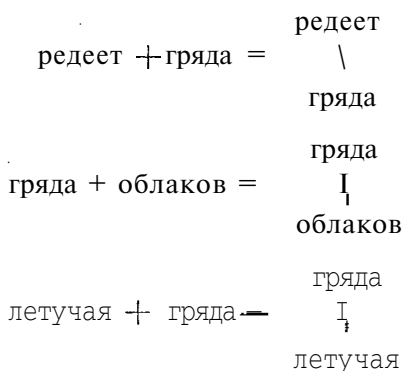
б) Бинарные группы могут соединяться в более сложную структуру, которую назовем **пучковой группой** (или

узлом, см. ниже). Пучковая группа состоит из двух или более бинарных групп с общим центральным элементом; ср. „облаков летучая гряда“.

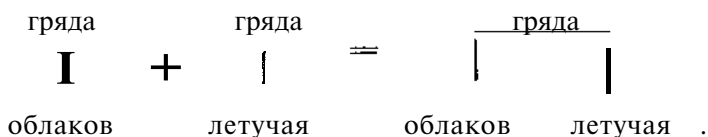
в) Как бинарные, так и пучковые группы могут выступать в составе фразы в комбинациях при наличии общего элемента, управляемого в одной и управляющего в другой группе: „Редеет облаков летучая гряда“³⁵.

Образование групп и их комбинаций схематически можно представить следующим образом:

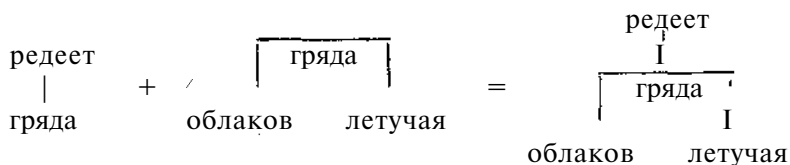
1) образование бинарной группы из двух простейших единиц:



2) образование пучковой группы из бинарных:



3) комбинации групп (бинарных или пучковых) во фразе:



Из этих типов первый — бинарная группа — и представляется искомой элементарной синтаксической структурой, фундаментальной категорией, которой соответствует наиболее рациональный конструкт моделирования в струк-

туральном синтаксисе (это понятие нельзя, разумеется, смешивать с рассмотренным выше понятием элементарной синтаксической **единицы**).

Тогда как пучковые группы и комбинации групп сводятся к простейшим структурным единствам— бинарным группам,— эти последние могут быть разложены только на элементы неструктурного порядка. В отличие от эмпирически и случайно подобранного ядра ТГ, совокупность классов бинарных групп образует строго очерченный конструкционный костяк языка— его подлинное синтаксическое ядро.

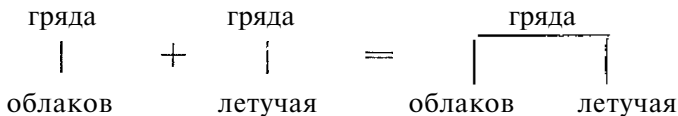
Для адекватного структурного анализа фразы любого типа, любой сложности и величины необходимо и достаточно знать структуру и структурную типологию наличных в языке элементарных групп. Так, описание структуры групп „редеет гряда“, „гряда облаков“, „летучая гряда“ совершенно автоматически доставляет информацию относительно структуры фразы „Редеет облаков летучая гряда“³⁶. Описание, базирующееся на понятии элементарной синтаксической группы, прежде всего бинарной, позволяет поэтому воссоздать картину синтаксического строя языка наиболее полным и экономным образом.

Структуральный синтаксис можно охарактеризовать с этой точки зрения как науку, непосредственным объектом изучения которой является **строй синтаксической группы** (элементарной и, далее, пучковой) и только косвенно— строй фразы. Задача синтаксиса— показать, из каких элементов, на основе каких связей конституированы группы в зависимости от их принадлежности к тому или иному структурному классу, каковы функции этих элементов, природа связующего их отношения. Необходимо, далее, выяснить системные взаимоотношения разновидностей групп, их языковую иерархию. Линейные и морфологические правила, определяющие соответственно расположение элементов синтаксических групп и внешнее обозначение категорий, функций и связей входящих в эти группы единиц, выходят за пределы непосредственного рассмотрения синтаксиса, однако необходимы для завершения картины грамматического строя языка в целом.

Может показаться, что, кроме описания и классификации групп, синтаксис должен был бы содержать правила их комбинации, без чего изучение принципов конструирования фразы явилось бы неполным.

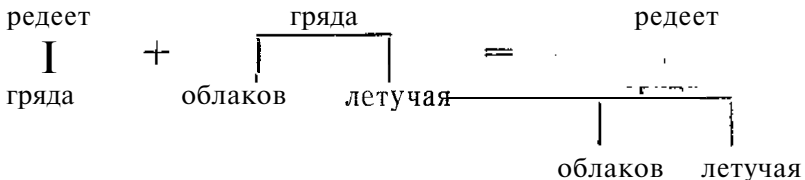
Однако замечательная особенность этих групп, о которой отчасти говорилось выше, освобождает синтаксиста от подобной работы. Дело в том, что группы, комбинируясь, не присоединяются друг к другу как целое к целому; имея какой-то общий элемент, они взаимно друг в друга проникают. Правил комбинаций групп, собственно, не существует; точнее, эти правила те же, что и правила образования простейших групп из их элементов.

При комбинации бинарных групп в пучковые необходимо соблюдение единственного условия: пучковая группа может иметь только один (простой или расщепленный на координированные компоненты) центральный элемент, поэтому образуется из бинарных групп, имеющих один и тот же управляющий термин. Последний и оказывается в центре пучковой группы.



(„гряда“— общий управляющий термин этих бинарных групп— образует также центр пучковой группы).

Комбинации групп— бинарных или пучковых— во фразе основаны в целом на этом же принципе. Отличие лишь в том, что здесь в качестве общего соединяющего звена выступает управляемый термин одной группы, управляющий другой:



(„гряда“— управляемый термин первой, управляющий второй группы— является общим их компонентом в комбинации).

Несмотря на органическое слияние групп, каждая из них сохраняет во фразе свое внутреннее своеобразие. На структурную автономию группы „редеет гряда“ не влияет наличие у существительного „гряда“ определений; с другой стороны, структурная целостность группы „летучая гряда облаков“ не ущемляется вследствие отнесенности существительного также к группе „редеет гряда“.

Благодаря обеим этим чертам— органической слитности и внутренней автономии— группы образуют во фразе стройную иерархию. То, что представляется внешним отношением различных групп, с другой точки зрения есть отношение элементов внутри одной группы. Именно поэтому любые правила комбинации групп можно свести к правилам комбинации соответствующих элементов в группах (подробнее о последних см. ниже).

Комбинации групп становятся возможными просто потому, что один и тот же термин может принадлежать одновременно двум различным группам, причем в пучковой структуре он является центром обеих бинарных групп, а в более сложных структурах находится в центре одной, на периферии другой группы. Это объясняется наличием у слов определенных типов некоей „связующей силы“, то есть способности быть узлом отношений.

Эта связующая сила (*puissance podale*, по терминологии Ж. Дамуретта и Э. Пишона³⁷), есть не что иное как **валентность** данного синтаксического класса или подкласса. Л. Теньер, посвятивший анализу явления валентности один из разделов своих „Элементов“, приписывает связующую силу только глаголам³⁸. В этом он солидарен с Дамуреттом и Пишоном, считавшими связующую силу различным признаком прежде всего глагольных слов³⁸.

Действительно, свойство валентности проявляется особенно отчетливо именно у глаголов, а также у производных от глагола элементов; глаголы дифференцируются на подклассы в зависимости от количества и типа обусловленных их валентностью приглагольных субстантивных элементов: так, различаются глаголы безличные (невалентные), интранзитивные (одновалентные, предполагающие лишь субъект) и т. д.⁴⁰.

При такой интерпретации валентность рассматривается лишь как языковое (внеконтекстуальное) свойство глаголов. Однако возможно более широкое понимание валентности, при котором это свойство приписывается также остальным классам полных слов; кроме того, представляется необходимым различать валентность в языке и валентность в речи. Наконец, важное значение имеет **направление** валентных связей.

Языковую валентность можно охарактеризовать как свойство одного синтаксического класса притягивать, предполагать, „требовать“, „предсказывать“ элементы другого класса, обуславливать их появление. Речевой валентностью, соответственно, будет называться свойство данного конкретного слова (вообще элементарной синтаксической единицы) притягивать другое конкретное слово⁴¹. Языковая валентность присуща с этой точки зрения не только глаголам: так же, как глагол предполагает подчиненные субстантивные термины, прилагательное предполагает подчиняющее его существительное, наречие — подчиняющий глагол. Различно направление связей (в первом случае от центрального термина группы к периферийному, во втором и в третьем — обратно), но свойство „предполагаемости“ налично в обоих случаях⁴². В отличие от глагольной валентности, валентность прилагательных и наречий не дифференцирована и не дает основания для деления тех и других на подклассы.

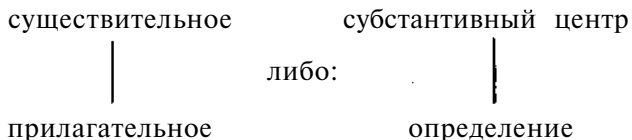
В плане языковых отношений такая валентность является **необходимой**. Напротив, существительное само по себе, как элемент языка каких-либо прилагательных-определений в качестве подчиненных ему элементов не предполагает; точно так же глагол, прилагательное и наречие не предполагают подчиненных наречных терминов — „обстоятельств“ (исключение составляют некоторые глаголы направленного движения типа „идти“, „вернуться“ и т. п., требующие в силу своей семантики обстоятельственного ограничения). В этих случаях языковая валентность является **факультативной**⁴³.

Что касается речевой валентности, то здесь не наблюдается различия между необходимым и факультативным

типами. В речи любая синтаксическая связь присутствует актуально, уже дана и в качестве таковой необходима. Факультативные языковые валентности в речи преобразуются в необходимые. Если в языковом плане связь между глаголом и существительным, существительным и прилагательным, глаголом и наречием однонаправлена, то в речи оба термина подчинительной группы необходимо пред- полагают друг друга. „Принцип дополнительности абсолю- тен в проявлениях речи, между тем как в языке, с мнемонической точки зрения, наряду со случаями допол- нительности наблюдаются и случаи одностороннего опре- деления; так, прилагательное обязательно определяет существительное, в то время как существительное не обязательно определяется прилагательным. Напротив, в речи такая синтагма, как „красное платье“, не представ- ляет подобной двойственности, потому что „платье“ опре- деляется понятием „красное“, а „красное“ определяет „платье“. Дополнительностью внутри языка объясняется взаимная согласованность языковых категорий”⁴⁴.

Связующая сила, или валентность данного синтаксичес- кого класса проистекает из его категориального содержа- ния; на ее основе возникают синтаксические связи опре- деленного типа, а следовательно, синтаксические группы определенных типов⁴⁵.

Применительно к группе возникает та же проблема разграничения языкового и речевого уровней, что и при- менительно к фразе. Синтаксический уровень в группе, как и во фразе,— это тип, модель, общая схема кон- струирования. Речевой аспект группы—это ее номинативная (назывная) функция⁴⁶, линейная рядоположенность слов и конкретное лексическое наполнение. Отвлечшись от этих моментов, найдя структурную иерархию синтаксических элементов в группе и выразив последние в терминах клас- сов— частей речи— или функций, найдем интересующий синтаксиста структурно-функциональный уровень группы. Так, языковой аспект (структурный тип) субстантивной группы „летучая гряда” можно представить следующим образом:



Относительно группы можно повторить то, что было сказано о фразе: и здесь имеет место речевая актуализация виртуальной структуры, проходящая через ряд перекодировок, не отражающихся на синтаксической природе группы. Общее определение бинарной группы, аналогичное данному выше определению фразы,— **элементарная синтаксическая структура, функционирующая в целях номинации**⁴⁷.

Синтаксическая группа лишена существенных для фразы черт: экспрессивно-коммуникативной функции и интонационной законченности.

Л. Теньер разработал теорию синтаксических групп, которые он называет „узлами“⁴⁸. Из системы этого лингвиста со всей очевидностью вытекает положение, что фраза не может и не должна интересовать синтаксиста непосредственно: она познается в узлах и через узлы.

Однако у Теньера разновидности синтаксических групп дифференцированы недостаточно. В частности, не подчеркнута бинарность элементарной группы, что является, видимо, рецидивом традиционной направленности синтаксического анализа на речевые, а не языковые построения. Теньер не усматривает принципиальной разницы между двумя основными типами групп, квалифицируя их общим термином („узел“). Однако назвать узлом бинарное сочетание типа „белый шарф“ можно лишь с некоторой натяжкой: понятие узла предполагает наличие пересекающихся связей нескольких элементов. Сам Теньер также имеет здесь в виду чаще всего структуры, которые мы обозначили как пучковые (так, в его понимании „глагольный узел“— это глагол со всеми возможными подчиненными ему элементами). Поэтому полагаем возможным отнести термин „узел“ именно к пучковой, но не к бинарной структуре.

Хотя и описание возможных в языке пучковых (узловых) структур также достаточно просто (Теньер посвятил ему значительную часть своего основного труда)⁴⁹, однако именно описание по бинарным структурам позволяет достигнуть максимальной возможной простоты и представляется достаточным для охвата материала.

Наконец, необходимо отметить как сходство, так и различие анализа по группам и анализа по НС. Последний основан, как известно, на **дихотомическом** принципе: считается, что любая конструкция, за исключением сочинительных (то есть, пользуясь терминами Блумфилда, все экзоцентрические и подчинительно-эндоцентрические конструкции) имеют бинарное строение, двучленны (образованы из двух конституентов)⁵⁰. Этот принцип нашел защитников в лице многих лингвистов⁵¹. Твердо придерживается его синтагматика.

Однако, насколько нам известно, принцип бинарности выдвигался скорее априорно, чем в связи с изучением объективной природы фактов. Доля истины в этом принципе, несомненно, содержится. Самое понятие подчинения предполагает соотнесенность двух элементов — подчиняющего и подчиненного.

То же можно сказать об отношении, возникающем на основе оппозиции подлежащего и сказуемого. Так называемое „предикативное“ (точнее, субъектное) сочетание (подлежащее + сказуемое) часто выделяется в особый тип наряду с сочетаниями сочинительным и подчинительным⁵².

Различие подчинительного и предикативного сочетаний усматривают в степени необходимости компонентов: подчиненный член подчинительного (эндоцентрического) сочетания может быть удален без ущерба для конструкции в целом, тогда как оба термина предикативной группы, как „экзоцентрической“, равно необходимы и предполагают друг друга. Пользуясь терминами Л. Ельмслева, можем сказать, что в первом случае имеем „селекцию“, во втором „солидарность“⁵³.

Однако ряд синтаксических особенностей подлежащего (в частности, его взаимозаменяемость с прямым дополнением при трансформации активной конструкции в пассив-

ную) заставляет думать, что оно представляет подчиненный личному глаголу элемент того же порядка, что и дополнение.

Подлежащее, выраженное отдельным словом, не представляется синтаксически столь же необходимым термином сочетания, как глагол; во всяком случае, оно не более необходимо, чем дополнение при транзитивном глаголе. Безличные глаголы (типа „светает“, *it rains* и др.) вообще обходятся без лексически полновесного подлежащего. В сочетании типа *I believe* (с личным глаголом) местоименное подлежащее, на первый взгляд столь же необходимое, сколь и глагол, на деле самостоятельно лишь формально: оно является здесь простым актуализатором глагола, как, скажем окончание в латинском *credo*, где элементы подлежащего и сказуемого слиты в глаголе. Наконец, в сочетании типа *Peter believes* подлежащее-существительное представляет лексическое уточнение грамматического подлежащего, уже наличного в глагольном окончании (в ЭТОМ случае элементы подлежащего распределяются между разными словами: *Peter, -es*)⁵⁴.

Из сказанного следует, что „предикативное“ отношение можно рассматривать как вид подчинительного (как подчинение подлежащего глаголу, образующему центр синтаксической группы) и что конструкцию типа „действие-деятель“ предпочтительно рассматривать как эндо- (а не экзо-)центрическую⁵⁵.

Подлежащее находится на том же структурном уровне, что и подчиненное глаголу дополнение; это особенно ясно ощущается при трансформации активной конструкции в пассивную⁵⁶. Глагол в личной форме как бы образует ось, вокруг которой обращаются приглагольные субстантивные термины.

Сочетание глагола с подлежащим как гипотаксическое также подвержено дихотомическому анализу: подчиняющий/подчиненный члены (впрочем, конструкция явилась бы бинарной даже с точки зрения традиционного школьного понимания подлежащего и сказуемого как „главных членов предложения“).

Таким образом, бинарное строение элементарных подчинительных групп очевидно. Однако последовательные сторонники дихотомического принципа упускают, кажется, из виду простую возможность **соподчинения** двух и более непосредственно синтаксически не взаимосвязанных (не сочиненных) элементов одному и тому же центральному термину.

„Гряда облаков" и „летучая гряда" суть, действительно, бинарные конструкции, или группы, однако в сочетании „облаков летучая гряда" эти группы связуются воедино через общее звено (узел отношений) и дают пучковое, в данном случае трехчленное образование. Над принципом бинарности, не отменяя, а дополняя его, возводится принцип пучковой, или узловых структуры..

Рассмотрим подчинительные группы „белый шарф" и „новый шарф". Эти группы, каждая из которых заключает по два элемента (имеет бинарное строение), трудностей при анализе не вызывают.. Но как быть, скажем, с группой типа „новый белый шарф"? С точки зрения грамматики НС следует сначала делить: „новый/белый шарф", затем оставшуюся часть: „белый/шарф". Прилагательное „новый" рассматривается как подчиненное не существительному „шарф", а сочетанию „белый шарф" в целом.

Однако внимательный анализ показывает, что эта интерпретация основана на критериях несинтаксического, неструктурного порядка. При данном делении играют роль, во-первых, семантический момент („новый" менее интегральное определение, чем „белый", потому отпадает легче), а во-вторых, расположение слов: при обратном порядке („белый новый шарф") последовательность деления также была бы обратной. И как поступить с французским *une écharpe blanche*, где прилагательные располагаются по обе стороны существительного и неизвестно, какое из них отбросить первым⁵⁷. Это — лишь незначительная часть трудностей, с которыми связан анализ по НС. Трудности эти стремились преодолеть попытками усовершенствования, однако дело было» очевидно, в недостатках самого метода. НС, направленного на анализ речевых феноменов..

Замечания о классах элементарных синтаксических структур и их системных взаимоотношениях

В отличие от классификации элементарных синтаксических единиц, классификация элементарных синтаксических структур (бинарных групп) специфических затруднений не представляет. Дифференциальный признак синтаксических комбинаций — их состав, конституированность из элементарных синтаксических единиц того или иного класса (см. выше). Когда классы элементарных синтаксических единиц („части речи“) установлены, остается произвести исчисление всех их возможных минимальных комбинаций и отбросить комбинации которые в языках не встречаются. Таким образом будет установлен инвентарь классов элементарных синтаксических структур.

Синтаксический тип данной бинарной или пучковой группы определяется классом конститутивного главенствующего элемента (слова, аналитического сцепления); именно им предопределяется состав и функционирование подчиненных элементов. Напротив, функция управляющего термина в составе других (вышестоящих) групп принципиального значения на первой ступени анализа не имеет (см. приведенный выше анализ примера „юный друг“). „... в своих внешних связях словосочетание представлено только определяемым членом“⁵⁸.

Так, установление субстантивного характера подчиняющего элемента данной группы достаточно для автоматического предсказания природы и функционирования подчиненных элементов. Действительно, слово, подчиненное существительному, это всегда прилагательное („**гениальное** творение“) или эквивалент прилагательного („творение **гения**“)⁵⁹.

Класс центрального элемента предопределяет также функционирование подчиненных слов: присубстантивное слово необходимо является по функции определением (согласованным или нет — это уже вопрос морфологического выражения). Наконец, очевидно, что синтаксическое отношение членов субстантивной группы есть всегда отношение **атрибутивное** (отношение определения к определяемому).

При этом функция главенствующего существительного не играет никакой роли: так, различные формы слова „творение“ в группе „гениальное творение“ могут выступить во фразе в качестве подлежащего или дополнения, обстоятельства или определения; слово „гениальное“ всегда остается прилагательным-определением.

Глаголу подчиняются субстантивные элементы (существительные и их эквиваленты), выступающие в функции подлежащего при субъектной связи и дополнения при объектной. К глаголу могут относиться также наречия и их эквиваленты; те и другие всегда выступают в функции обстоятельств. Подчиненные члены в глагольной группе несколько более дифференцированы, чем в субстантивной: помимо части речи главенствующего элемента здесь следует уточнить часть речи и функцию элемента подчиненного (существительное это или наречие, и если существительное, то субъект, прямой или косвенный объект или агентивный объект при пассивном глаголе). Впрочем, здесь опять-таки сам глагол своим значением и синтаксической валентностью предполагает наличие тех или иных субстантивных подчиненных членов (напр., переходный глагол требует дополнения), а обстоятельство является большей частью факультативным (синтаксически не предполагаемым) подчиненным членом.

Так называемые сложно-подчиненные предложения, а также предложения с причастными и деепричастными оборотами, представляют особые разновидности соответствующих групп, с той лишь разницей, что тут в роли подчиненного элемента вместо слова выступает целая фраза, низведенная до степени расширенного эквивалента элементарной синтаксической единицы (преобразованная в какую-либо часть речи). Так, переходный глагол образует с относящимся к нему придаточным дополнительным разновидность бинарной глагольной объектной группы, где придаточное имеет категорию и функцию существительного-дополнения. По этому же принципу распределяются и другие группы с подчиненной придаточной частью. Одно из отличий синтаксической группы в данном понимании от традиционной категории словосочетания состоит в том,

что в качестве компонентов группы могут выступать не только полные слова и аналитические словоформы, но и расширенные эквиваленты элементарных синтаксических единиц (идиоматические обороты, придаточные предложения и т. д.), поскольку они по категориально-функциональному содержанию тождественны простым составляющим группы.

Подобно словосочетаниям, бинарные группы делятся, в зависимости от класса центрального элемента, на глагольную, субстантивную, адъективную и адverbиальную (местоименные сочетания принадлежат к какому-либо из типов—в соответствии с синтаксическим классом центрального местоименного слова).

Однако дальнейшее дробление групп не совпадает с обычной классификацией словосочетаний по подтипам, что также составляет специфическую особенность синтаксических групп. Распределение четырех фундаментальных классов групп по подклассам производится, в отличие от распределения классов словосочетаний, не по морфологическим или семантическим признакам, а на основе **синтаксического отношения** (например, объектного, обстоятельственного), обуславливающего структурно-функциональные особенности данного подкласса. Морфологические модификации рассматриваются как внешние показатели, могущие, впрочем, отсутствовать (**нулевой** показатель). Анализ направлен от категорий, отношений и функций к их внешнему обозначению; тем самым возникает возможность избежать морфологизации синтаксиса. Так, речь идет не о различных употреблениях формы творительного падежа, а, например, о различных формах обозначения обстоятельственной связи и соответствующей функции. Внутреннее единство подразделений обеспечивается синтаксической, а не морфологической общностью конструкций. Семантические подразделения, не имеющие структурной корреляции (например, родительный субъекта, объекта и т. д.) также затрагивают синтаксис лишь косвенно; при таком подходе преодолевается „семантизация“ описания („логицизм“ в синтаксическом описании).

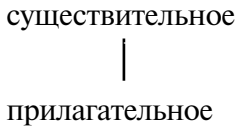
Исходя из вышеизложенного, можно наметить следующие основные классы бинарных структур, образующие в совокупности ядро синтаксического строя языка:

а) в терминах классов элементарных синтаксических единиц:

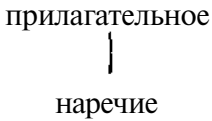
глагольная группа:



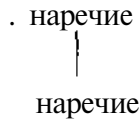
субстантивная группа:



адъективная группа:

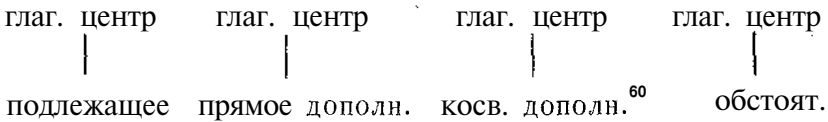


адвербиальная группа:



б) в терминах функций:

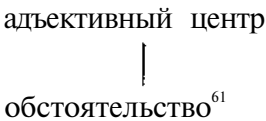
глагольная группа:



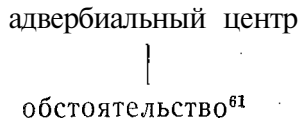
субстантивная группа:



адъективная группа:



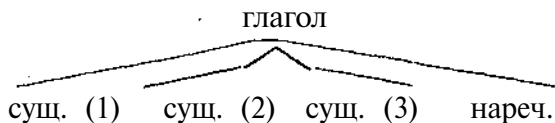
адвербиальная группа:



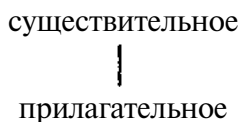
На основании этой классификации легко установить типы **пучковых** структур (узлов). При максимальной возможной их нагруженности подчиненными элементами получается следующая картина:

а) в терминах классов:

глагольная группа:

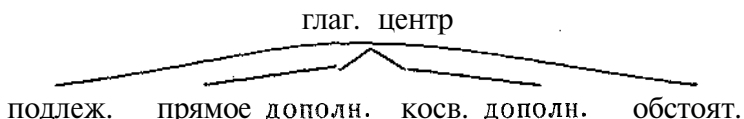


субстантивная группа:

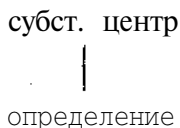


б) в терминах функций:

глагольная группа:



субстантивная группа:



Адъективная и адverbиальная группы всегда имеют би-нарное строение и вводятся во фразу непосредственно, не образуя пучковых структур⁶².

Системные взаимоотношения классов элементарных синтаксических структур возникают на основе системных взаимоотношений их компонентов— классов элементарных синтаксических единиц. Эти взаимоотношения отражают в конечном счете возможные взаимопереходы между элементарными синтаксическими единицами (см. выше) и мо-

гут быть исчислены с помощью трансформационного анализа. Исчисление трансформаций групп дает возможность установить закономерные непосредственные или опосредованные системно-парадигматические отношения между различными синтаксическими конструкциями⁶³.

Систематическое и развернутое исчисление трансформаций синтаксических структур, как простейших, так и более развернутых, содержится в упоминавшейся выше работе С. К. Шаумяна и П. А. Соболевой, где дается так же интерпретация этих трансформаций на уровне русского языка⁶⁴.

Давая схему классов бинарных и пучковых синтаксических структур, мы стремились отобразить лишь необходимое и достаточное на строго синтаксическом уровне. В схеме не учитывалась способность каждого термина расщепляться на два или более однородных (сочиненных), компонента, а также существование терминов, транслированных из других частей речи и целых фраз. Поэтому названия частей речи взяты здесь в наиболее широком смысле; так, „существительное" обозначает здесь, помимо собственно субстантивных слов, любые их эквиваленты, составляющие неделимое синтаксическое единство: аналитические (типа *the man*), фразеологические („пропавший человек"), сочинительные („земля и люди"), расширенные (придаточные субъектное и объектное). То же относится — с соответствующими коррективами — ко всем употребленным в схеме обозначениям.

В схеме не отмечены также избыточные в структурно-синтаксическом отношении категории (род, число, время и т. д.), становящиеся релевантными лишь на морфологическом уровне, при наличии соответствующих морфемных оппозиций **внутри** той или иной части речи в данном языке. Зафиксированы лишь „чисто-реляционные" понятия общесинтаксического характера, которыми исчерпывалась бы грамматика идеально „синтаксического" языка, содержащего лишь синтаксические модели и лексические элементы, объединяемые в дистрибутивные классы по сочетаемости в этих моделях. Другими словами, схема дается в отвлечении от морфологической вариантности классов

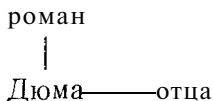
синтаксических единиц и структур, без дальнейшего дробления этих классов на морфологические подклассы.

С другой стороны, с целью охвата всего синтаксически действительно необходимого, в схеме даются лишь наиболее общие возможные классы бинарных и пучковых групп. Однако на практике далеко не все конкретные элементы, входящие в состав данного класса, способны вступать в отмеченные комбинации. Так, прямое дополнение возможно лишь при прямо-переходных глаголах — особенность последних, служащая как раз основанием для их выделения в отдельный подкласс глагольных слов. В свою очередь далеко не всякий конкретный переходный глагол способен сочетаться с любым конкретным субстантивным дополнением: „проглотить” можно, скажем, „булавку”, но не „Тибет”. Местоименные существительные не принимают определений, выраженных прилагательными и т. д. Подобные ограничения обусловлены узостью грамматической либо семантической сочетаемости отдельных слов, смысловых разрядов слов, их целых грамматических подклассов. В схеме от этих ограничений отвлекаемся и учитываем только потенцию сочетаемости синтаксических классов как наиболее общих категорий, наделенных максимальной возможной для них валентностью и минимально ограниченной сочетаемостью в моделях. Тем самым отвлекаемся от семантической вариантности классов синтаксических единиц и структур, от их дальнейшего дробления на семантические подклассы⁶⁵.

Наконец, в схеме отсутствуют некоторые традиционно выделяемые функциональные категории:

1) **Обращение** („вокативное“ употребление существительного). В случае отсутствия глагола обращение можно рассматривать как субстантивную фразу, близкую к междометным „словам-фразам” (см. выше). Во фразе, образованной вокруг глагола в личной форме (обычно в императиве), обращение может быть рассмотрено как своеобразное обособленное подлежащее или дополнение этого глагола⁶⁶, то есть как обособленный подчиненный термин глагольной группы; соответствующую группу можно рассматривать как разновидность глагольной.

2) Употребление существительного в качестве **приложения**, представляющее некую синтаксическую тавтологию. Аппозитивная связь имеет общие черты как с сочинением, так и с подчинением. С сочинением ее сближает структурная одноплановость и функциональная тождественность связуемых терминов (это, по терминологии Л. Теньера, **горизонтальная** связь существительного с существительным). С подчинением ее сближает невозможность соподчинения связуемых терминов какому-либо третьему термину: приложение соотносится с подчиняющим термином группы не непосредственно, а через существительное, с которым находится в аппозитивной связи. Это приводит к известной синтаксической зависимости приложения и роднит аппозитивную связь с подчинительной. Так, в группе „роман Дюма-отца“ приложение „отца“ находится в горизонтальной связи с существительным „Дюма“ и подчиняется центральному термину группы „роман“ через это существительное:



Характерно, что приложение претерпевает все те категориальные и функциональные преобразования, что и существительное, от которого оно зависит. Можно выделить особо аппозитивную бинарную группу (тип: Дюма—отец), однако она не будет иметь специфических черт по сравнению с обычными субстантивными терминами отмеченных бинарных групп.

3) **Именное сказуемое** не выделено особо потому, что оно интерпретируется как разновидность центрального термина глагольной группы (имя, преобразованное в глагол). При этом именная часть рассматривается как прилагательное, преобразованное в глагол, а связка— как транспонирующая частица⁸⁷. Существительное в функции именного сказуемого рассматривается как преобразованное в глагол через промежуточную адъективную стадию. Категориально-функциональная эквивалентность именного ска-

зуемого глаголу становится очевидной в результате трансформаций типа: „жребий **брошен**" — „**бросил** жребий".

Тогда как структура и структурная типология фраз — понятия весьма неопределенные, установление и классификация бинарных и пучковых групп не вызывает особых затруднений: группы обладают четким строением, количество их разновидностей ограничено, зафиксировать их несравненно проще.

Описание типов элементарных групп создает более прочную основу для характеристики фразовых моделей. При конкретном анализе речевого материала (например, школьном) структура каждой встречающейся в потоке речи фразы (если это не слово-фраза) может быть однозначно идентифицирована путем соотнесения составляющих ее групп с соответствующими структурными типами. Более активен другой, синтетический путь, особенно эффективный при обучении языкам, — исходя из заданной структурной модели (простейшей — бинарной или пучковой, либо, на более подвинутой стадии, — комбинированной), строить конкретные группы и фразы с различным лексическим наполнением и особенностями линейного построения, акцентируя при этом структурные и прочие расхождения между языками.

Установление типов групп позволяет несколько упорядочить многообразие возможных фразовых моделей. Можно распределить фразы в зависимости от природы центральной группы, образующей вершину иерархии групп в них, — различать, таким образом, фразы глагольные, субстантивные, адъективные и адвербиальные. Аналогичное деление возможно также для фраз, представленных одной группой или одной элементарной единицей. Классификация фраз по их структурным вершинам приобретает особую важность при исследовании функционирования фраз (различие в характере коммуникации, обусловленное субстантивным или глагольным строем фразы), а также при стилистической характеристике типов фраз (употребление глагольных, субстантивных и т. д. фраз в различных стилях речи). Эта, видимо, единственно возможная структурная классификация фраз пересекается с их класси-

тсацией по модально-интонационным типам; сочетание этих дополняющих друг друга подходов уточняет информацию о характере и разновидностях как фразовых моделей, так и конкретных, данных в речи фраз.

Часто высказывалось сомнение в возможности свести описание фразы к описанию конституирующих ее синтаксических групп (словосочетаний)⁶⁸. Это сомнение обосновано; в случае, если имеется в виду фраза как конкретная речевая единица, ибо в качестве таковой фраза действительно характеризуется рядом особенностей, не присущих абстрактным синтаксическим моделям. Однако, как было показано выше, речевая актуализация фразы, отражаясь в морфонологическом и линейном планах, не привносит изменений в ее структурно-синтаксическую схему. В **структурном** отношении фразы (за исключением синтаксически неанализируемых) представляют либо отдельную синтаксическую группу, либо простую комбинацию групп; поэтому описание строя фраз действительно безостаточно сводится к описанию строя групп, а структуральный синтаксис — к синтаксису групп.

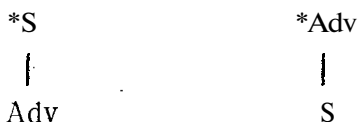
Лингвисты, изучавшие вопрос соотношения структурного и „актуализирующего“ слоев предложения, отмечали, что первый из этих слоев есть фактически слой словосочетаний⁶⁹. Не случайно также, что задача синтаксиса нередко сводилась и продолжает сводиться к изучению групп (словосочетаний)⁷⁰.

Приведенная выше классификационная схема бинарных и пучковых групп, а также схема классов элементарных синтаксических единиц могут показаться слишком абстрактными, бедными содержанием по сравнению с многообразием синтаксических элементов и конструкций в конкретных языках⁷¹. Однако абстрактность не является сама по себе ни достоинством, ни недостатком моделирования: все зависит от цели, которая ставится перед данной моделью. В настоящем случае целью являлось не отображение возможного богатства вариантов синтаксического содержания и выражения в том или ином языке, а выявление наиболее общих типов структурных элементов и комбинаций, на основе которых возникают самые на

первый взгляд неоднородные в количественном и качественном отношении синтаксические образования и учет которых дает возможность достаточно полного и экономного описания синтаксического строя.

В схемах мы пытались выделить наиболее абстрактный панхронический пласт структурно-синтаксических образований в языках типа индоевропейских; структуральный синтаксис, моделирующий этот пласт, оказывается близким к „логическому синтаксису языка“ — абстрактной семиотической системе в духе карнаповской⁷², в которой „синтаксис является чисто комбинаторным анализом, и символы исчисления могут быть любыми произвольно выбранными объектами“, то есть объектами, не имеющими десигнатов⁷³.

Тем не менее, синтаксическая модель естественных языков, даже наиболее обобщенная, должна рассматриваться как конкретная интерпретация логистической семиотической модели. Дело в том, что существуют онтологические ограничения, налагаемые на структуру естественного языка (на выбор и сочетаемость классов синтаксических элементов), которые нельзя не учитывать даже на самом абстрактном — „тектограмматическом“ — уровне моделирования. Так, невозможна непосредственная связь существительного с наречием — недопустимы комбинации типа:



Эти ограничения онтологически обусловлены; они связаны с категориальным содержанием комбинируемых классов как таковых. Так, наречие обозначает признак „второй степени“ — признак признака, но не признак субстанции; поэтому оно может быть subordinировано глаголу, прилагательному или наречию, но не существительному. Напротив, прилагательное, обозначая признак субстанции, subordinируется непосредственно существительному и только существительному⁷⁴.

В отличие от логического синтаксиса языка, синтаксис естественных языков вынужден с самого начала постули-

ровать конструкты, основываясь на учете подобных минимальных, но необходимых ограничений, без чего установление базисных синтаксических инвариантов было бы невозможно.

Установление классов синтаксических единиц и групп в общей форме является сравнительно простой задачей. Однако нередко при анализе фактического материала того или иного языка оказывается, что затруднительно или невозможно определить функциональное содержание того или иного элемента (например, отличить косвенное дополнение от обстоятельства), выявить степень синтаксической самостоятельности, либо семантической обособленности того или иного слова, определить границы элементарных синтаксических единиц и т. п. Подобные осложнения объясняются не столько порочностью той или иной общей модели, сколько тем, что речевые реализации и даже языковая система заключают массу явлений переходного характера, которые не в силах предусмотреть и для идентификации которых не может дать рецептов даже самая эффективная схема⁷⁵. В теории важно выделить основные типы, а рассмотрение переходных случаев оставляется на долю конкретного анализа.

П р и м е ч а н и я

1. Значение термина „фраза“ представляется несколько расплывчатым. В частности, его применяют в качестве синонима термина „предложение“.

Попытку дифференцировать и точнее определить значение этих терминов находим в работах С. Карцевского. В одной из ранних работ Карцевский характеризует предложение (*proposition*) как единство синтаксическое, грамматическое, как **предикативную синтагму**. Напротив, фраза, по Карцевскому, „вообще ничего общего не имеет с грамматикой“; это— коммуникативная единица без собственной грамматической структуры, актуализируемая с помощью интонации. „Хотя предложение по своей структуре наилучшим образом приспособлено к тому, чтобы служить единицей сообщения в самых различных обстоятельствах, фраза не должна необходимо иметь форму предложения“ (S. Karcevski, *Sur la phonologie de la phrase*, TCLP, vol. 4, 1931, стр. 189—190). Позднее Карцевский продолжает развивать эти положения (см. S. Karcevski, *Phrase et proposition*, „*Mélanges de linguistique et de philologie offerts à J. von Glinneken*“, P., 1937; *Sur la parataxe et subordination en russe*, CFS, vol. 7, 1948).

Интерпретация терминов, предложенная Карцевским, представляется приемлемой, между прочим, с точки зрения этимологии: phrase означает по происхождению „высказывание вообще“, proposition— особую разновидность высказывания, языковое выражение логического суждения; последний термин несет отпечаток логицизма, и его употребление в общем значении „высказывание“ мало целесообразно. Придерживаясь терминологии С. Карцевского, мы употребляем термин „фраза* в значении, в котором обычно выступает термин „предложение“, т. е. в значении: „любая элементарная законченная коммуникативная единица“.

2. **A. W. de Groot**, Structural linguistics and syntactic laws, стр. 2-3.

3. Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists, стр. 88.

4. **A. Gardiner**, Theory of speech and language, стр. 63.

5. **A. W. de Groot**, Указ. раб., там же. Ср. следующие высказывания В. Матезиуса и Э. Косериу: . . . в языке имеем слово в его концептуальном значении и предложение как абстрактную модель, тогда как в речи имеем слово как относящееся к конкретной реальности и предложение как конкретное высказывание" (**V. Mathesius**, On some problems of the systematic analysis of grammar, TCLP, vol. 6, 1936, стр. 106). „Высказывание (огасiон), как и все лингвистические факты, принадлежит языку как структура, как идеальная форма и речи как реализация, как конкретное индивидуальное использование идеальной структуры" (**E. Coseriu**, Sistema, norma y habla, „Teoria del lenguaje y linguística general", Madrid, 1962, стр. 80—81).

6. Коммуникативная функция представляется наиболее существенным, определяющим признаком фразы. Даже внутреннюю речь, не предполагающую непосредственно общения, можно рассматривать как цепь потенциальных (оставшихся „в себе“) фразовых коммуникаций.

Именно коммуникативная целенаправленность является активным, началом, оформляющим данную единицу как фразу. Действительно, семантический диапазон фраз практически не ограничен. В принципе фраза способна передать лингвистическую информацию любого содержания и характера, при условии, что эта информация семантически определенным образом очерчена. Известно, что даже весьма широкие определения фразы со стороны содержания оказывались недостаточными. Наиболее приемлемыми кажутся как раз те определения, которые акцентируют семантическую расплывчатость данной категории (напр., определение выдающихся французских синтаксистов Ж. Дамуретта и Э. Пишона, квалифицирующих фразу как „выражение факта“ в широком смысле слова: душевного состояния, внешнего события, либо абстрактного суждения: см. **J. Damourette et E. Pichon**, Des mots à la pensée. Essai de grammaire française, т. I, гл. 1, § 49). Аналогичное определение дается иногда—с соответствующими модификациями— слову (ср. Э. Сепир, Язык, стр. 28; определение предложения, данное на стр. 29 той же кни-

ги, представляется более поверхностным, поскольку здесь имеется в виду лишь одна разновидность предложений, а именно та, в которой выражается суждение). Нет, таким образом, содержания „фразового“ в отличие от содержания „нефразового“. Даже отдельное слово выступает в речи как фраза, когда наделяется самодовлеющей коммуникативной значимостью; напротив, без коммуникативного „ограничения“ даже объемистый фрагмент речи не есть фраза. Любое данное содержание можно **представить** как фразовое, если наделить его ценностью **элементарного законченного „факта“, предназначенного для сообщения**.

Экспрессивная функция фразы как лингвистического выражения факта неразрывно связана поэтому с коммуникативной функцией и обуславливается последней. Интонационная законченность также часто рассматривается как необходимый признак фразы. Действительно, без интонации так же, как без коммуникации, фразы нет: отдельное слово, наделенное интонационной законченностью, преобразуется во фразу; объемистый, но интонационно не завершённый фрагмент речи фразой не является. Однако было бы ошибочно ставить интонационную законченность в один ряд с функциональной стороной фразы: интонация не имеет самодовлеющей ценности, она лишь внешне свидетельствует об экспрессивно-коммуникативной законченности данного отрезка речи (однако именно потому интонация является наиболее ярким, доступным чувственной фиксации показателем, помогающим выделить фразу в потоке речи).

7. Рассматривая интонацию как одну из речевых особенностей фразы, имеем в виду, конечно, лишь ее интонационную **законченность** в потоке речи, а не интонационную схему, которая представляет собой морфологический показатель, служащий для дифференциации модальных **типов** фраз и в качестве такового представляющий явление языкового порядка. Точно так же, говоря о линейном характере высказываемой фразы, принимаем во внимание лишь то обстоятельство, что слова в речи необходимо выстраиваются в виде цепочки на линейной оси, но отвлекаемся от возможности использовать некоторые варианты фиксированного расположения слов в качестве морфологического показателя языкового характера.

8. Благодаря двухмерности стемматической репрезентации преодолевается иллюзия линейного характера синтаксической структуры, являющаяся результатом сведения языкового к речевому; однако нужно иметь в виду, что стеммы представляют лишь условный „геометрический“ способ отображения связей, имеющих идеальный характер и объективно не заключающих в себе никакого пространственного элемента.

9. Существительное в родительном падеже „облаков“ („несогласованное определение“) понимается как существительное адъективированное (преобразованное в прилагательное). Во избежание излишней детализации переходы между классами слов в схеме не фиксируются, тем более, что они не отражаются существенным образом на построении

фразы. Это относится также к частным грамматическим категориям, присущим отдельным классам слов (род, число и т. п.) и не оказывающим влияния на конструирование синтаксического остова фразы.

10. См., в особенности, **A. Sechehaye**, *Essai sur la structure logique de la phrase*, P., 1926, *passim*; **Ш. Балли**, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, стр. 56—59, 62—65..

11. В частности, здесь имеется в виду „актуальное членение предложения”, наслаивающееся на грамматическое членение и часто вступающее в конфликт с последним (ср. **И. П. Распопов**, *Актуальное членение предложения*, Уфа, 1961). Ср. учение де Гроота о „двух слоях” (*strata*) предложения: объективном и субъективном, референциальном и и экспрессивном, первый из которых представлен словами, второй—интонацией; де Гроот придает решающее значение субъективному слою, который, по его мнению, оказывается доминирующим при столкновении слоев (см. **A. W. de Groot**, *Structural linguistics and syntactic laws*” стр. 3—4; **W. E. Collinson**, *An account of De Groot’s „Structurele Syntaxis” in its application to English*, „Lingua”, vol. 3, 1952—53, стр. 162; **A. W. de Groot**, *Subject-predicate analysis*, „Lingua”, vol. 6, 1957, стр. 303; **A. von Holk**, *Referential and attitudinal constructions*, „Lingua”, vol. 11, 1962).

Ср. также замечания Бэйзела о двух типах синтаксических отношений: «открытых» (отношение темы—сообщения) и функциональных (отношения субординации, детерминации): **С. Е. Bazell**, *Syntactic relations and linguistic typology*, стр. 5.

12. Описанный процесс последовательной репрезентации, или кодирования фразы имеет место при синтезе (порождении) ее говорящим; анализ (декодирование) фразы слушающим протекает, очевидно, в противоположном направлении—от поверхностных слоев к глубинным. В качестве упрощенного и приблизительного аналога может послужить данный выше анализ пушкинской фразы. Разумеется, речь здесь идет о лингвистическом синтезе и анализе, а не о сопровождающих их сложных и малоисследованных феноменах психологического порядка, таких, как изменение напряжения внимания при говорении и слушании фразы (чередование процессов нарастания и ослабления напряжения), роль „интенции” при созидании фразы и т. п. (ср. **L. J. Piccardo**, *El concepto de „oracion”*, Montevideo, 1954; **A. Gardiner**, *The theory of speech and language*; ср. **K. von Ettmayer**, *Analytische Syntax der französischen Sprache*, B. 1, Halle, 1931).

Различные уровни синтеза и анализа фразы выступают на практике в неразрывном единстве, а ряд перекодировок осуществляется мгновенно, так что расчлененное рассмотрение этих явлений допустимо лишь в целях удобства исследования.

13. Наметки этой дисциплины содержались, по-видимому, еще в учении А. Сешез о *discours* как о *parole organisée* (организованной речи). *Discours*— это, в понимании Сешез, система языковых предпосылок, лежащих в основе речевых реализаций (см. **A. Sechehaye**, *Les trois* 242

linguistiques saussuriennes). По меткому замечанию Б. Потье, discours „не противостоит языку (langue), а вытекает из него" (В. Pottier, указ. раб., стр. 8); ср. Е. Buysens, De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques, AL, vol. 3, 1942—43, fasc. 1, стр. 21.

В ряде работ В. Г. Адмони рассматривает языковое целое не только как „систему отношений" (абстрактную схему), но и как „систему построения" (конкретную реализацию этой схемы), показывая, что недостаточно характеризовать языковую систему исключительно лишь в плане структурном; нужно также изучать закономерности функционирования структурных моделей (см. В. Г. Адмони, О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю, ВЯ, 1961, № 2; Партигурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении, „Филологические науки", 1961, № 3; Язык как единство системы отношений и системы построения, „Филологические науки", 1963, № 3).

14. Хотя фраза синтаксически характеризуется именно своей структурой, она может рассматриваться в синтаксисе не только с формально-структурной точки зрения. Напротив, любая синтаксическая структура, в том числе фразовая, может быть интерпретирована в плане содержания. Есть специфически синтаксическое значение, определенным образом соотносящееся с семантикой конкретных слов и их связей. Синтаксические связи семантически очерчены, характеризуются тем или иным функциональным содержанием (связи атрибутивная, объектная, субъектная и т. д.). Как отмечалось выше, в нашем изложении под „синтаксическим" понимается как раз все то, что имеет отношение к **грамматическому значению** как отдельных элементов, так и их связей,— в противоположность „морфологическому", т. е. аппарату выражения этого значения— инвентарю формальных показателей.

15. Интонация, обозначение „факта", коммуникативная нагрузка и т. д. присущи фразе как целостной законченной единице речевого общения. Эти признаки отграничивают фразу от других лингвистических единиц, например, от слова. Но изучение этой стороны фразы не дает достаточной информации относительно того, как и из чего она сконструирована, каковы ее конститутивные элементы и как они соотносятся между собой. Напротив, синтаксис имеет целью проникнуть **внутри** фразы, изучить ее составные части, иерархию последних; по этой причине фраза как целое— речевая единица—также непосредственно не интересует синтаксиста.

16. Неопределенной является, например, характеристика фразы как „максимальной синтаксической конструкции" (J. Whatmough, указ. раб., стр. 143) или как „грамматической формы, не образующей конструкцию с какой-либо другой грамматической формой: конститут, не являющийся конститuentом" (Ch. Hockett, A course of modern linguistics, стр. 199). Такие определения оказываются полезными при характеристике фразы как целостного образования, но не уточняют **внутреннюю организацию** фразы.

17. Ср., впрочем, ограничения, налагаемые в этом отношении на фразу в связи с ограниченностью возможностей человеческой памяти. См. **V. H. Yngve**, A model and a hypothesis for language structure, „Proceedings of American philosophical society”, vol. 104, № 5, 1960.

18. Неправомерным представляется противопоставление тагмем двух типов в английском, встречающееся в работе **A. Reszkiewicz**, Internal structure of clauses in English, Wrocław-Warszawa-Krakow, 1963, стр. 26. Здесь тагмемы делятся на: а) находящиеся в прямом отношении к глаголу в личной форме; б) не находящиеся в таком отношении. Первые характеризуются как части предложения, вторые— как части „фраз”, то есть словосочетаний. Соответственно противопоставляются major syntax— синтаксис предложения и minor syntax— синтаксис словосочетания. Однако со **структурной** точки зрения между глагольными и прочими сочетаниями принципиальной разницы нет; а так как синтаксис изучает именно структуру синтаксических образований, то необходимость в отмеченной дифференциации отпадает.

19. По замечанию **A. Неринга**, предложение может состоять даже из одного слова, поэтому невозможно установить его характерную грамматическую форму; в лучшем случае можно ограничиться указанием на **нормальную** форму (**A. Nehring**, The functional structure of speech, „Word”, vol. 2, 1946, стр. 199). Вслед за Блумфилдом, **Ч. Хоккет** различает „предпочитаемые типы предложений” (favorite sentence-types— напр., конструкцию „деятель-действие”) и „малые типы” (minor types)— конструкции повелительные, восклицательные и др. (см. **Ch. Hockett**, A course... стр. 164, 200—201).

20. Как известно, школьный анализ предложений состоит в идентификации-отнесении данной фразы к ее языковому типу (отметим, что при преподавании иностранных и даже родного языка гораздо более плодотворным представляется обратный путь: построение конкретных фраз по заданной модели). Если собрать все примеры анализа во всех школах всех времен, идентифицировать структуру единичных фраз, где это возможно, то все же картина фразовой типологии данного языка останется принципиально неполной, ибо то, что дано фактически, не дает еще достаточного основания для выводов о наличном в потенции. Или, если составить структурные схемы и выделить типы фраз, встречающихся, скажем, у Пушкина, то значительная их часть будет совпадать, но многие типы будут представлены единичными примерами, иных возможных в русском языке типов вовсе не окажется.

21. Ср. **Н. Хомский**, Синтаксические структуры, стр. 439. Ср. также **Z. S. Harris**, String analysis of sentence structure, The Hague, 1962, стр. 9 и след.; по мнению Хэрриса, анализ по НС допустим и полезен в определенных рамках, но его необходимо дополнить трансформационным анализом, а также анализом по „бусинкам” (strings), раскрывающими другие стороны структуры предложения. Ср. **R. E. Longacre**, String constituent analysis, „Language”, vol. 36, 1960.

Аналогичными недостатками отмечена синтагматика, представляющая, в сущности, разновидность метода анализа по НС, разрабатываемую некоторыми европейскими структуралистами (см. выше).

22. Возможно „очень большое число различных моделей законченных предложений. Но мы не можем просто утверждать, что все эти модели полностью отличаются друг от друга. Мы должны искать более простую возможность: что многочисленные модели законченных предложений образованы из меньшего количества более простых моделей” (Ch. Hockett, указ. раб., стр. 159—160).

23. Не исключена, конечно, возможность кристаллизации в качестве языковых единиц также конкретных (лексически заполненных) групп, и даже целых законченных фраз (идиоматика, формулы вежливости, афоризмы и т. п.). Однако устоявшиеся образования такого рода относятся к лексическому, а не грамматическому аспекту языка; с синтаксической точки зрения многие их разновидности (напр., идиоматические обороты) являются неразложимыми элементами, то есть элементарными синтаксическими единицами.

24. L Bloomfield, *Language*, стр. 169.

25. N. Trubetzkoy, *Les rapports entre le déterminé, le déterminant et le défini*; Е. Курнлович, Основные структуры языка: словосочетание и предложение; A. W. de Groot, *Classification of word-groups*, „Lingua”, vol. 6, 1957.

26. Академическая Грамматика русского языка, т. II, ч. I, стр. 115—354.

27. Ср. М. Абеян, указ. раб., стр. 44 и след. Абеян не употребляет термина „словосочетание”, но дает подробный анализ падежного управления, являющийся, в сущности, анализом ряда типов глагольных групп армянского языка.

28. Академическая Грамматика русского языка, т. II, ч. I, *passim*.

29. Недостатком классификации словосочетаний в Академической Грамматике следует признать также отсутствие раздела, посвященного сочетаниям, которые здесь квалифицируются как „предикативные” (подлежащее + сказуемое). Хотя и подобные сочетания весьма часто ложатся в основу фразы, рассмотренные в качестве чисто языковых структур, они теряют свои фразовые свойства и оказываются одним из типов обычных сочетаний. Вообще же, как будет показано ниже, отношение „сказуемое—подлежащее” следует, видимо, рассматривать как один из видов **подчинительных** отношений, что также препятствует выделению „предикативных” сочетаний из других разновидностей.

Как было отмечено, С. Карцевский считал предикативной лишь одну разновидность фраз— предложение, в котором, по его словам, имеет место „вмешательство говорящего” и создаются значимости (valeurs) лица, наклонения и времени (S. Karcevski, *Sur la parataxe et subordination en russe*, стр. 33). В отличие от этого, Академическая Грамматика приписывает предикативность любой разновидности законченных **высказываний**—в качестве некоего отношения их содержания к действи-

тельности (Акад. Грамм., т. II, ч. I, стр. 80). Поэтому непоследовательным кажется применение термина „предикативные сочетания” только к типу подлежащее + сказуемое: предикативным является с этой точки зрения **любое** сочетание, выступающее в качестве фразы, в том числе лишенное „главных членов” (ср. „жаркое лето”).

Широкого понимания предикативности придерживается и Т. П. Ломтев, выступивший с критикой точки зрения, согласно которой существенным признаком фразы является модальность, но не предикативность (см. Т. П. Ломтев, О совещании по теории синтаксиса, „Вестник Моск. ун-та”, 1961, № 5). Однако у автора содержание термина „предикация” совпадает с содержанием термина „сообщение”, „коммуникация”; возникает вопрос, следует ли в таком случае сохранять первый из этих терминов, тем более, что предложения рассматриваются как предикативно недифференцированные и допускается возможность только модальной их классификации (там же, стр. 69). Вопрос о предикации как синтаксическом явлении нуждается, по-видимому, в тщательном изучении.

30. Академическая Грамматика, там же, стр. 570—571.

31. Было бы более последовательно распределить члены предложения не по классу, а по **функции** главного слова, поскольку в предложении слова характеризуются именно функционально: различать, таким образом, определение к подлежащему или дополнению, дополнение к сказуемому, к инфинитивному подлежащему или дополнению, к причастному определению—и так до бесконечности. На практике именно так рассматривается вопрос в школьном синтаксисе армянского языка: здесь различаются второстепенные члены при подлежащем, сказуемом и второстепенных членах. Так, определение понимается как слово, подчиненное не существительному, а подлежащему, дополнение— как подчиненное не глаголу, а сказуемому и т. п. Однако этот подход, полностью игнорирующий категорию словосочетания, берет за основу не языковые данные, а актуальное предложение как речевое образование, почему и запутывается в структурном многообразии речевых типов. Так, в предложении „Мой юный друг спит” слово „юный” должно рассматривать в этом плане как определение к подлежащему, в предложении „Шлю письмо юному другу”— как определение к косвенному дополнению и т. п. Игнорируется синтаксическая идентичность сочетания „юный друг” во всех применениях, которые не затрагивают **внутреннюю** структурно-функциональную природу группы, являющейся замкнутой единицей языка.

32. См. об этом Т. П. Ломтев, Основы синтаксиса современного русского языка, М., 1958, стр. 37—38. В этой работе с последовательно синтаксической точки зрения подвергается критике традиционное понимание категорий словосочетания и члена предложения.

33. И. И. Мещанинов, Синтаксические группы, ВЯ, 1958, № 3. Термин „словосочетание”, а также термин „группа слов”, применяемый Трубецким, Куриловичем, де Гроотом и др., нельзя считать удачными 246

уже потому, что, как отмечалось выше, речь идет часто не о сочетании простых полных слов (напр., „отец Петра"), а о сочетании их аналитических эквивалентов, в свою очередь состоящих из соединения полного и пустого слова (*le père de Pierre*). К тому же, как уже отмечалось, в состав группы могут входить в качестве компонентов идиоматические обороты и даже целые (придаточные) предложения.

34. Ср. напр., **L. Tesnière**, указ. раб., гл. 135; **Е. Курилович**, Основные структуры языка..., „Очерки по лингвистике", стр. 49—50. Возможно, впрочем, рассматривать сочинительные комбинации как разновидность соподчинения нескольких самостоятельных терминов: см. **Ю. Д. Апресян**. Метод непосредственно составляющих и трансформационный метод в структурной лингвистике, стр. 79.

35. Структура группы или комбинации групп не зависит ни от линейного расположения элементов, ни от способов морфологического обозначения. Ср. русск. „белый шарф" и франц. *une écharpe blanche*: при различии во внешнем оформлении (артикле во французском, его отсутствие в русском) и в порядке следования соответствующих терминов, данные группы структурно идентичны:

шарф	<i>une écharpe</i>
белый	<i>blanche</i>

36. Необходимо учесть, что есть разновидности фраз, на структурные единства не распадающиеся. Это, в частности, „слова- фразы", т. е. элементарные единицы, непосредственно выступающие в речи в качестве фраз („Свершилось!", „С богом"). Их, естественно, нельзя свести к каким-либо группам, в том числе бинарным; они просто не подлежат синтаксическому анализу. В качестве фразы может выступить далее отдельная бинарная группа: „Жребий брошен"; проблема „сведения" не возникает и здесь. Прочие структурные разновидности фраз действительно подлежат анализу по бинарным группам. А именно, это фразы, образованные на основе пучковой группы, комбинации групп, целых предложений, находящихся в отношении сочинения.

37. **J. Damourette et E. Pichon**, указ. раб., т. I, § 78.

38. **L. Tesnière**, указ. раб., гл. 97—119.

39. **J. Damourette et E. Pichon**, там же.

40. **L. Tesnière**, там же. Ср. **А. А. Холодович**, Опыт теории подклассов слов, ВЯ, 1960, № 1.

41. Ср. **А. Reszkiewicz**, Internal structure of clauses in English, стр. 8.

42. Ср. об этом свойстве синтаксических элементов **С. Е. Bazell**, Neutralisation of syntactic oppositions, стр. 83.

43. В случае наличия при данном термине необходимого и достаточного количества сопровождающих его терминов говорят об **оптимальном**— optional— окружении; в случае их полного или частичного отсутствия— о **недостаточном** окружении; наконец, при наличии факульт-

тативных терминов окружение характеризуется как **избыточное**: см. **А. А. Холодович**, указ. раб., стр.37; **A. Reszkiewicz**, указ. раб., стр. 8; он же: Main sentence elements in The Book of Margery Кетре, Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1962, стр. 11. Холодович рассматривает глагол как „ядро“ глагольного сочетания; при наличии оптимального окружения глагол образует вместе с этим окружением синтаксическую группу, обозначаемую термином **конфигурация** (**А. А. Холодович**, там же; ср. **Л. Н. Иорданская**, О некоторых свойствах правильной синтаксической структуры, ВЯ, 1963, № 4, стр. 104—105).

44. **Ш. Балли**, указ. раб., стр. 115.

45. Важным вкладом в разработку проблемы валентности явились учение К. Бюлера о коннотации и учение Л. Ельмслева об управлении. Под **коннотацией** Бюлер понимает замеченное еще схоластами явление, когда „слова определенного класса открывают одно или более **пустых мест**, которые должны быть заполнены словами другого класса" (**К. Bühler**, указ. раб., стр. 173). В системе Ельмслева связующая сила фигурирует под названием „управления" (rection) или избирательности („селекции"). Большое значение придается **направлению** связи, которое, по мнению Ельмслева, не всегда понималось правильно. „... управляемым является из двух терминов тот, который необходимо притягивается (est arpele) другим". Так, предлог sine в латинском требует аблатива, но не наоборот; с этой точки зрения подчиненное прилагательное управляет подчиняющим существительным и т. п. (см. **L. Hjelm-slev**, La notion de rection, 'AL, vol. I, 1939, стр. 14).

46. Ср. характеристику словосочетаний, данную акад. В. В. Виноградовым в Акад. Грамматике, т. II, ч. I, стр. 10—11.

47. Полное слово, а также его аналитический и расширенный эквиваленты можно с этой же точки зрения определить как элементарную синтаксическую **единицу**, функционирующую в целях номинации.

48. **L. Tesnière**, указ. раб., гл. 3.

49. Там же, главы 48—77.

50. Данное положение относят часто даже к сочетанию предлога с существительным, причем подчиняющим элементом сочетания считается предлог (см. напр., **L. Bloomfield**, указ. раб., стр. 194; **L. Hjelm-slev**, La notion de rection, стр. 14, а также **Е. Курилович**, Основные структуры языка..., стр. 52—53). Это объяснение представляется верным лишь с морфологической точки зрения: формально предлог действительно „управляет", т. е. требует постановки существительного в определенном падеже (напр., лат. sine требует аблатива: sine causa). Но в синтаксическом плане предлог выступает как показатель функции существительного подобно любому падежному окончанию и не является ни подчиняющим, ни даже подчиненным элементом группы слов. Предлог образует вместе с „управляемым" существительным аналитическое **сцепление** в качестве пустого компонента, тогда как для образования группы необходимы минимум два полных слова или аналитических сцепления. Курилович сам рассматривает в другом месте предлог как

„синсемантическую" морфему (Понятие изоморфизма, стр. 29). Приведенные возражения относимы *mutatis mutandis* к аналогичной интерпретации связи подчиняющего союза с придаточным предложением.

51. **III. Балли**, указ. раб., стр. 115; **Е. Курилович**, Основные структуры языка...; **A. W. de Groot**, Structural linguistics and syntactic laws, стр. 9—10. По де Грооту, сочетание *two red dogs* делимо последовательно на: 1) *two/red dogs*, 2) *red/dogs*.

52. Ср. особенно указанную работу Н. Трубецкого; ср. также соответствующие разделы в отмечавшихся выше работах Л. Блумфила, К. Тогебю, „Основные структуры языка" Е. Куриловича, работу А. Сешеэ „*Essai sur la structure logique de la phrase*", работу Ч. Хоккета „*A course in modern linguistics*". Хоккет различает экзоцентрические конструкции трех типов: директивные (конструкция *director/axis: in/the box*), коннективные (конструкция *connector/predicative attribute: is/a man*), предикативные (конструкция *topic/comment: he/is a man*); предикативное сочетание выделяется здесь особо (см. указ. раб., стр. 191). Несклько особняком стоит де Гроот, считающий, что дихотомии: сочинение/подчинение и предикативность/непредикативность (детерминация) пересекаются; ср. **A. W. de Groot**, Subject-predicate analysis.

53. Ср. **Л. Ельмслев**, Прологомены к теории языка, стр. 284.

54. Интересные соображения по этому поводу содержатся в упомянутой выше книге **М. Абеяна** (стр. 4—6). В. Г. Адмони, считаящий подлежащее и сказуемое синтаксически равноценными элементами „дву-составного" предложения, все же указывает, что подлежащее „вводится в предложение именно для того, чтобы получить свое определение в сказуемом, как бы устремляется к нему" (**В. Г. Адмони**, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958, № 1, стр. 113).— Характерно, что Е. Курилович, различающий „детерминацию", все же оговаривается: „именно сказуемое (на практике личный глагол или связка) представляет внешние синтаксические связи предложения... Сказуемое представляет все предложение" (там же, стр. 53). Ср. **С. Е. Bazell**, Neutralisation of syntactic oppositions, стр. 84.

55. Вопрос соотношения подлежащего и сказуемого, так же как и вопрос соотношения имени и глагола, относится к числу сложнейших в грамматике. Возможно, что подлежащему принадлежит в семантическом аспекте столь же важная роль, как сказуемому в аспекте структурно-синтаксическом, поскольку подлежащее является как бы исходным пунктом высказывания (<его „темой"). Однако это —соображение логико-психологического порядка, относящееся скорее к речевому уровню фразы и не касающееся ее синтаксической природы. Интересен в этом отношении подход Дамуретта и Пишона, характеризующих подлежащее как *support*— опору, а глагол как *règent*—управляющий элемент фразы (см. **J. Damourette et E. Pichon**, указ. раб., гл. IV). В аппликативной порождающей модели различие между существительным и глаголом как функциональными элементами получает своеобразную интерпретацию,

причем это различие ставится в связь с различием этих элементов на семантическом уровне: „Функция существительного— называть предметы (номинация), и эта функция свойственна только существительному: другие части речи связаны с реальными предметами только через свои СБЯЗИ с существительным. Функция глагола— сообщать нечто (коммуникация), и эта функция свойственна только глаголу: другие части речи обладают коммуникативной функцией только через свои связи с глаголом. Будучи вершиной аппликативной доминанции на формальном уровне, существительное служит вершиной номинативной доминанции на семантическом уровне. Будучи вершиной конститутивной доминанции на формальном уровне, глагол служит вершиной коммуникативной доминанции на семантическом уровне“ (С. К. Шаумян и П. А. Соболева, указ. раб., стр. 17—18).

56. . . . существование оппозиции между действительным и страдательным залогами достаточно для того, чтобы подорвать всякую надежду на обоснование отношения между подлежащим и сказуемым" (E. Buysens, *Vérité et langue...*, стр. 32).

57. При анализе по НС „второстепенные“ элементы („атрибуты“, „спутники“) отбрасываются с целью выявить „ядро“ или главный член конструкции: см. R. S. Pittman, *Nuclear structures in linguistics*; ср. А. Маргине, *Основы общей лингвистики*, стр. 481-2.

58. Е. Курилович, *Основные структуры языка*, стр. 49.

59. Поскольку речь идет о синтаксическом характере присубстантивного слова, семантико-морфологическая отнесенность его к иному классу, чем прилагательное, не играет существенной роли. Слово „гения“, будучи существительным по лексическому значению и по форме, синтаксически является в данном употреблении прилагательным, что внешне обозначается его постановкой в родительном падеже. Тонкий анализ подобных противоречий между лексико-морфологическим и синтаксическим в слове см. у L. Tesnière, указ. раб., гл. 151, 167 и др.; ср. также многие ценные замечания Е. Куриловича в упоминавшихся выше статьях („Очерки по лингвистике“, стр. 13, 29, 31, 60).

Как показывает Теньер, трансляция может осуществляться в различной степени. При полной трансляции транслированный элемент выступает как таковой не только по отношению к подчиняющему („верхнему“), но и подчиненному („нижнему“) термину: например, во фразе *On prépare un bon dîner* слово *dîner*, несмотря на свое отглагольное происхождение, является законченным существительным, способным принимать определения.

При неполной трансляции термин может сохранять свои нижние связи, т. е. является транслированным по отношению к термину подчиняющему, но не подчиненному: в сочетании *le livre de petit Pierre* существительное *Pierre* преобразовано в прилагательное (*de Pierre*) и выступает в качестве определения к существительному (*le livre*). Однако это преобразование не осуществилось до конца, поэтому слово *Pierre* сохранило способность принимать определения, свойственную

250

субстантивным словам; ср. в русском сочетание „творение неизвестного гения“. Характерным примером неполной транслированности являются неличные формы глагола: преобразованные в какой-либо неглагольный класс, они сохраняют тем не менее присущую личному глаголу способность управлять субстантивными и наречными терминами.

60. Также агентивный объект при пассивном глаголе.

61. Термин „обстоятельство“ для обозначения подчиненных слов типа „очень игривый“, „очень игриво“ употреблен за неимением лучшего.

62. Общеизвестна разработанная О. Есперсеном теория „рангов“, которую можно охарактеризовать как теорию иерархии частей речи по степени их синтаксической самостоятельности (см. **О. Есперсен**, *Философия грамматики*, стр. 107 и след.). Следуя этой теории, возможно воссоздать картину структуры предложения, которому присущи идеальная полнота (наличие всех возможных членов) и простота (каждый член встречается однажды, причем в своей основной функции). В плане нашего изложения такое предложение выглядело бы, очевидно, следующим образом:



(вместо трех рангов, отмеченных у Есперсена, здесь допускается существование пяти дифференцированных рангов; в качестве „аб олютно управляющего“ термина здесь рассматривается не существительное, как у Есперсена, а глагол). Такая схема не отображает, конечно, с достаточной полнотой истинной синтаксической ценности элементов того или иного класса; на деле фраза может быть организована вокруг любой части речи при условии синтаксической самостоятельности последней (ее неподчиненности какой-либо другой части речи).

63. Так, в группе $\begin{matrix} V \\ | \\ S \end{matrix}$ преобразование управляющего компонента $V > S$

влечет за собой соответствующее преобразование управляемого компонента $S > A$, и обратно. Ср. франц.: *dîner bien*— *un bon dîner*. В итоге закономерно получается новая группа: $\begin{matrix} S \\ | \\ A \end{matrix}$. Вообще категориально-функциональное преобразование (трансляция) любого компонента бинарной группы вызывает соответствующее преобразование другого компонента;

многократные преобразования одного из компонентов вызывают многократные же преобразования другого компонента. Наконец, преобразование одного из элементов более сложной структуры может вызвать „цепную реакцию”— серию закономерных преобразований других элементов.

64. См. **С. К. Шаумян** и **П. А. Соболева**, Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке, стр. 52—59, 68—110. Вопрос разновидностей парадигматических связей между синтаксическими конструкциями детально исследован **Т. П. Ломтевым** в работе „Природа синтаксических явлений” („Филологические науки”, 1961, № 3), где дается своеобразная классификация этих связей.

65. Проблемы морфологической и семантической вариантности классов синтаксических единиц и структур, весьма важные и недостаточно разработанные, здесь не рассматриваются. О синтаксических вариантах, а также о системных отношениях синтаксических конструкций см., напр., следующие работы: **Т. П. Ломтев**, О некоторых вопросах структуры предложения, „Филологические науки”, 1959, № 4; **А. М. Мухин**, Функциональные лингвистические единицы... ВЯ, 1961, № 1; **Д. Н. Шмелев**, Несколько замечаний к построению синтаксической теории, „Филологические науки”, 1961, № 3; **Е. А. Седельников**, Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений, там же; **А. М. Мухин**, Синтаксема как функциональная синтаксическая единица, там же; **Е. И. Шендельс**, Синтаксические варианты, „Филологические науки”, 1962, № 1. Об ограничениях в сочетаемости слов и о структурных методах их изучения см. **Ю. Д. Апресян**, К вопросу о структурной лексикологии, ВЯ, 1962, № 3.

66. Ср. **L. Tesnière**, указ. раб., гл. 71.

67. Ср. там же, гл. 207; при отсутствии связки имеет место трансляция без транслятива.

68. Ср., напр., **В. В. Виноградов**, Вопросы изучения словосочетаний, ВЯ, 1954, № 3; Акад. Грамматика русского языка, т. II, ч. I, стр. 12; **Н. Д. Арутюнова**, О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке, „Филологические науки”, 1962, № 2, стр. 32.

69. „... грамматическое членение не только не исчерпывает структуры предложения, но и конституирует по существу не предложение, а лишь лежащее в его основе более или менее развернутое словосочетание, отношения между грамматическими членами которого ничем не отличаются от отношений между словами в любом другом словосочетании... Предложение есть не что иное, как определенным образом преобразованное словосочетание” (**И. П. Распопов**, указ. раб., стр. 47—48).

70. Ср. **J. Ries**, Was ist Syntax?; **М. Н. Петерсон**, Очерк синтаксиса русского языка, М.—Пг., 1923. Сравнительно недавно **А. Б. Шапиро** предлагал отделить синтаксис как учение о словосочетании от другого раздела языкознания— учения о предложении, которое он предположительно обозначил термином „риторика” (см. **А. Б. Шапиро**, О предмете синтаксиса, „Филологические науки”, 1961, № 3, стр. 84—85).

В другой своей работе он показывает, в частности, что черты, характерные для предложения, не оказывают влияния на словосочетания, из которых оно составлено. Так например, хотя обособление вносит добавочные черты в связь между сочетающимися словами, в ритмомелодике, но основные признаки словосочетания— связь определяемого и определяющего и т. д.— сохраняются и в случае обособления (см. А. Б. Шапиро, Словосочетание в русском языке, „Славянское языкознание“, М., 1959, стр. 216; ср. L. Tesnière, указ. раб., гл. 72, Projection des actants).

71. Ср. следующее замечание: „Изучение словосочетания в языковом аспекте, т. е. с точки зрения наличествующих в языке словосочетательных моделей, мало может дать для установления национальной специфики языка, ибо в отношении количества перестановок (в математическом понимании) своих компонентов, а следовательно, и в количестве своих моделей словосочетание ограничено, а отсюда и тождественно во многих языках“ (В. В. Белый, К вопросу о словосочетании, „Филологические науки“, 1960, № 4, стр. 115—116).

72. R. Carnap, Logische Syntax der Sprache, Wien, 1934.

73. S. Johansen, Glossematics and logistics, AL, vol. 6, fasc. 1, 1950, стр. 19.

74. Недопустимые на первый взгляд комбинации типа франц. *un homme bien* становятся возможными потому, что здесь совершается соответствующая транслация: подчиненное наречие является здесь наречием адеквативированным и поэтому вполне закономерно сочетается с существительным. Точно так же прилагательное, когда оно субординируется глаголу, является на деле уже не прилагательным в собственном смысле, а эквивалентом наречия или существительного (ср. арм. *լիւր խոսկի* „говорил хорошо“, где прилагательное, подчиненное глаголу, является адвербиализованным).

75. „... для объяснения данного явления достаточно показать его выводимость из общей теоретической схемы независимо от того, существует ли процедура, позволяющая отнести любой наудачу выбранный объект к данному явлению“ (Р. Б. Лиз, О возможностях проверки лингвистических положений, стр. 47) По справедливому замечанию А. Мартине, остаточные явления (*residue*), выпадающие из модели, существуют во всех языках; это „маргинальные черты, которые **нужно** рассматривать как таковые“, т. е. не стараться обязательно подвести их под схему (см. А. Мартине, Рецензия на книгу Ю. Найды Morphology... в „Word“, vol. 6, 1950, стр. 86). Еще категоричнее высказывается Ч. Хоккет, отмечая, что маргинальная неопределенность **возможна** во всех языках, но что она не должна слишком смущать, поскольку неопределенность заложена скорее в самой природе языка, чем в способе подхода к нему (Ch. Hockett, указ. раб., стр. 126).

Между тем, целые направления в синтаксисе (например, дескриптивный синтаксис) бились над проблемой „переходных случаев“; отсутствие четко установленных лингвистических категорий не могло не сказаться отрицательно на плодотворности этой работы даже в случае, когда она основывалась на строго экспериментальной методике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любое синтаксическое описание опирается на некоторую систему исходных понятий, предназначенных для фиксирования определенных инвариантов синтаксического уровня языка. Система таких понятий, в значительной мере стихийно, сложилась в традиционном языкознании, оперирующем такими терминами и категориями, как слово, словосочетание, предложение, часть речи, член предложения и т. д.

За последнее десятилетие проблема моделирования синтаксического уровня языковой системы стала одной из актуальных проблем структуральной лингвистики. В связи с этим все более осязаемой становится потребность в пересмотре традиционных понятий синтаксического описания, в разработке новой универсальной системы понятий, которая дала бы возможность более полного, экономного и последовательного описания фактов. Понятия, фиксирующие структурно-функциональные инварианты синтаксического порядка, очевидно, в большей мере соответствуют синтаксическим реалиям и, вместе с тем, необходимы и достаточны для идентификации строя конкретных предложений в конкретных языках.

Создание основ такого описания, которое отображает собственно синтаксический аспект явлений и свободно от напластований морфологического и логического характера, помогло бы освобождению синтаксиса от влияния морфологизма и логицизма, которое остается все еще весьма осязаемым, в частности, в школьно-нормативной грамматике.

В настоящей работе в центре внимания находились именно проблемы установления структурно-функциональ-

ного своеобразия синтаксических инвариантов, определения соответствующих понятий, постулируемых в качестве конструкций общесинтаксического описания (моделирования). Рассмотрение строевых особенностей различных языков и их интерпретаций некоторыми направлениями современной лингвистики позволило заключить, что основными структурно-функциональными инвариантами синтаксического уровня можно признать элементарную синтаксическую единицу и элементарную синтаксическую структуру. Фиксирующие их грамматические понятия могут быть поэтому приняты в качестве исходных для структурно-синтаксического описания.

Анализ этих понятий обнаруживает в них признаки, сближающие их с некоторыми понятиями традиционного синтаксиса, а также ряд их специфических черт.

Первое из этих понятий рассматривается в разделе синтаксиса, изучающем синтаксические единицы, их категориальное значение (ср. „категориальный синтаксис" Л. Теньера), второе — в разделе, изучающем синтаксические структуры, функционирование в их составе элементарных единиц („структуральный" или „функциональный синтаксис", т. е. синтаксис в узком смысле слова). Учение о способах формального выражения или видоизменения синтаксических значений и функций (т. е. „морфология"), а с другой стороны учение о закономерных преобразованиях абстрактных синтаксических структур в конкретные высказывания речи, — разделы грамматики, необходимо дополняющие две отмеченные части синтаксиса.

1. Вопрос, имеющий первостепенное значение при построении синтаксиса, — установление наименьшей единицы, играющей на синтаксическом уровне роль, аналогичную роли фонемы на фонологическом уровне, т. е. элементарной синтаксической единицы.

Элементарная синтаксическая единица является инвариантом синтаксического уровня, представляющим нижний предел синтаксического анализа фразы и исходный пункт синтеза. Это наименьший языковой элемент, способный составить самостоятельное высказывание и вступать в синтаксические связи с другими элементами высказывания. В

отличие от морфологии и фонологии, синтаксис еще не выработал достаточно четкого понятия своей элементарной единицы и не исследовал в достаточной мере способы ее репрезентации на морфологическом уровне. Поэтому понятно особое усиление интереса к этим вопросам в последнее время.

Дистрибутивный формализм и некоторые другие направления рассматривают в качестве единственной элементарной грамматической единицы языка морфему; при этом не учитывается специфика синтаксического уровня, синтаксис растворяется в морфологии и синтаксические единицы как таковые не выделяются. В частности, дескриптивисты крайне формалистического направления (З. Хэррис) изучают лишь морфологический аспект структуры высказывания. Между тем, морфема— единица не синтаксического, а морфологического уровня. Морфемы и комплексы морфем служат для морфологической репрезентации синтаксических единиц.

Традиционная грамматика принимает в качестве элементарной единицы синтаксического уровня слово. Однако категория слова не имеет четких синтаксических, вообще грамматических границ. Будучи языковой-психолингвистической единицей, слово как общелингвистическая категория лишено со структурной точки зрения какой-либо определенности.

Даже традиционный синтаксис не признает синтаксической самостоятельности „пустых“ „служебных“ слов, роль которых состоит в грамматическом оформлении полных (полнозначных) слов. С другой стороны, отдельно взятые полные слова также не всегда являются самостоятельными единицами синтаксического уровня и нуждаются для приобретения синтаксической самостоятельности в оформлении или дооформлении с помощью пустых слов, обозначающих или преобразующих категории и функции полных слов (слова-актуализаторы и транспозиторы в системе Ш. Балли, индексы и транслятивы у Л. Теньера). Если некоторые типы полных слов непосредственно выступают во фразе с определенным грамматическим оформлением (полные слова, оформленные с помощью синтетических

способов, а также полные слова с „нулевым“ и контекстуальным оформлением), то другие типы полных слов вводятся во фразу в сопровождении пустых слов, образуя вместе с последними аналитические сцепления. В качестве элементарной синтаксической единицы выступает не вообще слово или даже полное слово, а полное слово в его данном грамматическом оформлении. В случае аналитического оформления элементарная синтаксическая единица представляется двумя и более словами. Таким образом, между понятиями элементарной синтаксической единицы и отдельного слова нет однозначного соответствия.

Хотя в частном случае элементарная синтаксическая единица может совпасть с морфемой или словом, однако в целом слово, как и морфема, не может быть признано наименьшей функциональной единицей синтаксиса.

С целью более точного установления морфологической репрезентации элементарных синтаксических единиц можно отвлечься от грамматически неопределенной категории слова и охарактеризовать эти единицы в терминах репрезентирующих их семантем и морфем (морфологических показателей). В таком случае можно сказать, что элементарная синтаксическая единица репрезентируется сочетанием семантемы с оформляющими ее морфемами, в том числе аналитическими (пустые слова).

Помимо простых и сложных (полных) слов и их аналитических эквивалентов, в качестве элементарных синтаксических единиц употребляются идиоматические выражения— сцепления полных слов, неделимые в синтаксическом отношении. Наконец, принципиальная возможность субституции, обусловленная тождественностью категориально-функционального содержания, дает возможность рассматривать в качестве расширенных эквивалентов элементарных синтаксических единиц придаточные предложения, причастные и деепричастные обороты, которые, будучи взяты отдельно, подвержены, как правило, синтаксическому анализу, но по отношению к подчиняющим их элементам синтаксически неделимы.

2. Исходя из данной интерпретации понятия элементарной синтаксической единицы, можно соответствующим образом модифицировать понятие частей речи.

В отличие от традиционной грамматики, которая рассматривает части речи как грамматические разряды слов, было бы последовательнее интерпретировать их как классы элементарных синтаксических единиц, выделяемые на основе общего категориального значения и функции. С этой точки зрения в класс существительных, например, войдут не только существительные в обычном смысле слова, но и аналитические сцепления с артиклем и детерминативами, любые субстантивные местоимения, нелично-субстантивные формы глагола, придаточные субъектное и объектное и т. д., т. е. все те синтаксически неделимые единицы и их категориально-функциональные (дистрибутивные) эквиваленты, которые имеют грамматическое значение субстанции и могут выступить в роли подлежащего или дополнения. С другой стороны, не может включаться в разряд существительных, например, словоформа родительного падежа или соответствующая предложная конструкция, которые по своему грамматическому значению признака и определительной функции эквивалентны прилагательным, а также падежные формы и аналитические сцепления с предлогами, эквивалентные наречиям и т. д.

Чисто семантические и морфологические критерии могут служить лишь для дальнейшего дробления частей речи на соответствующие подклассы.

Элементарные синтаксические единицы характеризуются не только лексическим, но и определенным синтаксическим значением и потенциальной синтаксической функцией, являясь таким образом минимальными элементами, отнесенными в какой-либо возможный в данном языке категориальный и функциональный разряд. Классы элементарных синтаксических единиц выделяются на основе их категориального значения и комбинаторной потенции (функции). Это позволяет преодолеть односторонний логизм и функционализм, а также формализм, которые характеризуют многие попытки классификации по частям речи. Если функция данного класса (части речи) обуслов-

лена его значением, то последнее в свою очередь ограничивается в качестве грамматического (синтаксического) именно через употребление. Категориальное значение и функция каждого класса однозначно соответствуют друг другу, поэтому классификации, производимые на основе этих двух признаков, являются изоморфными. Случаи кажущегося расхождения между категорией и функцией объясняются как результат категориально-функционального преобразования— транспозиции (трансляции) одного класса в другой. Непосредственное выделение классов элементарных синтаксических единиц происходит на основе учета их дистрибуции, то есть позиции в структурных образованиях (ср. методику анализа высказывания, разработанную Ч. Фризом). Учет местоименной корреляции дает возможность значительно сократить процедуру классификации элементарных синтаксических единиц.

Благодаря такому подходу, элементарные синтаксические единицы (синтаксически оформленные полные слова, а также их аналитические и расширенные эквиваленты) распределяются по классам существительных, глаголов, прилагательных, наречий. Традиционные местоимения и числительные включаются, в зависимости от их грамматического значения и функционирования, в один из именных разрядов, тогда как грамматические слова не выделяются в отдельные части речи в силу того, что они являются компонентами классов полных слов и их эквивалентов (артикл компонент существительного, подчинительный союз— придаточного предложения и т. д.).

Системные взаимоотношения классов элементарных синтаксических единиц можно представить динамически— в виде правил их взаимопереходов (ср. исчисление переходов элементарных классов в аппликативной порождающей модели С. К. Шаумяна).

3. Можно ввести также соответствующее уточнение в понятие элементарной синтаксической структуры (бинарной группы).

Синтаксические структуры возникают на основе комбинаций элементарных единиц. Если основная трудность категориального синтаксиса состоит в определении природы

простейшей единицы синтаксического уровня, то основная трудность структурального синтаксиса заключается в необходимости свести количественное и качественное многообразие возможных в языках синтаксических образований к определенному единству.

Если исходить из речевой данности, то наибольшей синтаксической единицей— образованием, внутри которого действуют синтаксические связи,— следует признать фразу» которую часто считают непосредственным объектом изучения синтаксиса. Фраза— лингвистическая категория, сочетающая в себе языковой и речевой аспекты. Языковая сторона фразы— это её структурная схема (модель конструирования). Своей коммуникативной и экспрессивной функциями, конкретным лексическим наполнением и содержанием, интонационной законченностью и линейной последовательностью слов фраза относится к речи. Между языковым и речевым аспектами фразы намечается переходная сфера, где действуют закономерности ее синтеза и анализа. Структуральный синтаксис как часть науки о языке призван заниматься именно и только изучением структуры и структурной типологии фраз.

Однако подобно слову фраза представляет единство, лишенное структурной определенности. Она может быть образована из отдельного полного слова (или из аналитического эквивалента полного слова), из группы слов, из комбинации групп слов и целых предложений. Любая возможная в данном языке структура может послужить основой для образования фразы при условии ее речевой актуализации; с другой стороны, ни одна структура не является фразовой без выполнения указанного условия. Поэтому структурная характеристика фразы, даже данная в терминах составляющих ее классов элементарных единиц, была бы слишком неопределенной. Занимаясь непосредственно описанием единичных встречающихся в потоке речи фраз, синтаксис рискует затеряться в их многообразии и сойти на ступень эмпирически-констатирующей дисциплины. Нередко именно так выглядит синтаксис, когда его разрабатывают с помощью метода анализа по НС.

Теоретический синтаксис, имеющий целью адекватное воссоздание картины синтаксического строя языка, должен стремиться к обнаружению простейшего структурного образования, к которому сводятся в языковом сознании говорящих многочисленные фразовые структуры. Необходимо найти конструктивное понятие, дающее возможность наиболее простого описания синтаксического строя, содержащего всю необходимую и достаточную информацию о существующих и возможных типах фразовых структур.

Понятия конструкции НС (дескриптивная лингвистика) и синтагмы (женевская школа) не могут считаться конструктивными в силу своей синтаксической неопределенности. ТГ представляет весьма сильную попытку преодолеть громоздкость и эмпиричность грамматики НС с помощью введения собственного конструктивного понятия, а именно — понятия ядра, то есть заданного набора элементарных конструкций, по отношению к которым прочие конструкции рассматриваются как производные (трансформы). Синтаксис содержит лишь описание ядерных конструкций и правила трансформации. Понятия ядра и трансформации действительно способствуют упрощению синтаксического описания. Однако трансформационный метод не является методом обнаружения наличных в языке структурных единств, а методом сопоставления единств уже обнаруженных, позволяющим устанавливать их системные взаимоотношения. Он применим лишь на той стадии исследования, когда основные типы синтаксических структур уже установлены с помощью других процедур, притом применим скорее как условный способ описания, чем как аналог реальных лингвистических процессов в сознании говорящих. Кроме того, ТГ не предлагает четких критериев для отграничения конструкций ядра от конструкций-трансформов.

Ближе к искомому единству и соответствующему понятию традиционная категория словосочетания. Словосочетание действительно представляет достаточно простое структурное единство. За исключением слов-фраз, структурно неразложимых и поэтому выпадающих из сферы структурно-синтаксического анализа, фразы различного

объема и сложности представляют в структурном отношении либо словосочетание, либо комбинацию словосочетаний. Это относится в том числе к субъектно-предикатной структуре, если ее рассматривать в отвлечении от фразовых свойств, как структурную схему. Однако понятие словосочетания в той форме, в какой оно часто применяется, в значительной мере морфологизировано и может быть введено в синтаксис только с определенными коррективами. Поскольку в составе предложения слово непосредственно соотносится с другими словами той же синтаксической группы и лишь косвенно с предложением в целом, то для синтаксиса неприемлема также категория членов предложения; к тому же в обычном понимании этой категории сказывается сильное влияние логицистической грамматики.

Синтаксически интерпретируемое словосочетание, выделяемое на основе структурно-функциональных признаков а не внешнего оформления, предпочтительно обозначить во избежание смешения, особым термином: синтаксическая группа. Как и во фразе, в синтаксической группе различаются речевой и языковой аспекты. Речевой уровень в группе — линейная рядоположенность элементов, лексическое заполнение, номинативная функция; языковой — синтаксический уровень — модель образования.

Отличие синтаксической группы от словосочетания (в обычном понимании этой категории) сводится к следующему: а) синтаксические группы делятся на подклассы в зависимости от структурно-функциональных признаков, а не внешнего оформления или лексического значения; б) в группе могут сочетаться не только слова, но и элементарные синтаксические единицы других типов: так, переходный глагол образует вместе с придаточным дополнительным простейшую структуру (или бинарную группу), хотя само по себе придаточное предложение синтаксически членимо; в) понятие группы охватывает только подчинительные комбинации (в том числе комбинацию „предикативную“, поскольку подлежащее является таким же подчиненным элементом глагольной группы, как и дополнение). Сочинительные же комбинации представляют собой связь категориально и функционально тождественных,

структурно одноплановых элементов, не образующих синтаксической структуры в собственном смысле слова.

Различаются группы бинарная и пучковая. Бинарная группа является сцеплением двух элементарных синтаксических единиц; компоненты бинарной группы структурно разноплановы, принадлежат к различным категориально-функциональным классам и объединяются на основе подчинительного отношения, которое в семантическом плане может быть интерпретировано как отношение субъектное, объектное, атрибутивное или обстоятельственное. Пучковая группа (узел) представляет комбинацию двух и более бинарных групп с общим центральным элементом.

Как бинарная, так и пучковая группа могут выступать в качестве фраз непосредственно, либо в составе более обширных комбинаций, правила образования которых совпадают с правилами образования самих групп из элементарных единиц и поэтому в специальном рассмотрении не нуждаются. В отличие от конструкции НС и синтагмы, группа представляет не линейное образование, а иерархическую структуру, в чем также состоит ее отличие от сочинительных комбинаций.

Класс синтаксической группы определяется классом ее центрального элемента, поэтому различаются группы глагольная, субстантивная, адъективная и адverbиальная. Классы бинарных групп устанавливаются на основе их состава— в зависимости от классов конституирующих их элементарных синтаксических единиц. Возможности комбинирования последних ограничены: наряду с допустимыми комбинациями существуют комбинации недопустимые. Так, невозможна непосредственная комбинация существительного с наречием или прилагательного с глаголом. Классы пучковых структур устанавливаются путем объединения бинарных структур на основе общности класса подчиняющего элемента.

Дальнейшее дробление классов синтаксических групп на подклассы возможно совершать на основе морфологических и семантических критериев.

Системно-парадигматические отношения бинарных групп и более сложных структур выявляются с помощью транс-

формационного анализа (ср. исчисление трансформаций комплексов слов в аппликативной порождающей модели).

Классификацию синтаксических единиц и групп можно распространить также на структуру фраз, распределяя и идентифицируя их в зависимости от класса образующей вершину фразы элементарной синтаксической единицы и соответствующей элементарной синтаксической структуры (структурная классификация фраз, которая дополняется их классификацией по модальным типам).

Благодаря ограниченному количеству разновидностей групп, их исчерпывающее описание реально возможно. Бинарная группа является как раз искомой элементарной структурой синтаксического уровня, к которой сводится при анализе любая фразовая структура.

Группы, комбинируясь друг с другом, вступают в связь не механическую, а органическую; имея какой-либо общий элемент, они как бы проникают друг в друга, сохраняя в то же время внутреннюю целостность. По этой причине закономерности комбинаций групп сводятся к закономерностям образования групп; во избежание избыточности в описании синтаксис может довольствоваться выявлением структуры бинарных групп, сводя к последней структуру фраз. Описание наличных в языке разновидностей бинарных групп необходимо и достаточно для структурной характеристики данных или возможных в речи фраз любого типа, сложности и величины. Именно понятие бинарной группы может послужить основой наиболее простого синтаксического описания. Совокупность классов бинарных групп рассматривается как костяк синтаксического строя языка, его подлинное синтаксическое ядро.

Задача структурального синтаксиса может считаться исчерпанной, если описаны структурные типы и системные взаимоотношения синтаксических групп. Структура фразы не является непосредственным объектом структурального синтаксиса. Непосредственно структуральный синтаксис является синтаксисом групп.

4. Таким образом, данная попытка включения традиционных синтаксических категорий в рамки структурного описания приводит к разным результатам в зависимости от

того, о каких именно категориях идет речь. Одни понятия, как часть речи, словосочетание, сохраняются с известными коррективами; другие, например, фраза учитываются лишь косвенно; наконец, третьи— член предложения— исключаются. Член предложения— категория логической грамматики, не находящая места в синтаксическом описании на основе понятия бинарной группы.

Понятия элементарной синтаксической единицы и элементарной синтаксической структуры соответствуют определенным синтаксическим инвариантам структурно-функционального характера. Поэтому они представляются более приемлемыми при описании синтаксического строя со структурной точки зрения, чем понятия таких структурно неопределенных и неопределимых категорий, как слово и предложение. Ограниченность количества возможных классов элементарных синтаксических единиц и их допустимых комбинаций позволяет построить с помощью соответствующих понятий достаточно простое, полное и экономное описание синтаксического строя, а также дать более последовательную классификацию синтаксических единиц, чем традиционная классификация по частям речи и членам предложения.

5. Вопрос взаимоотношения элементарных синтаксических единиц и структур представляется весьма важным по той причине, что он связан с проблемой установления дифференциальных признаков элементов и комбинаций на синтаксическом уровне. В фонологии такая система признаков была установлена в виде бинарных оппозиций фонологических элементов. На синтаксическом уровне дифференциальным признаком оказывается отнесенность данной синтаксической единицы или структуры к тому или иному синтаксическому классу.

Классы элементарных синтаксических единиц, как не подверженные дальнейшей синтаксической редукции величины, являются крайними (минимальными) элементами синтаксического уровня, дифференциальный признак которых— способность к комбинированию в составе структурно-синтаксических образований определенного типа. С другой стороны, дифференциальным признаком классов

элементарных синтаксических структур (бинарных групп) является их состав, конституированность из единиц того или иного класса.

Между значением и употреблением синтаксических единиц, их парадигматическими и синтагматическими свойствами существует определенная взаимозависимость. В силу этого при построении категориального синтаксиса неизбежно обращение к структуральному синтаксису, и обратно. Однако независимо от того, как протекает процедура анализа, изложение результатов должно быть систематическое и объяснительное, а это возможно лишь в случае, если соблюдается последовательность: синтаксис — морфология, а внутри синтаксиса: учение о единицах — учение о структурах.

6. Наличие определенного взаимоотношения между синтаксическими элементами и комбинациями дает возможность их взаимосвязанного описания. Такое описание представляет синтаксическую модель, компонентами которой и являются рассмотренные понятия (элементарная синтаксическая единица и элементарная синтаксическая структура). При построении этой модели комбинаторная потенция синтаксических единиц учитывалась в отвлечении от тех ограничений, которые налагаются на нее на семантическом и морфологическом уровнях. В силу этого возникла возможность охарактеризовать элементарную единицу и структуру синтаксического уровня независимо от их семантической и морфологической вариантности, требующей специального изучения на материале конкретных языков. В данном случае была сделана попытка выделить необходимое и достаточное при исследовании синтаксического уровня как такового, абстрагируясь от всего синтаксически нерелевантного (избыточного). Имелась в виду лишь потенция синтаксической сочетаемости элементарных синтаксических единиц как наиболее общих синтаксических категорий, наделенных максимальной возможной валентностью и минимально ограниченной сочетаемостью в структурных образованиях. Учитывался лишь необходимый минимум таких ограничений в сочетаемости, которые проявляются в синтаксических отношениях и функциях классов

элементарных единиц при их комбинировании в разного типа элементарных структурах и на которых базируется синтаксис любого естественного языка. В связи с этим оказалось необходимым разграничение языковой и речевой валентности. Определение различия природы и проявлений валентных ограничений на языковом и речевом уровнях — мало разработанная проблема, освещение которой способствовало бы более глубокому осознанию особенностей перехода от статического („таксономического“) аспекта грамматики к динамическому и от „тектограмматического“ аспекта — к „фенограмматическому“.

Способствуя описанию фактов синтаксического строя, рассмотренные понятия сами по себе, конечно, не достаточны для объяснения этих фактов. Их установление не позволяет еще понять, почему в языках возможны те, а не другие классы элементарных синтаксических единиц, почему допустимы те, а не другие их комбинации в элементарных синтаксических структурах и т. п. Подобные проблемы разрешимы только при условии выхода за пределы языкового ряда, при рассмотрении языка в аспекте его функционирования как важнейшей и специфической семиотической системы и освещении языковых явлений в широком контексте экстралингвистических факторов онтологического, логического, психологического порядка. В частности, только этим путем может быть обнаружена экстралингвистическая основа синтаксических единиц и структур, находящая в последних специфически лингвистическое преломление.

Элементарная синтаксическая единица и элементарная синтаксическая структура анализировались как категории общелингвистического характера. Применение к исследованию строя конкретных языков — необходимое условие для проверки степени адекватности подобных понятий, для их дальнейшего уточнения и совершенствования.

Выдвижение и определение конструктивных понятий синтаксического описания не дает еще рецепта для правильной идентификации того или иного синтаксического элемента или отношения в том или ином языке. При интерпретации этих понятий на уровне конкретных языков возможны затруднения, обусловленные не столько неадек-

ватностью общей модели, сколько исключительной сложностью языковых и речевых феноменов. Схематизация и упрощение фактического положения вещей неизбежны во всякой модели, особенно в случае, когда целью моделирования является не установление многообразных вариантов синтаксического содержания и выражения в определенном языке, а обнаружение наиболее абстрактного пласта синтаксических образований, тождественного в самых различных языках.

В ряду представителей структурального синтаксиса особой линии придерживаются те лингвисты, которые, не удовлетворяясь ни устаревшей системой синтаксических понятий, ни рецептами, предлагаемыми в крайних направлениях структурализма, стремятся к созданию основ синтаксического описания, отражающего живые языковые факты и, вместе с тем, эффективного с точки зрения практического применения. Эта тенденция ясно выступает, например, в работах Ч. Фриза и Л. Теньера. Не случайно, что синтаксическое учение этих лингвистов выработалось в процессе их педагогической деятельности и проверено практикой обучения языкам, так же, как в свое время функциональная система армянского синтаксиса, разработанная М. Абегианом. Хотя вопросы применения достижений синтаксической теории структурализма в практике преподавания языков в настоящей работе непосредственно не рассматривались, тем не менее, намечая определенную систему понятий структурно-синтаксического описания, мы учитывали результаты, достигнутые этими лингвистами-педагогами. Данную работу можно рассматривать как опыт методологического обоснования принципов такого структурно-синтаксического описания, которое исходит из четкого отграничения синтаксического уровня от других уровней языковой системы и акцентирует специфику синтаксических элементов и отношений. Между тем, именно такой подход способен, по-видимому, освободить преподавание языков от пут псевдонаучной традиции логицизма и привести нормативную грамматику в большее соответствие с языковой реальностью и с лингвистической интуицией говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В. Г.**, Развитие синтаксической теории на Западе в XX веке и структурализм, ВЯ, 1956, № 6.
- Адмони В. Г.**, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958, № 1.
- Адмони В. Г.**, О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю, ВЯ, 1961, № 2.
- Адмони В. Г.**, Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении, „Филологические науки“, 1961, № 3.
- Адмони В. Г.**, Язык как единство системы отношений и системы построения, „Филологические науки“, 1963, № 3.
- Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р.**, О пооятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка, ВЯ, 1963, № 3.
- Апресян Ю. Д.**, К вопросу о структурной лексикологии, ВЯ, 1962, № 3.
- Апресян Ю. Д.**, Метод непосредственно составляющих и трансформационный метод в структурной лингвистике, „Русский язык в национальной школе“, 1962, № 4.
- Апресян Ю. Д.**, Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики, „Проблемы структурной лингвистики“, М., 1963.
- Арутюнова Н. Д.**, О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке, „Филологические науки“, 1962, № 2.
- Арутюнова Н. Д.**, О структурных и традиционных методах в грамматике, „Филологические науки“, 1963, № 4.
- Арутюнова Н. Д., Кубрякова Е. С.**, Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов, „Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике“, М., 1961.
- Ахманова О. С.**, Основные направления лингвистического структурализма, М., 1955.
- Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М.** О точных методах исследования языка, М., 1961.
- Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б.**, Современные синтаксические теории, М., 1963.
- Балли Ш.**, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955.

- Белый В. В., К вопросу о словосочетании, „Филологические науки» 1960, № 4.
- Белецкий М. И., Григорян В. М., Заславский Н. Д., Аксиоматическое описание порядка и управления слов в некоторых типах предложений, „Труды вычислительного центра Акад. наук Арм. ССР и Ерев. гос. ун-та", 1, 1963.
- Вандриес Ж., Язык, М., 1937.
- Виноградов В. В., Русский язык (Грамматическое учение о слове), М.—Л., 1947.
- Виноградов В. В., Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка), ВЯ, 1954, № 3.
- Глисон Г., Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959.
- Грамматика русского языка, т. II, ч. 1—2, изд. АН СССР, М., 1954.
- Гухман М. М., Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова, „Вопросы грамматического строя", М., 1955.
- Ельмслев Л., Прологомены к теории языка, „Новое в лингвистике", в. 1, М., 1960.
- Есперсен О., Философия грамматики, М., 1958.
- Жирмунский В. М., О границах слова, „Морфологическая структура слова в языках различных типов," М.—Л., 1963.
- Зализняк А. А., Иванов В. В., Топоров В. Н., О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семантических систем, „Структурно-типологические исследования", М. 1962.
- Звегинцев В. А., Глоссематика и лингвистика, „Новое в лингвистике", в. 1, М., 1960.
- Звегинцев В. А., Проблема значения в современном зарубежном языкознании, „Новое в лингвистике", в. 2, М., 1962.
- Иванов В. В., Некоторые соображения о трансформационной грамматике, „Тезисы докладов на конференции по структурной лингвистике, посвященной проблемам трансформационного метода", М., 1961.
- Илия Л. И., К вопросу о грамматических границах слова в современном французском языке, УЗ 1 МГПИИЯ, т. V, 1953,
- Илия Л. И., Методы членения синтаксического целого, УЗ 1 МГПИИЯ, т. XIX, 1959.
- Иорданская Л. Н., О некоторых свойствах правильной синтаксической структуры, ВЯ, 1963, № 4.
- Кротевич Е. В., Слово, часть речи, член предложения (к вопросу об их соотношении), Львов, 1960.
- Курилович Е., Очерки по лингвистике, М., 1962.
- Лекомцев Ю. К., К принципу классификации простых предложений во вьетнамском языке, ВЯ, 1960, № 1.
- Лекомцев Ю. К., К вопросу об аналогиях в строении схем слога и простого предложения, „Проблемы структурной лингвистики", М., 1962.

- Лекомцев Ю. К.**, Основные положения глоссематики, ВЯ, 1962, № 4.
- Леонтьев А. А.**, Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи, „Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике“, М., 1961.
- Лиз Р. Б.**, Что такое трансформация? ВЯ, 1961, № 3.
- Лиз Р. Б.**, О переформулировании трансформационных грамматик, ВЯ, 1961, № 6.
- Лиз Р. Б.**, О возможностях проверки лингвистических положений, ВЯ, 1962, № 4.
- Ломтев Т. П.**, Основы синтаксиса современного русского языка, М., 1958.
- Ломтев Т. П.**, О некоторых вопросах структуры предложения, „Филологические науки“, 1959, № 4.
- Ломтев Т. П.**, Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц. (О понятии позиции в теории синтаксиса), „Филологические науки“, 1960, № 4.
- Ломтев Т. П.**, Природа синтаксических явлений. (К вопросу о предмете синтаксиса), „Филологические науки“, 1961, № 3.
- Ломтев Т. П.**, О совещании по теории синтаксиса, „Вестник Моск. ун-та“, 1961, № 5.
- Макаев Э. А.**, К вопросу об изоморфизме, ВЯ, 1961, № 5.
- Макаев Э. А.**, Понятие давления системы и иерархия языковых единиц, ВЯ, 1962, № 5.
- Мартине А.**, О книге „Основы лингвистической теории“ Луи Ельмслева, „Новое в лингвистике“, в. 1, М., 1960.
- Мартине А.**, Основы общей лингвистики, „Новое в лингвистике“, в. 3, М., 1963.
- Мачавариани М. В.**, О взаимоотношении математики и лингвистики, ВЯ, 1963, № 3.
- Мещанинов И. И.**, Синтаксические группы, ВЯ, 1958, № 3.
- Микаэлян Г. Б.**, Вопросы синтаксиса в американской „дескриптивной“ лингвистике, „Филологические науки“, 1958, № 3.
- Микуш Р. Ф.**, Обсуждение вопросов структурализма и синтагматическая теория, ВЯ, 1957, № 1.
- Микуш Р. Ф.**, Письмо в редакцию, ВЯ, 1959, № 5.
- Микуш Р. Ф.**, Рецензия на книгу Л. Теньера „Элементы структурального синтаксиса“, ВЯ, 1960, № 5.
- Молошная Т. М.**, Некоторые вопросы синтаксиса в связи с машинным переводом с английского языка на русский, 1957, № 4.
- Мухин А. М.**, Функциональные лингвистические единицы и методы структурного анализа языка, ВЯ, 1961, № 1.
- Мухин А. М.**, Синтаксема как функциональная синтаксическая единица, „Филологические науки“, 1961, № 3.
- Мухин А. М.**, Функциональный анализ синтаксических элементов, М.—Л., 1964.
- Основные направления структурализма, М., 1964.

- Падучева Е. В., Рецензия на книгу Н. Хомского „Синтаксические структуры“, ВЯ, 1959, № 1.
- Ладучева Е. В., О способах представления синтаксической структуры предложения, ВЯ, 1964, № 2.
- Пауль Г., Принципы истории языка, М., 1960.
- Распопов И. П., Актуальное членение предложения, Уфа, 1961.
- Ревзин И. И., Формальный и семантический анализ синтаксических, связей в языке, „Применение логики в науке и технике“, М., 1960.
- Ревзин И. И., О некоторых понятиях так называемой теоретико-множественной концепции языка, ВЯ, 1960, № 6.
- Ревзин И. И., Модели языка, М., 1962.
- Ревзин И. И., Основные единицы синтаксического анализа и установление отношений между ними, „Структурно-типологические исследования“, М., 1962.
- Реформатский А. А., Введение в языкознание, М., 1955.
- Седелъников Е. А., Несколько слов о синтагматической теории, ВЯ, 1958, № 4.
- Седелъников Е. А., Еще раз о синтагматической теории, ВЯ, 1961, № 1.
- Седелъников Е. А., Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений, „Филологические науки“, 1961, № 3.
- Сепир Э., Язык, М., 1934.
- Смирницкий А. И., К вопросу о слове (проблема „отдельности слова“), „Вопросы теории и истории языка“, М., 1952.
- Смирницкий А. И., Лексическое и грамматическое в слове, „Вопросы: грамматического строя“, М., 1955.
- Смирницкий А. И., Аналитические формы, ВЯ, 1956, № 2.
- Де Соссюр Ф., Курс общей лингвистики, М., 1933.
- Топоров В. Н., О введении вероятности в языкознание, ВЯ, 1959, № 6.
- Уорс Д. С., Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке, „Новое в лингвистике“, в. 2, М., 1962.
- Фриз Ч., Значение и лингвистический анализ, „Новое в лингвистике“, в. 2, М., 1962. *
- Халле М., Фонологическая система русского языка, „Новое в лингвистике“, в. 2, М., 1962.
- Хауген Э., Направления в современном языкознании, „Новое в лингвистике“, в. 1, М., 1960.
- Хилл А., О грамматической отмеченности предложений, ВЯ, 1962, № 4.
- Холодович А. А., Опыт теории подклассов слов, ВЯ, 1960, № 1.
- Хомский Н., Три модели описания языка, „Кибернетический сборник“, в. 2, М., 1961.
- Хомский Н., Синтаксические структуры, „Новое в лингвистике“, в. 2, М., 1962.
- Хомский Н., Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике, ВЯ, 1962, № 4.

- Хэррис З. С.**, Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, „Новое в лингвистике“, в. 2, М., 1962.
- Шапиро А. Б.**, Словосочетание в русском языке, „Славянское языкознание“, изд. АН СССР, 1959.
- Шапиро А. Б.**, О предмете синтаксиса, „Филологические науки“, 1961 № 3.
- Шаумян С. К.**, Структурная лингвистика как имманентная теория языка, М., 1958.
- Шаумян С. К.**, Операционные определения и их применение в фонологии, „Применение логики в науке и технике“, М., 1960.
- Шаумян С. К.**, Проблемы теоретической фонологии, М., 1962.
- Шаумян С. К.**, Теоретические основы трансформационной грамматики, „Новое в лингвистике“, в. 2, М., 1962.
- Шаумян С. К.**, Преобразование информации в процессе познания и двухступенчатая теория структурной лингвистики, „Проблемы структурной лингвистики“, М., 1962.
- Шаумян С. К.**, О логическом базисе лингвистической теории, „Проблемы структурной лингвистики“, М., 1963.
- Шаумян С. К.**, Порождающая лингвистическая модель на базе принципа двухступенчатости, ВЯ, 1963, № 2.
- Шаумян С. К., Соболева П. А.**, Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке, М., 1963.
- Шахматов А. А.**, Синтаксис русского языка, М., 1941.
- Шендельс Е. И.**, О грамматических значениях в плане содержания, „Принципы научного анализа языка“, М., 1959.
- Шендельс Е. И.**, Синтаксические варианты, „Филологические науки“ 1962, № 1.
- Шмелев Д. Н.**, Несколько замечаний к построению синтаксической теории, „Филологические науки“, 1961, № 3.
- Ярцева В. Н.**, Проблема формы и содержания синтаксических единиц в трактовке дескриптивистов и „менталистов“, „Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике“, М., 1961.
- Մ. Շենդելս**, Աշխարհարար քր շարան յուս ութ յուն, Կողարշապատ, 1912
- Է. Ֆրայլա**
- Գ. Զահուկյան**, Լեզվաբանության պատմություն, հհ. 1—2, Երևան, 1960—62:
- Գ. Սևակ**, Ժամանակակից հայոցլեզվի դա սըն թա ց, Երևան, 1955:
- Actes du Sixième Congrès International des Linguistes, P., 1949.
- N. D. Andreyev, Models as a tool in the development of linguistic theory, „Word“, vol. 18, 1962.
- J. Bar-Hillel**, A quasi-arithmetical notation for syntactic description, „Language“, vol. 29, 1953.
- C. E. Bazell, On the neutralisation of syntactic oppositions, „Recherches structurales“, TCLC, vol. 5, 1949.

- C. E. Bazell**, Syntactic relations and linguistic typology, CFS, vol. 8, 1949.
- B. Bloch**, A set of postulates for phonemic analysis, «Language», vol. 24, 1948.
- B. Bloch and G. L. Trager**, Outline of linguistic analysis, Baltimore, 1942.
- L. Bloomfield**, A set of postulates for the science of language, «Language», vol. 2, 1926.
- L. Bloomfield**, Language, N. Y., 1933.
- D. L. Bolinger**, Linguistic science and linguistic engineering, «Word», vol. 16, 1960.
- D. L. Bolinger**, Syntactic blends and other matters, «Language», vol. 37, 1961.
- C. H. Borgstrøm**, The technique of linguistic descriptions, «Acta Linguistica», vol. 5, 1945—1949, fasc. 1.
- V. Brøndal**, Le système de grammaire, «Essais de linguistique générale», Cop., 1943.
- V. Brøndal**, L'autonomie de la syntaxe, «Essais de linguistique générale», Cop., 1943.
- V. Brøndal**, Les parties du discours. Partes orationis, Cop., 1948.
- F. Brunot**, La pensée et la langue, P., 1926.
- K. Bühler**, Sprachtheorie, Yena, 1934.
- E. Buysens**, De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques: la parole — le discours — la langue, «Acta Linguistica», vol. 3, fasc. 1, 1942.
- E. Buysens**, Vérité et langue. Langue et parole, Bruxelles, 1960.
- J. B. Carroll**, The study of language. A survey of linguistics and related disciplines in America, 2nd ed., Cambridge, Mass., 1961.
- E. A. Cassirer**, Structuralism in modern linguistics, «Word», vol. 1, 1945.
- S. Chatman**, Immediate constituents and expansion analysis, «Word», vol. 11, 1955.
- N. Chomsky**, On the notion «rule of grammar», «Structure of language and its mathematical aspects» («Proceedings of Symposia in applied mathematics», vol. XII), Providence, 1961.
- W. E. Collinson**, An account of de Groot's «Structurele syntaxis» in its application to English, «Lingua», vol. 3, N 2, 1952.
- E. Coseriu**, Sistema, norma y habla, «Teoria del lenguaje y linguistica general», Madrid, 1962.
- H. B. Curry**, Some logical aspects of grammatical structure, «Structure of language and its mathematical aspects» («Proceedings of Symposia in applied mathematics», vol. XII), Providence, 1961.
- J. Damourrette et E. Pichon**, Des mots à la pensée. Essai de grammaire française, vol. 1, P., 1911.
- P. Diderichsen**, The importance of distribution versus other criteria in linguistic analysis, «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», Oslo, 1958.
- K. von-Ettmayer**, Analytische Syntax der französischen Sprache, B. 1, Halle, 1931.
- E. Fischer-Yørgensen**, (Рел.) V. Brøndal, Les parties du discours, «Acta Linguistica», vol. 6, 1950, fasc. 1.
- M. Fowler**, (Рел.) Z. S. Harris, Methods in structural linguistics, «Language», vol. 28, 1952.

- W. N. Francis, The structure of American English, N. Y., 1958.
- H. Frei, Note sur l'analyse des syntagmes, «Word», vol. 4, 1948.
- H. Frei, Critères de délimitation, «Word», vol. 10, 1954.
- H. Frei, L'unité linguistique complexe, «Lingua», vol. 11, 1962.
- Ch. C. Fries, The structure of English. An introduction to the construction-; of English sentences, N. Y., 1952.
- Ch. C. Fries, The Bloofield «school», «Trends in European and American linguistics, 1930—1960», Antwerp, 1961.
- R. Calichet, Essai de grammaire psychologique, P., 1947.
- R. Galichet, Physiologie de la langue française, P., 1949.
- A. H. Gardiner, The theory of speech and language, 2 nd ed., Oxford, 1951..
- P. L. Garvin, Delimitation of syntactic units, «Language», vol. 30, 1954.
- P. L. Garvin, (Ред.) L. Tesnière, Esquisse d'une Syntaxe structurale, «Word»,. vol. 11, 1955.
- P. L. Garvin, A study of inductive method in syntax, «Word», vol. 18, 1962..
- H. Glinz, Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik, Bern, 1952.
- A. W. de Groot, Structural linguistics and syntactic laws, «Word», vol. 5. 1949.
- A. W. de Groot, Structural linguistics and word-classes, «Lingua», vol. 1, N4, 1949.
- A. W. de Groot, Classification of word-groups, «Lingua», vol. 6, N 2, 1957.
- A. W. de Groot, Subject-predicate analysis, «Lingua», vol. 6, N 3, 1957.
- W. Haas, Linguistic structures, «Word», vol. 16, 1960.
- M. A. K. Halliday, Categories of the theory of grammar, «Word», vol. 17, 1961.
- Z. S. Harris, From morpheme to utterance, «Language», vol. 22, 1946.
- Z. S. Harris, Methods in structural linguistics, Chicago, 1951.
- Z. S. Harris, Discourse analysis, «Language», vol. 28, 1952.
- Z. S. Harris, Distributional structure, «Word», vol. 10, 1954.
- Z. S. Harris, From phoneme to morpheme, «Language», vol. 31, 1955.
- Z. S. Harris, String analysis of sentence structure, The Hague, 1962.
- A. G. Hatcher, Syntax and the sentence, «Word», vol. 12, 1956.
- A. A. Hill, Introduction to linguistic structures. From sound to sentence in English, N. Y., 1958.
- H. Hiž, Goals of a grammatical analysis, «Information retrieval and machine translation», part 11, N. Y., 1961.
- L. Hjelmslev, La notion de rection, «Acta Linguistica», vol. 1, 1939, fasc. 1.
- Ch. F. Hockett, A system of descriptive phonology, «Language», vol. 18, 1942.
- Ch. F. Hockett, (Ред.) E. Nida, Morphology: the descriptive analysis of words, «Language», vol. 23, 1947.
- Ch. F. Hockett Problems of morphemic analysis, «Language». vol. 23, 1947.
- Ch. F. Hockett (Ред.) C. L. Shannon and W. Weaver, The mathematical theory of communication, «Language», vol. 29, 1953.
- Ch. F. Hockett, Two models of grammatical description, «Word», vol. 10, 1954.
- Ch. F. Hockett, Idiom formation, «For Roman Jakobson on the occasion of his 60-th birthday», The Hague, 1956
- Ch. F. Hockett, A course in modern linguistics, N. Y., 1958.

- Ch. F. Hockett**, Linguistic elements and their relations, «Language», vol. 37, 1961.
- Ch. F. Hockett**, Grammar for the hearer, «Structure of language and its mathematical aspects» («Proceedings of Symposia in applied mathematics», vol. XII), Providence, 1961.
- A. van Holk**, Referential and attitudinal constructions, «Lingua», vol. 11, 1962.
- V. Hořejší**, Les plans linguistiques et la structure de l'énoncé, «Philologica Pragensia», 1961, N 4.
- F. W. Householder**, On linguistic primes, «Word», vol. 15, 1959.
- R. Jakobson**, Linguistics and communication theory, «Structure of language and its mathematical aspects» («Proceedings of Symposia in applied mathematics», vol. XII), Providence, 1961.
- S. Johansen**, Glossematics and logistics, «Acta Linguistica», vol. 6, 1950, fasc. 1
- M. Joos**, Linguistic prospects in the United States, «Trends in European and American linguistics. 1930—1960», Antwerp, 1961.
- S. Karcevski**, Sur la phonologie de la phrase, TCLP, vol. 4, 1931.
- S. Karcevski**, Phrase et proposition, «Mélanges de linguistique et de philologie offerts à J. van Ginneken», P., 1937.
- S. Karcevski**, Sur la parataxe et subordination en russe, CFS, vol. 7, 1948.
- S. Karcevski**, Du dualisme asymétrique du signe linguistique, CFS, vol. 14, 1956.
- S. M. Lamb**, On the mechanisation of syntactic analysis, «1961 International Conference on MT of languages and applied linguistic analysis», vol. I—II, L., 1962.
- R. B. Lees**, (Pen.) N. Chomsky, Syntactic structures, «Language», vol. 33, 1957.
- R. B. Lees**, A multiply ambiguous adjectival construction in English, «Language», vol. 36, 1960.
- E. Lerch**, Satzglieder ohne den Ausdruck irgendeiner logischen Beziehung, «Hauptprobleme der französischen Sprache», B. 1, Braunschweig, 1930.
- A. Lorente Maldonado de Guerava**, Morfología y sintaxis, Grenada, 1955.
- R. E. Longacre**, String constituent analysis, «Language», vol. 36, 1960.
- A. Martinet**, La double articulation linguistique, «Recherches structurales», TCLC, vol. 5, 1949.
- A. Martinet**, About structural sketches, «Word», vol. 5, 1949.
- A. Martinet**, (Peu.) E. Nida, Morphology: the descriptive analysis of words, «Word», vol. 6, 1950.
- A. Martinet**, Structural linguistics, «Anthropology today», Chicago, 1953.
- A. Martinet**, (Peu.) K. Togeby, Structure immanente de la langue française, «Word», vol. 9, 1953.
- A. Martinet**, Arbitraire linguistique et double articulation, CFS, vol. 15, 1957.
- A. Martinet**, Elements of a functional syntax, «Word», vol. 16, 1960.
- A. Martinet**, A functional view of language, Oxford, 1962.
- V. Mathesius**, On some problems of the systematic analysis of grammar, TCLP, vol. 6, 1936.
- A. Meillet**, Sur la méthode de la grammaire comparée, «Linguistique historique et linguistique générale», P., 1958.
- R. F. Mikuš**, Le syntagme est-il binaire? «Word», vol. 3, 1947.

- R. F. Mikuš**, A propos de la syntagmatique du professeur Belič. Ljubljana, 1952.
- R. F. Mikuš**, Quelle est en fin de compte la structure-type du langage? «Lingua», vol. 3, N. 4 1953.
- R. F. Mikuš**, En marge du Sixième Congrès International des Linguistes, «Miscelanea homenaje a A. Martinet», vol. 1, La Laguna, 1957.
- W. G. Moulton**, (Peu.) H. Glinz, Die innere Form des Deutschen, «Language», vol. 29, 1953.
- P. Naert**, Limites de la méthode distributionnelle, «Studia Linguistica», vol. 15, 1961, N 1.
- A. Nehring**, The functional structure of speech, «Word», vol. 2, 1946.
- E. A. Nida**, The analysis of grammatical constituents, «Language», vol. 24, 1948.
- E. A. Nida**, Morphology: the descriptive analysis of words, Ann-Arbor, 1957.
- E. Otto**, Stand und Aufgabe der allgemeinen Sprachwissenschaft, B., 1954.
- F. R. Palmer**, Linguistic hierarchy, «Lingua», vol. 7, N 3, 1958.
- L. J. Piccardo**, Le concept de «parties du discours», Montevideo, 1952.
- L. J. Piccardo**, El concepto de «oracion», Montevideo, 1954.
- K. L. Pike**, Taxemes and immediate constituents, «Language», vol. 19, 1943.
- K. L. Pike**, A problem in morphology-syntax division, «Acta Linguistica», vol. 5, 1945—1949, fasc. 3.
- K. L. Pike**, Grammatical prerequisites to phonemic analysis, «Word», vol. 3, 1947.
- K. L. Pike**, More on grammatical prerequisites, «Word», vol. 8, 1952.
- K. L. Pike**, Language in relation to a unified theory of the structure of human behaviour, vol. 1, Glendale, 1954.
- K. L. Pike**, Interpenetration of phonology, morphology and syntax, «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», Oslo, 1958.
- R. S. Pittman**, Nuclear structures in linguistics, «Language», vol. 24, 1948.
- W. Plath**, Mathematical linguistics, «Trends in European and American linguistics, 1930—1960», Antwerp, 1961.
- S. Potter**, Modern linguistics, L., 1957.
- B. Pottier**, Systématique des éléments de relation. Etude de morphosyntaxe structurale romane, P., 1962.
- Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists, L., 1956.
- Readings in linguistics, Washington, 1957.
- A. Reichling**, Principles and methods of syntax. Cryptanalytical formalism, «Lingua», vol. 10, N 1, 1961.
- E. Reifler**, Linguistic analysis, meaning and comparative semantics, «Lingua», vol. 3, N 4, 1953.
- A. Reszkiewicz**, Main sentence elements in «The book of Margery Kempe». A study of major syntax, Wrocław-Warszawa-Krakow, 1962.
- A. Reszkiewicz**, Internal structure of clauses in English. An introduction to sentence pattern analysis, Wrocław-Warszawa-Krakow, 1963.
- J. Ries**, Was ist Syntax? Prag, 1927.
- P. Roberts**, Patterns of English, N. Y., 1956.
- P. Roberts**, Understanding English, N. Y., 1958.
- R. H. Robins**, Syntactic analysis, «Archivum Linguisticum», vol. 13, 1961, fasc. 1.

- J. Schauwecker**, *Die sprachwissenschaftliche Methode*, Tübingen, 1962.
- A. Sechehaye**, *Essai sur la structure logique de la phrase*, P., 1926.
- A. Sechehaye**, *Les trois linguistiques saussuriennes*, «*Vox Romanica*», vol. 5, 1940.
- A. Sechehaye**, *Les classes de mots et l'imagination*, CFS, vol. 1, 1941.
- Shirô Hattori**, *The analysis of meaning*, «For Roman Jakobson on the occasion of his 60-th birthday», The Hague, 1956.
- B. Siertsema**, *A study of glossematics*, The Hague, 1955.
- H. Spang-Hanssen**, *On the simplicity of descriptions*, «*Recherches structurales*», TCLC, vol. 5, 1949.
- H. Spang-Hanssen**, *Glossematics*, «*Trends in European and American linguistics, 1930—1960*», Antwerp, 1961.
- L. Tesnière**, *Esquisse d'une syntaxe structurale*, P., 1953.
- L. Tesnière**, *Éléments de syntaxe structurale*, P., 1959.
- K. Topeby**, *Qu'est-ce qu'un mot?* «*Recherches structurales*», TCLC, vol. 5, 1949.
- K. Topeby**, *Structure immanente de la langue française*, TCLC, vol. 6. Cop., 1951.
- G. L. Trager and H. L. Smith**, *An outline of English structure*, Norman, Oklahoma, 1951.
- N. Trubetzkoy**, *Les rapports entre le déterminé, le déterminant et le défini*, «*Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally*», Genève, 1939.
- H. Uldall**, *On equivalent relations*, «*Recherches structurales*», TCLC, vol. 5, 1949.
- S. de Ullmann**, *Language and meaning*, «*Word*», vol. 2, 1946.
- Universals of language*, Cambridge, Mass., 1963.
- V. H. Yngve**, *A model and a hypothesis for language structure*, «*Proceedings of American philosophical society*», vol. 104, N 5, 1960.
- J. Whatmough**, *Language. A modern synthesis*, L., 1956.
- J. Whatmough**, *Mathematical linguistics*, «*Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists*», Oslo, 1958.
- R. S. Wells**, *Immediate constituents*, «*Language*», vol. 23, 1947.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вводные замечания	3
Глава I. Принципы и методы структурального синтаксиса	6
„Криптоаналитический“ подход дистрибутивного формализма	18
Имманентный структурализм глоссематики	30
Синтагматический структурализм	43
Дескриптивный синтаксис Ч. Фриза	51
Структуральный синтаксис Л. Теньера	57
Замечания о трансформационном синтаксисе	78
Глава II. Понятия элементарной синтаксической единицы и элементарной синтаксической структуры	109
О разграничении синтаксиса и морфологии	109
Понятие элементарной синтаксической единицы	124
Понятие элементарной синтаксической структуры	194
Заключение	254
Литература	269

Агаян
Эдуард Рафаелович

**Предмет и основные понятия
структурального синтаксиса**

Редактор издательства: **С. В. Авакян**
Технический редактор: **А. Овасапян**
Контрольный корректор: **А. С. Саакян**

ВФ 07575

Заказ 281

Тираж 200

Сдано в набор 8/І 1968 г. Подписано к печати 7/Х 1968 г.

Бумага типографская 60×90¹/₁₆ Печ. 17,5 л. Изд. 16 л.

Цена 1 р. 16 ~~к~~

Издательство «Митк», г. Ереван, ул. Абовяна 52.

Полиграфкомбинат им. Акопа Мегарпта Главного управления
полиграфической промышленности Госкомитета по печати
Совета Министров Армянской ССР, Ереван, ул. Теряна, 91.